

Ultimate High – My Everest Odissey

Göran Kropp with David Lagercrantz

Перевод с английского – Павел Болдин, pbol87@gmail.com

В книге представлена история шведского путешественника и альпиниста Йёрана Кроппа, совершившего в 1996 году уникальное путешествие на велосипеде из Стокгольма в Непал с последующим восхождением на высочайшую вершину планеты – гору Эверест. В книге также описываются события майской трагедии 1996 на Эвересте, о которой в последствии были написаны книги Джона Кракауэра – «В разрежённом воздухе» и Анатолия Букреева и Вестона Де Уолта – «Восхождение», а также был снят фильм «Эверест», вышедший в 2015 году. Оригинал данной книги был написан Йёраном Кроппом совместно с шведским журналистом Дэвидом Лагеркранцем в 1997 году. Перевод на русский язык выполнен с английского издания книги (1999 год, переводчик – Ола Клингберг) и приурочен к 25-летию восхождения, которое состоялось 23 мая 1996 года.

«Пределная высота: моя одиссея на Эверест»

Пролог

Шерпы из нашей экспедиции были взволнованы появлением кометы Хякутакэ в ночном небе. Для меня комета – это всего лишь космический объект, но для шерпов это символ предзнаменования неприятных событий. А то, что беспокоит их, обычно очень важно. Многое изменилось на горе Эверест за последние годы, и, как они считают, в худшую сторону. Для шерпов Эверест, или на их языке, Джомолунгма – Мать-Богиня Мира – это не просто гора, на которую можно взойти, добавив её в список своих достижений.

«Эверест – это не гора. Эверест – это Бог, Бог для всех шерпов, живущих здесь», – объясняет мне легендарный шерп Анг Рита, а он знает, что говорит.

«Самое главное – это не злить гору, – говорит он. – Прежде, чем пытаться взойти на неё, сперва надо узнать ритуалы и правила, которые предпочитает Эверест. Восходители должны относиться к горе, так же, как и к своему Богу. На живой оболочке Эвереста – на его божественной плоти – ты должен действовать соответствующим образом. Если вести себя по-другому, гора обрушит свой гнев на всех нас, подобно тому, как христианский Бог насылает наводнения».

10 мая 1996 года я наблюдал из Базового лагеря Эвереста, как вокруг собираются грозовые облака и накрывают ближайшие к Эвересту вершины Пумори и Нуптце. Во второй половине дня шторм, набравший полную силу, обрушился на Эверест. Сейчас в верхних частях горы бушует жестокая метель. Нам сообщают, что новозеландский проводник Роб Холл – наиболее уважаемый альпинист на горе – попал в шторм на высоте 8740 метров. Всего лишь в ста метрах по высоте от вершины Эвереста Роб ждал смерти.

Собравшись со знакомыми альпинистами в палатке в базовом лагере, я слушал и наблюдал изменения в настроении Роба по радиосвязи. Сначала его голос дрожал, но позднее, когда он нашёл несколько баллонов с кислородом на Южной вершине, которые можно было использовать, Роб заявил спокойным голосом, что у него всего лишь обморожены руки.

«Просто отправьте наверх пару ребят с большим термосом чего-нибудь горячего, и я буду в порядке», – сообщил он по радио.

Способность к иронии – последнее, что покидает этого умирающего человека.

Несколькими сотнями метров ниже американский гид Скотт Фишер и тайваньский альпинист Макалу Го сидят вместе. Хотя они являются членами различных экспедиций, мы знаем, что по какой-то причине они сейчас привязаны верёвкой друг к другу. Мы не можем понять, как они оказались вместе. В то время, как Макалу Го считался ещё новичком, Скотт обладал всемирной репутацией. Он был парнем, который излучал обаяние, энтузиазм и опыт. Хотя мы подозреваем, что Скотт обморозился, и у него кончился кислород, мы не знаем, что он также вышел из ума. Я знаю, это звучит ужасно, потому что Скотт Фишер – это мой друг, но даже опытные альпинисты впадают в безумие от недостатка кислорода. Когда наступает безумие – конец близок.

«Я хочу спрыгнуть вниз», – повторяет Скотт по радио снова и снова, и мы знаем, что долго он не протянет.

В морозной пустоши на южном седле Эвереста терапевт Бэк Уэзерс также оказался застигнут штормом и повредился разумом, когда у него закончился кислород. Оставленный своими товарищами на верную гибель, Уэзерс лежит подобно труп, с оголённой рукой, подверженной ужасному морозу. Однако в итоге желание жить побеждает: немного позднее Уэзерс заставляет себя встать, будто воскресая из мёртвых. Его рука одеревенела, она больше не слушается своего хозяина; глядя на неё, Уэзерс не ощущает её частью своего тела.

В это время на высоте 5200 метров в Базовом лагере, который только что был подобен месту отдыха, всё находится в хаосе. По радио мы слышим, что двадцать человек в данный момент погибают на склонах горы. Потом их число снижается до десяти, потом почти сразу предсказуемо снова возрастает. Тем не менее, мы стараемся сделать всё возможное, что в наших силах. Мы просим наших шерпов Ками и Анг Риту подняться к пострадавшим с лекарствами. Они отказываются.

«Гора злится», – говорят они.

Эверест отыгрывается на альпинистах, наказывая их за безудержную гордыню. Когда Ками и Анг Рита отказываются, я сам собираюсь пойти к ним на помощь с лекарствами, но моя подруга, Рената, возражает:

«Чего в этом хорошего, если ты тоже можешь погибнуть?»

Рената хорошо знает, что я полностью измотан. Ранее я уже предпринял свою попытку восхождения на вершину, но я был побеждён. Всего 4 дня назад я вернулся, шатаюсь, словно наркоман, абсолютно отсутствующим взглядом разглядывая палатки Базового лагеря.

«Я сделал всё, что мог», – сказал я Ренате и заплакал.

Когда я направлялся к вершине Эвереста, я тропил дорогу через глубокий снег на высоте 8700 метров, неподалёку от того места, где сейчас находится Роб Холл. Тогда я понимал, что уже слишком поздно, я знал, что не смогу достигнуть вершины и вернуться назад до темноты, поэтому я повернул назад. У меня не было выбора. Если я хотел жить, мне надо было повернуть назад. Решение было простым, но я отдал вершине всего себя, и эта попытка опустошила меня.

Во время своего спуска я полностью истощил ресурсы своего организма, меня больше не волновало, выживу я или погибну. Когда я пришёл в Базовый лагерь, мои ноги не хотели слушаться меня, я существенно потерял в весе, и мой организм просто кричал, прося жира и насыщения. Перед тем, как я впал в глубокий сон, я съел целую пачку масла, поскольку мои мышцы определённо заслуживали этого. На следующее утро я начал сомневаться, смогу ли я восстановить свои силы для ещё одной попытки восхождения. Теперь же все остальные альпинисты отправлялись на вершину – все, кроме меня. Я остался в стороне, и я очень злился на себя. Почему я не смог взойти на вершину во время своей первой попытки, где же я ошибся?

Потом грянул шторм, и меня стали одолевать противоречивые и горькие чувства: те люди, многих из которых я знал и любил, теперь погибали на горе. Сидя где-то на склоне по уши в снегу, они слышат рёв ураганного ветра. Весь день я ходил взад-вперёд по базовому лагерю, вглядываясь в

небо. Вскоре темнота и одиночество опустились на гору, наступила беззвёздная чёрная ночь. В 18:15 я вернулся в общую палатку, где на матрасах сидело по меньшей мере 25 человек из числа участников различных экспедиций. Я мог разглядеть лица лишь тех, кто сидит неподалёку от входа в палатку, где находится стол со спутниковым телефоном, факсом и керосиновой лампой, слабо мерцающей в темноте. Остальные люди представлялись мне силуэтами в отдалении. Стены палатки отсвечивали тёмно-зелёным цветом, люди изредка перешёптывались друг с другом.

«Йёран! – окликнул кто-то меня. – Может быть, тебе удастся направить Роба по рации, ты ведь уже был там».

Я знаю, что это невозможно, но я говорю «Да, конечно». Факт того, что Роб Холл ещё жив, немного изумляет, но прошло уже много часов с начала шторма, и немногие ещё питают надежды на то, что он выживет. Тогда же Йен Арнольд, жена Роба, позвонила ему из Новой Зеландии. Она хочет поговорить со своим мужем. Звонок ретранслируется Робу.

«Дайте мне минуту, – говорит он трескучим сухим голосом. – Я поем немного снега перед разговором с ней».

Затем радио затихает. Люди сидят, обнимая друг друга. На некоторое время я чувствую себя некомфортно, как будто я не вовлечён в происходящее здесь. Затем мы слышим голос Йен. Радио трещит; она что-то говорит.

– Я надеюсь, что ты находишься в тёплой кровати, – отвечает Роб.

– Я не могу передать, как много я думаю о тебе, – вспоминаю я её фразу.

– Спи спокойно, моя дорогая, пожалуйста не переживай обо мне.

– До скорой встречи, – отвечает она.

Люди в палатке приближаются ближе друг к другу, кто-то раздражается проклятием, в темноте поблёскивают чьи-то глаза, мокрые от слёз. Тишина держится до тех пор, пока двое мужчин не начинают обсуждать услышанное. Я включаю радио, и одна из женщин смотрит на меня. Я вызываю Роба по рации. Раздаётся трескучий шум. Возможно, радиостанция ведёт поиск на

разных частотах, но от Роба нет ни звука. Вместо этого я слышу другой голос:

«Может быть, он слишком устал, чтобы ответить тебе», – отвечает мне кто-то.

Я выхожу наружу. Здесь, в Базовом лагере Эвереста, находящемся на морене ледника Кхумбу расположено не менее сотни палаток. Внутри некоторых из них жужжат генераторы, в то время как совсем неподалёку медленно двигается и трещит ледник; молитвенные флажки хлопают на ветру. Неподалёку разведён костёр. Однако белые горы, окружающие лагерь, вершины, на которые мы здесь собираемся взойти – все они утонули во тьме, в этой длинной ночи, приносящей одну лишь смерть.

«Чёрт побери! – думаю я. – Как это всё могло случиться?»

Я с трудом вспоминаю мои последующие мысли. Это странно, но думаю я уже о другом. Неужели эта трагедия на Эвересте означает то, что величайший план моей жизни окончен? Придётся ли мне вернуться домой, так и не взойдя на вершину после долгих лет приготовления?

А если иначе, смогу ли я подниматься по следам мёртвых? По следам моих друзей, умирающих этой ночью на горе? Что тогда люди подумают обо мне, если я так поступлю? Остались ли у меня ещё силы взойти на Эверест без кислорода и без помощи шерпов? И улучшится ли погода до прихода летнего муссона?

Таковы были мои мысли вечером 11 мая 1996 года.

Что движет тобой, часто спрашивают меня. Желание погибнуть?

Я не хочу умирать, определённо нет.

Стремление к жизни, отвечаю я. Горы дают мне самые прекрасные моменты в жизни: знакомство с другими культурами, красоту природы, испытания, в конце концов возможность триумфально заявить о себе.

Мой интерес к скалолазанию проявился рано, в Италии, где жила моя семья, когда я был ребёнком. Мой отец, Герард, был адвокатом в продовольственном и сельскохозяйственном подразделении ООН. Иногда папа отправлялся лазать по горам в Итальянские Доломиты, и я наблюдал за ним у подножия горы в бинокль. Иногда, когда я видел его снаряжение, его молоток, карабины и верёвки, я испытывал странное чувство.

Люди говорили мне, что первые слова, которые я произнёс, были «забраться на гору». В шесть лет я отправился в поход с отцом на вершину Гальхёпигген, самую высокую точку Норвегии. На следующий год мы отправились на вершину Кнебекайзе – самой высокой горы в Швеции. Это были грандиозные события в жизни маленького мальчика. Однако страсть к горам росла медленно, и к началу подросткового возраста я забыл всё, что связано с горами. Мои родители развелись в 1976 году, и долгое время я жил со своей матерью, Сигрун, в пригороде Стокгольма. У меня нет братьев или сестёр. Моя мать была медсестрой, и я жил достаточно хорошо, хотя наши отношения в то время нельзя назвать бесконфликтными. Я играл на флейте в местной музыкальной школе и играл в местной группе, участвовавшей в городских парадах.

Я был чемпионом школы в лыжных гонках, в учёбе я был особенно силен в математике. Я вёл себя достаточно сосредоточенно, но самое необычное во мне было то, что я не любил командные виды спорта. Я никогда полностью не понимал этого чувства, но я ощущал, что хочу развиваться самостоятельно и соревноваться в одиночку. Помимо этого, я любил быть на природе, я буквально скучал без неё. После развода родителей я стал реже ходить в походы. Моего отца это зацепило, и он предложил переехать к нему. Каждый раз, когда мы разговаривали, он рассказывал мне о

своём желании пойти со мной в большой поход. Тогда мне было 15 лет, и я был сорвиголовой; наконец однажды я собрал свои вещи, уехал из пригорода Стокгольма и переехал к отцу. Отец к тому времени стал работать в департаменте лесной промышленности, расположенном в городе Йёнчёпинг в южной Швеции. После развода он стал вести холостяцкую жизнь и больше не хотел жить со мной в одном доме, поэтому с этого момента мне пришлось взрослеть самостоятельно. Мы немного повздорили. Это произошло в начале 80-х годов, когда повсеместно начала возникать панк-культура. В то же время возникла, ставшая модной, шведская панк-рок группа Ebba Grön, а также был поставлен рекорд по количеству зрителей на фестивале в Стокгольме на выступлении Боба Марли. Спустя год он умер, и его смерть не оставила меня безучастным.

Я начал учиться в гимназии в Йёнчёпинге, и на первом курсе я относился к учёбе довольно ответственно, однако со временем учёба начала казаться всё более и более бессмысленной. Я перешёл на другую программу обучения, более лёгкую и на год короче. Я отрастил длинные, до плеч, волосы, слал носить джинсы в заплатках и скейтбордные кроссовки растаманских цветов. Моему отцу это не понравилось, и ещё мы постоянно ссорились из-за различных бытовых мелочей. Наконец, когда мне исполнилось 16, я съехал от него на отдельную квартиру. Я нашёл работу по доставке газет, чтобы оплачивать аренду жилья. Я заставлял себя вставать в 3-4 часа утра, чтобы разнести газеты по району. Когда я приходил домой, то от усталости валялся на кровать. Иногда я не появлялся в школе до полудня, и тогда моя посещаемость отмечалась как «неудовлетворительная».

В моей 30-метровой квартире из всех вещей у меня были лишь телевизор и кровать. Я повесил плакат Боба Марли на стену, а ещё покрасил дверь в растаманские цвета. В то время я постоянно зависал на разных тусовках, и в школе мне было вынесено предупреждение согласно 9 главе 57 параграфа Устава школы. Предупреждение гласило: «Согласно свидетельским показаниям, Йёран Кропп неподобающим образом относился к девушкам в классе». Возможно, в этом была доля правды, я был неисправимым раздолбаем. Однако, как мне кажется, моё плохое поведение в большей степени было выдумкой моего учителя. Она была очень религиозной и

пыталась преувеличить все беспорядки, происходившие в её классе. Она определённо невзлюбила меня, а у меня было достаточно диких выходок.

Однажды мы пошли на экскурсию в местный суд. Я сидел с другом на галёрке в зале заседаний. Нам было скучно. Происходящее там несколько не походило на виденное нами ранее в американских фильмах, и мы ушли. Выходя из зала заседаний, мы увидели ключ, торчащий в замочной скважине дубовой двери зала. Переглянувшись, мы повернули ключ, вытащили его и удалились.

На следующий день местная газета писала: «Суду преподали его же урок – закрыли на 6 часов». Им пришлось позвать слесаря, чтобы открыть дверь. Свидетели заметили двоих молодых людей, со смехом покидавших здание суда. Мы были немного напуганы. Мы почистили ключ бензином, чтобы стереть все отпечатки пальцев, и вернули его с анонимным письмом обратно.

Меня очень привлекали все вечеринки в то время, так же, как и повсеместные рок-концерты. Я постоянно мотался по всем фестивалям в Швеции и в Дании. После одной из таких поездок мои друзья оказались кто в полицейском участке, кто в борделе. На одном концерте я запрыгнул на сцену с Йоахимом Тэстрёмом из рок-группы Imperiet и закричал «Правительство – это главный капиталист!» Тэстрём был моим кумиром, по моей просьбе он даже оставил автограф на моём ботинке. В последствии я нередко встречал его снова.

В моём классе учились две сестры – Эмма Шёберг, будущая шведская супермодель, и её сестра – Энн-Карин. Энн-Карин называла меня «Бади», намекая на мою фамилию (Бади (Body) – тело по-английски, kropp – по-шведски).

«Бади, – говорит она, – мы собираемся на концерт Евы Дальгрэн в Йиславед, не хочешь поехать с нами?»

Ева Дальгрэн, ныне одна из самых популярных певиц в Швеции, была в то время очень молодой. Я знал немного о ней, но сама идея поездки казалась заманчивой, поэтому мы поехали на небольшом «Гольфе» через лес, пока не добрались до места проведения концерта на окраине Йиславеда.

Попасть на само мероприятие оказалось довольно проблематично, люди кричали и толкались в длинной очереди к кассам.

Это было в конце весны или начале лета, незадолго до окончания учебного года, и даже поздними вечерами было довольно светло. Мне надоело стоять в толпе, и я, встав на четвереньки, нагло полез вперед. Никто не разозлился и даже не удивился моему поступку; думаю, что немало народа сделали точно так же. Я помню немного с самого концерта. Публика в основном состояла из молодых девушек, и Ева Дальгрэн исполняла песни, которых я раньше не слышал. Но после концерта – этого я никогда не забуду – Энн-Карин подошла ко мне и смущённо сказала:

«Бади, ты извини, но наша машина уже битком, тебе придётся возвращаться самому».

Я был в шоке. У меня не было с собой денег – не было ничего. После обдумывания ситуации, я пошёл за сцену, где встретил Еву Дальгрэн, одетую в чёрные брюки и белую майку и окружённую толпой фанатов. Она раздавала автографы, но выглядела несколько потерянной. Перед ней стояла длинная очередь застенчивых девушек-подростков.

«Привет, – сказал я ей, когда все фанаты разошлись. – У меня проблема, мне надо добраться домой, вы меня не подбросите?»

Ева Дальгрэн взглянула на меня, стоящего с длинными распущенными волосами, в рваных джинсах и майке с изображением Боба Марли.

«Конечно, – сказала она. – Поехали».

Я забрался в её автобус, но заметил, что один из её музыкантов, продюсер Андерс Гленмарк, был раздражён этим. «Что этот урод забыл в нашем автобусе», наверное, думал он. Я думал о нём то же самое. Честно говоря, мне было всё равно, потому что для меня Ева Дальгрэн была словно ангел. Она привела меня в гостиничный номер в городе, где проходил следующий концерт из её тура, и мы пили и веселились, и наверно я в неё влюбился тогда. К сожалению, дальше этого дело не пошло. Возможно, я был просто развлечением для неё, но она предложила мне поехать с ней на

концерт в Осло, в Норвегию. Мне пришлось отказаться, надо было возвращаться домой; моё отсутствие в школе всё увеличивалось.

Теперь, спустя десять лет, вспоминая прошедшие годы, я ни о чём не жалею. Я рад, что участвовал во всех подобных мероприятиях. Хотя я не участвовал в тусовках длительное время, иногда я зажигал по-страшному. Теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь, зачем мне всё это было нужно. Возможно, я хотел быть свободным, уйти от моей жизни с отцом Герардом. Это теперь мы с ним дружим как никогда, но в подростковом возрасте я был таким оболтусом и хотел постоянной движухи в своей жизни. И, как ни странно, я не мог найти этого в увлечении моего отца природой и походной жизнью, поэтому я выбрал путь в тусовки и музыку.

Однажды на концерте в небольшом городке я играл на саксофоне с малоизвестной группой Telephane. Позднее кто-то украл мой саксофон, но моя любовь к музыке никогда не угасала. Она и теперь со мной, и в критические моменты в горах я слушаю соул-музыку, чтобы подзарядить себя и выжить. Иногда, когда в горах погибали люди, которых я знал, я успокаивал свою злость, слушая музыку. После трагедии на Эвересте весной 1996 года я играл «Воздух» Баха на флейте в Базовом Лагере, у ступы, алтаря, где мы собрались, чтобы помолиться богам гор. Это выглядело как ритуал – жест почтения к горе и к тем, кто никогда не вернётся назад.

Во время моего последнего учебного года моя дикая жизнь завершилась. Я прекратил ходить по вечеринкам, я хотел большего от жизни. Может быть, я просто перешёл из одной крайности в другую, но я твёрдо решил, что хочу стать десантником. Мне всё равно предстояло пройти обязательную военную службу по призыву, поэтому я подумал, что либо я пойду на самую простую, неквалифицированную должность, либо на самую сложную. Так случилось, что в один прекрасный день, безо всяких приготовлений, я начал поднимать тяжести, и кроме того, я решил каждый день пробегать по 10 километров. Позднее той осенью я был принят в армию в десантные войска.

В казарме я встретил парня, который увлекался журналами о горах. Его звали Мэтс Далин. Он был светлокожим парнем с короткой стрижкой. Хотя он был неразговорчивым и в целом немного странным, у нас было какое-то сходство, и любовь Мэтса к горам перекликалась с моим детским увлечением

– скалолазанием. Воспоминания о моих приключениях в раннем возрасте обрушились на меня, как горный поток. Я начал читать о больших горах и о людях, первыми взошедшими на них – и о том, как выжить на самых высоких пиках мира. Тогда я впервые прочитал о Рейнхольде Месснере – самом великом альпинисте. Часто Месснер забирался на километровую гору неподалёку от своего дома в Италии, где его ожидала жена, чтобы отвести его обратно к подножию, чтобы он забрался ещё раз, и ещё, и ещё. Я узнал, как усердно Месснеру приходилось тренироваться. Однажды я послал Мэтсу открытку, на которой было написано:

«Я хочу забраться на восьмитысячник, ты со мной?»

И он ответил: «На восьмитысячник!»

Мэтс и я договорились пойти в горы вместе, и мы начали усердно тренироваться. Иногда мы выходили на адский маршрут из города Абиско в северной Швеции до соседней деревни Никкалуокта – 100 км. Мы называли этот маршрут – «Марш силы воли», поскольку это название характеризовало его самым лучшим образом. Необходимо обладать изрядной выносливостью, чтобы его преодолеть. С собой мы тащили рюкзаки настолько тяжёлые, что поднять их было отдельной проблемой. Мы мучали себя настолько, насколько это было возможно, и даже больше. Мы были одержимы этими тренировками, и я изменился.

Как же фанат рэгги стал альпинистом? Я не могу этого объяснить – по крайней мере тем людям, которые никогда не испытывали поистине магической и древней силы гор, тем людям, которые никогда не мечтали пройти по неизведанной земле, и тем, кто, глядя на изображение прекрасной горы, не наполнялся бы благоговением и внезапным порывом. Однако, я могу объяснить свою мотивацию со спортивной точки зрения. Мэтс и я хотели стать звёздами в нашем виде спорта, мы хотели сделать то, что никто прежде не совершал. Наши мечты отнюдь не были связаны с победами в чемпионате мира по футболу или на марафонской дистанции; наши мечты были о Гималаях.

Как мы вскоре узнали, альпинизм – очень дорогое занятие. Снаряжение стоит денег. Организация экспедиций, носильщики для переноски

снаряжения, и правительственные разрешения на восхождения стоят ещё больше. Долгое время я не знал, где найти средств для альпинизма. Мне нравилось быть десантником, и я предполагал, что офицерская служба даст мне возможности для тренировок. Я получил работу в пехотном полку в небольшом городке Экщё в южной Швеции. Зарплата была ужасно маленькой – 12 тысяч долларов в год до вычета налогов. Я осознал, что мне следует выбрать между возможностью снимать жильё и возможностью заниматься альпинизмом. Выбор был очевиден. Однажды летом я съехал со своей квартиры и переехал жить на военный полигон в четырёхста метрах от казармы. Я жил один в палатке-двойке неподалёку от беговой дорожки. На первых порах всё было замечательно, но однажды солдат из патруля запнулся за оттяжку моей палатки.

«Кто здесь?» – услышал я.

«Здесь живёт второй лейтенант Кропп!» – крикнул я в ответ.

После этого случая я решил перебраться подальше, в гравийный карьер, где я прожил около года. Днём я был кадетом на военной службе. Вечерами я поднимал тяжести или бегал по три часа, после чего я возвращался 5 километров домой, в мой карьер. Никто не приходил ко мне, помимо двух полицейских, которые навестили меня однажды утром, чтобы узнать, кто я такой.

Незадолго до этого я забрался по внешней стене старой каменной водонапорной башни в Экщё высотой около тридцати метров. На следующий день после прихода полисменов – как будто бы специально, чтобы подчеркнуть моё сумасшествие – в местной газете вышла статья обо мне, забирающемся на водонапорную башню. Мне до сих пор интересно, что подумали полицейские, читая утренние газеты во время завтрака.

«Смотри, это тот сумасшедший из гравийного карьера!»

Наступила осень. Я снова переехал, на этот раз к своему старому БМВ. Я провёл электрический провод из прикуривателя в палатку, где я мог слушать свой кассетный магнитофон. Больше всего мне нравились Джеймс Браун, Претендерс и Боб Марли. Моё остальное имущество состояло из спальника, фонарика, некоторой одежды, нескольких книг о горах и будильника.

В качестве эксперимента каждый день я устанавливал будильник случайным образом. Если он звонил в три часа ночи, я вставал, быстро одевался и проходил 30 километров с небольшим рюкзаком. Если он звонил в шесть, я проходил по 60 километров. Я продолжал думать о Месснере, о том, смогу ли я лазать, как он. Обладаю ли я достаточной силой воли? В эти годы скромной жизни единственное, что двигало меня вперед – это моё желание ходить в горы.

Из книг я узнал, что такое высокогорный альпинизм. На высоте 8 тысяч метров температура ночью достигает -30 градусов Цельсия. Ты лежишь в палатке, тебе трудно дышать, и ты ощущаешь себя слабым и заторможенным, как будто идёшь под водой, но тебе надо подняться до рассвета и идти на вершину. Я не хотел быть тем, кто сдастся на полпути во время восхождения, поэтому я был одержим тренировками.

В том, 1988 году, я записался на курс скалолазания в шведскую ассоциацию альпинизма, который проводился в Доломитовых Альпах. Также я восходил на горы на Корсике и вместе с Мэтсом сходил на Монблан. Тем не менее, мне не хватало опыта в восхождениях выше 6 тысяч метров. Чтобы исправить это, мы с Мэтсом выбрали пик Ленина в Киргизии, который является одним из самых лёгких для восхождения среди подобных по высоте, и многие альпинисты ходят на него в качестве первого высокогорного восхождения.

Перед тем, как уехать из дома, мы были немного взволнованы насчёт того, как поведут себя наши организмы в разрежённом воздухе. Высота влияет по-разному на разных людей. У многих начинает болеть живот, возникает тошнота и апатия, другие страдают от головной боли. Недостаток кислорода существенно влияет на способность человека здраво рассуждать. Более серьёзные проблемы возникают тогда, когда жидкость тела отделяется от крови и собирается либо в лёгких, либо в пространстве между черепом и мозгом. Эти высокогорные болезни, называемые соответственно отёк лёгких или отёк мозга, нередко приводят к смерти.

Мэтс и я знали признаки наступления этих болезней, мы понимали степень возможной опасности. На пике Ленина мы можем оказаться в такой ситуации, что наши организмы окажутся просто не приспособлены к

нахождению на такой высоте, а это будет значить, что нам никогда не достигнуть тех целей, которым мы посвятили наши жизни.

Мы начали усиленно готовиться к восхождению, чтобы понять, на что мы способны. Мы поднялись на пик Ленина быстрее, чем кто-либо до нас. Само восхождение было полным разочарованием. Вершина пика Ленина сама по себе большая и круглая, и совсем не выраженная. Мы побродили там некоторое время в поисках бюста Ленина, обозначающего саму вершину горы. Внезапно мы увидели группу людей, что-то разглядывающих немного пониже нас. Таким образом мы прибыли с коротким визитом к Ленину. Только я подумал, что забрался сюда сравнительно без проблем, как вдруг, на спуске в базовый лагерь у меня внезапно началась рвота, начало стучать в голове, и каждый следующий шаг казался невозможным. Было такое ощущение, как будто я в замедленной съёмке пробираюсь сквозь толщу воды.

«Я нахожусь всего на семи тысячах метров, а чувствую себя плохо, как никогда. Что же будет, если я попытаюсь забраться ещё повыше?» Такими были мои мысли в то время.

Чего я не понимал, так это того, что в это время мой организм проходил этап акклиматизации, то есть привыкал к недостатку кислорода в атмосфере, и что в следующий раз, когда я пойду наверх, я буду чувствовать себя намного лучше. Даже сейчас, после восхождения на экстремальные высоты, я не вполне могу объяснить суть этого явления. Говорят, что физически здоровый человек ощущает себя семидесятилетним на высоте 7 тысяч метров над уровнем моря, и восьмидесятилетним на высоте 8 тысяч метров. По причине отсутствия лучших аналогий, я могу сравнить это ощущение с состоянием алкогольного опьянения. В то же время, на горе, даже если твоё тело слабо и неповоротливо, тебе надо оставаться в состоянии полного контроля над собой и действовать трезво. Лучшая вещь в восхождении по сравнению с пьянством заключается в том, что после всех событий боль уходит, а остаются лишь радостные эмоции.

После нашего успеха на пике Ленина мы с Мэтсом уже насмеялись над нашим небольшим недомоганием и решили, что нашим следующим объектом восхождения будет гора-восьмитысячник. Мы выбрали Чо-Ойю, восьмую по

высоте гору мира, покорённую впервые в 1954 году австрийцем Хербертом Тихи. Пятидесятые годы были золотой эпохой альпинизма, когда были покорены все 14 вершин выше 8000 метров над уровнем моря (почти все, кроме номера 13 в этом списке, горы Шиша Пангма). Гора Чо-Ойю расположена на границе между Непалом и китайской провинцией Тибет. Тут нам, к сожалению, пришлось столкнуться ещё с одной стороной высокогорного альпинизма. Политическая ситуация между странами и возникающие проблемы на границах, связанные с беженцами с Тибета, сделали невозможным для нас получение разрешения на восхождение на Чо-Ойю.

Вместо этого в 1989 году я решил отправиться в одиночку на восхождение в Андах, в Южной Америке. В этой экспедиции я сполна познал все прелести и страдания альпинистов. Туман, пар, ужасный запах серы встретили меня на краю кратера вулкана Котопахи в Эквадоре, самого высокого вулкана в мире. Там же на рядом находящемся вулкане Чимборасо я попал в зону землетрясения, которое сдвинуло снежное плато, по которому я передвигался. В отчаянной попытке спастись я взобрался на большую льдину, и, оседлав эту гигантскую доску для сёрфинга, скользящую вниз, думал о том, что дни мои сочтены. К великой радости, я остановился в 15 метрах от края пропасти – но это отдельная история.

После восхождения на последний вулкан, Ильямпу, в Боливии, для спуска я выбрал более быстрый и более контролируемый способ – параплан. Всего за восемь минут я спустился с района вершины, с высоты 6100 метров до базового лагеря на высоте 3900 метров над уровнем моря. Я кричал от восторга, проносясь над горными вершинами, выглядывающими из-под облаков подо мной. В этот раз я уверенно приземлился на твёрдую землю. Мои французские приятели вскоре присоединились ко мне, но позже они ушли через горный перевал в ближайшую деревню.

В то время у меня периодически возникали приступы лихорадки, которые через какое-то время исчезали. Теперь же моя болезнь выбрала крайне неудачное время для возвращения. Брюшной тиф – он такой, то приходит, то уходит. В любом случае, я был слишком слаб, чтобы присоединиться к французам, поэтому я отправился вниз в одиночку по горной дороге. Даже хотя местность была несложной для передвижения, я

начал спотыкаться и вскоре упал. На близлежащих холмах паслись овцы и ламы. К счастью, я нашёл небольшой ручеёк, текущий вдоль дороги, расстелил спальник около него и забрался внутрь, ожидая помощи. Может быть, думал я, кто-нибудь подбросит меня до ближайшего населённого пункта.

Снова приступ лихорадки, а с ним и диарея. Я был слишком слаб, чтобы выбраться из спальника, поэтому всё стало значительно хуже. Какой противный запах! Это была очень странная и ужасная ночь, мой взгляд даже не мог сфокусироваться на звёздах в небе. Утром я был настолько обезвожен, что я заставил себя доползти до ручья и попить. Я был в ужасном состоянии, но я всё ещё думал: «Рано или поздно на дороге покажется машина и отвезёт меня в деревню». Но машин не было. Так прошёл день. Потом ещё один. Всё ещё никого на дороге.

На третий день меня подобрал красный пикап, набитый тушами животных и едущий в противоположную сторону. Мне было всё равно куда ехать, лишь бы поближе к цивилизации. Водитель помог мне забраться в машину, и я сел среди мёртвых зверей, страдая от болезни живота и тошноты. Я бормотал про себя: «Теперь всё будет в порядке, мне помогут».

Вскоре я понял, что для некоторых людей человеческая жизнь мало что значит. Меня оставили в богом забытой деревне фермеров под названием Анкохума, в четырёх милях от того места, куда мне надо было попасть. Я сидел в своём грязном спальнике в середине городской площади, у каменной стены и каких-то глиняных хижин. Я не мог встать. Когда я просил отвезти меня в госпиталь в город Сората, проходящие мимо люди только улыбались.

«Гринго» – так называли меня люди, смеясь над тем, как я пытался подняться и вновь падал на землю.

Шесть дней я лежал на деревенской площади и жил только на воде. Наконец, ко мне подошёл местный учитель, отвёл к себе домой и дал мне апельсин, первую еду за девять дней. Этой ночью я страдал от эпилептического припадка. Затем я почувствовал, как двое людей меня поднимают. Они наконец поняли, что гринго умирает. Они отвезли меня за тридцать долларов в Сората.

Когда я прибыл в городской госпиталь, вышедшая встречать меня медсестра рассмеялась, видимо ей показались смешными мои страдания, и я понимаю её. Я полз по больничному коридору, толкая перед собой свой рюкзак. Меня поместили в комнату, где кровати были настолько маленькими, что пришлось меня положить поперёк трёх кроватей, стоящих рядом друг с другом. Моего соседа по палате звали Кинг Ли.

«Я – брат Брюса Ли, – заявил он мне, в чём я засомневался. – Я работаю здесь на золотых приисках». В этом я не сомневался, в округе было много золотых шахт. В важности Ли не приходилось сомневаться, около двери в палату дежурил охранник с автоматом Калашникова. Также Кинг Ли продемонстрировал мне заряженный пистолет Магнум, лежащий на прикроватном столике. Кинг Ли был определённо крутым парнем.

«Ты не можешь выключать свет, надо чтобы он горел постоянно, – сказал он. – Надо быть начеку».

От чего это, недоумевал я. Так мы и лежали всю ночь, Кинг Ли и я, с включённым светом.

«Мне надо выбираться отсюда», – подумал я и уговорил медперсонал отвезти меня в столицу Боливии Ла Паз за сто долларов. Я плохо помню, как меня оставили на тротуаре в городе, но внезапно мне улыбнулась удача. Мимо проходил парень из небольшого шведского города Алингсос, и он отвёл меня в убогий отель по 1 доллару за ночь.

Когда я ворочался в кровати в номере отеля, я слышал знакомый голос в коридоре.

«Этого не может быть, – пробормотал я. – Всё это бред, вызванный лихорадкой».

Но это на самом деле был голос Габи Вабли, самого сумасшедшего парня, которого я когда-либо знал. Я встречал его на курсе скалолазания в Доломитах. Я поднялся к двери, открыл её трясущимися руками, и да, это был Габи. Он посмотрел на меня, словно на призрака.

– Йёран! Что с тобой случилось?

– Габи, я очень болен.

– Я вижу. Но нам надо отпраздновать нашу встречу! Я не верю своим глазам, что ты здесь! – Тут Габи пристально посмотрел на меня и понял, в каком ужасном состоянии я нахожусь. Он тут же исчез, как я предполагал, за помощью.

Я вернулся в кровать. Мне снились странные сны; прошло какое-то время, может быть час, а может полдня. Пропитанное потом постельное бельё прилипло к коже, очертания комнаты расплывались. В комнате было душно. Когда кто-то постучал в дверь, я даже не понял, где я нахожусь. Я с трудом поднял голову. Габи ввалился в комнату с двумя хихикающими девушками, которые были ужасно удивлены, увидев меня, как будто я был экспонатом на выставке.

«Ты безнадежен», – сказал я Габи, после чего уронил голову на подушку. Два дня спустя, в городе Лима в Перу я поступил в местную больницу настолько обезвоженным, что врачам пришлось провести мне внутривенную регидратацию. В итоге я встал на ноги только спустя девять недель после пребывания в инфекционной клинике в Стокгольме.

Мне кажется, что некоторые альпинисты могут отказаться от своих затей после моего рассказа об ужасном опыте, полученном в Южной Америке. Однако, как только я восстановился после всех медицинских процедур, то сразу начал планировать новую экспедицию. На следующий год я планировал забраться на гору Музтаг Тауэр в Пакистане высотой 7273 метра, также известную, как «Невозможная гора». К тому времени всего 8 человек побывали на её вершине, и, глядя на фотографии, я понимал, почему. Гладкие вертикальные камни со всех сторон. Восхождение на Музтаг Тауэр включало себя лазание по вертикальным стенам на большой высоте. Всё это было похоже на гору, которую следует оставить в покое, но мы всё же решили попытаться счастья: Ола Хильберг, Магнус Нильссон, Эрик Рингиус, Андерс Рафаэль Йенсен, Андерс Нюгрэн и я.

Перед каждой экспедицией надо заранее обсудить и сосчитать то количество еды и снаряжения, которое вам нужно, а также какое количество носильщиков потребуется для переноса всего этого. В экспедиции на Музтаг

Тауэр нам понадобилось 62 носильщика, даже несмотря на то, что их еда шла сама; то было стадо овец, которое постепенно забивалось по мере приближения к горе.

«Животные ничего не чувствуют», – говорил один мусульманин, занимавшийся этой работой. Он доставал свой совершенно тупой нож и практически перепиливал шею овцы, что вызывало душераздирающие вопли у животного во время данной процедуры. Я решил, что убийство животных, с моей точки зрения, было очень жестоким действием, поэтому я стал вегетарианцем.

Позднее я также был разочарован всей индустрией, связанной с использованием носильщиков в горных экспедициях. Эти люди не испытывали никакого достоинства при выполнении такой работы, их ожидали одни опасности и минимальная зарплата. Чем больше носильщиков-балти нам требовалось, тем больше производилось совершенно ненужного мусора. Это ощущение бесполезной логистики и огромного производства отходов и стало ключевой темой организации моей велоэкспедиции на Эверест, во время которой всё необходимое снаряжение я вёз сам.

На Музтаг Тауэр под нами обрушивались снежные мосты, мы уворачивались от падающих камней, а ещё однажды Магнус Нильссон чуть было не свалился с километровой высоты на южной стене после внезапного обрыва верёвки. Последняя часть маршрута на вершину проходила по невероятно крутой стене. Мы подготовили верёвки, и, тяжело вдыхая разрежённый воздух, сосредоточились на последней секции. Мы так долго вглядывались в лёд и скалы, что, взойдя на предвершинное плато, я почувствовал, как будто пелена упала с глаз. Чувство страха ушло на второй план, и вместо каменной стены перед нами открылась райская картина.

С вершины сквозь кристально чистый воздух открывался головокружительный вид на Броуд-пик и горные вершины массива Каракорум. Вдруг внезапно я увидел К2, возможно самую красивую гору в мире. Эту гору невозможно увидеть из населённых мест, она реально скрыта от людских глаз. Но с того места, где я находился, с вершины Музтаг Тауэр, представляющей собой площадку размером лист формата А4, К2 стояла передо мной, одинокая и величавая пирамида с шестью острыми рёбрами.

Это как впервые увидеть новорожденного младенца! Я ощутил непреодолимое влечение к этой горе, я знал, что должен однажды на неё подняться. В данный же момент мне следовало помнить, где я нахожусь, трёхкилометровые обрывы с обеих сторон изрядно щекочут нервы на вершине!

«Вот это да! Это просто невероятно!» – прокричал я в свой диктофон. Я кричал в полный голос, это был фонтан эмоций. Даже сейчас, переслушивая эту запись, ощущения приходят вновь. Однако, хочется сказать честно и прямо, в альпинизме бывает много моментов, о которых не хочется вспоминать. Мне сейчас тридцать лет, и многие, кого я знаю, уже никогда не вернутся с гор.

Следующий год после экспедиции на Музтаг Тауэр был трагичен. При восхождении на Брод-пик от горной болезни погиб чешский альпинист, буквально прибежавший в базовый лагерь. Игнорируя необходимую акклиматизацию, он поступил безрассудно, чем и поплатился. Он не одинок в своём безрассудстве; многие люди, погибавшие в горах, совершали неверные поступки или были слабо подготовлены. Некоторым просто не повезло. Когда я вижу несчастные случаи, происходящие в горах, это подстёгивает меня лазать очень осторожно.

Также несчастные случаи могут произойти и с очень подготовленными людьми. Мой друг Мэтс Далин всегда относился к горам серьёзно. Если на горе необходимо было заточить кошки, и у меня не было напильника, у Мэтса он всегда был с собой. Он никогда ничего не забывал, всегда был хорошо подготовлен.

В то время мы ещё раз собирались сходить на Чо-Ойю в Тибете, но не могли получить разрешения на восхождение до 1992 года. В декабре 1991 года мы отправились на курс скалолазания в Шамони, во Францию. Под Рождество в тот год было невероятное количество снега и дул сильный ветер. Мы совершали подъём по скале, а под нами простиралась местные горнолыжные курорты. Мэтс, Сванте Ингрот, Петтер Йохансон и я лезли одновременно, втыкая в склон то ледорубы, то кошки. Стена была очень крутой. Тут внезапно сверху упал небольшой камень. Он ударил Мэтса, лезущего следом за мной, прямо в висок, немного ниже кромки каски.

Сперва я подумал, что ничего серьёзного не случилось, однако Мэтс побледнел и упал. Мы трясли его и кричали, но он не реагировал. Сванте и Петтер остались с ним, а я поспешил вниз за помощью. Я спустился и распостёр руки в виде буквы Y - международный знак аварии. Вскоре прилетел вертолёт, но он не мог добраться до Мэтса, поскольку склон был слишком крутой, и порывы ветра буквально относили вертолёт в сторону.

Мэтс покинул нас, он умер на горе.

Некоторое время после его смерти я собирался оставить альпинизм, но затем я подумал, как и многие другие, потерявшие друзей в горах: "Мэтс не хотел бы, чтобы я останавливался". Через шесть месяцев я прилетел в Непал и забрался на Чо-Ойю, мой первый восьмитысячник.

На вершине я достал ледоруб Мэтса из рюкзака. Я прикрепил на него фотографию и некролог Мэтса, словно на христианский крест. После этого я воткнул ледоруб в снег так, чтобы он был обращён к вдалеке виднеющейся горе.

Горе Эверест, Джомолунгме.

Матери-богине мира.

Горе настолько высокой, что ни одной птице не под силу перелететь через неё.

2.

В каждом путешествии в горах я узнавал для себя что-то новое. Каждое восхождение немного изменяло меня. Во-первых, меня раздражали сильно нагруженные экспедиции. Я видел, что самые высокие горы становятся прибежищем богачей – людей, использующих профессиональных горных гидов и носильщиков-шерпов для подъёма тяжёлого снаряжения, а также полагающихся на новые технологии в стремлении побывать на вершине.

Тогда, в 1994 году я ещё не знал Сэнди Питтман, альпинистку-миллионера, но я встречал других людей, таскающих в горы коктейльные шкафы и винные погреба. Я видел, что остаётся после них – рваные палатки, пустые кислородные баллоны, старые верёвки и горы пустых пивных банок. Некоторые лагеря становились больше похожими на свалку, чем на место для ночлега.

Альпинизм, в особенности высокогорный – чрезвычайно дорогое занятие. Этому способствуют многие средства массовой информации, которые по незнанию или по невежеству описывают альпинизм как экзотичный, гламурный и опасный вид спорта, который привлекает людей из разных слоёв общества. Может быть, я слишком предосудителен в своём мнении, не все такие, как я. Однако, по моему мнению, высокотехнологические гаджеты, выброшенное снаряжение и мусор в горах – всё это ничто иное, как изнашивание природы. И, если честно, я с изумлением смотрю на альпинистов, которые не видят необходимости в каких-либо изменениях по этому поводу.

Когда Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей взошли на Эверест в 1953 году, они использовали всё самое новейшее снаряжение, доступное в то время. Однако ледорубы тогда весили несколько фунтов, баллоны с кислородом были тяжелы, как свинец, альпинисты носили грубую шерстяную одежду, и во время перехода экспедиция готовила еду на кострах. Сейчас, у нас в распоряжении титановые горелки, лёгкие как пух, ледорубы по 500 грамм, и вообще, каждый тип снаряжения, одежды и пищи претерпел глобальные изменения. Неизменным лишь осталось в природе людей, использовать все доступные средства для достижения вершины. Как по мне, так это является устаревшим концептом. Это похоже на довольство

двухметровым прыжком в высоту на Олимпийских играх, как будто рекорд 1950 года следует повторять и полвека спустя.

В мае 1990 года шведская команда взошла на Эверест. Грузы экспедиции переносили 400 носильщиков, суммарный груз составлял около пяти тонн, и альпинисты взошли на вершину, используя дополнительный кислород и засоряя гору пустыми баллонами. Мне абсолютно не интересен такой тип восхождения.

Мои кумиры – Рейнхольд Месснер и Петер Хабелер, первые альпинисты, взошедшие на Эверест без использования дополнительного кислорода. Их выдающееся восхождение произошло в 1978 году. Месснер полагал, что если ты не используешь только лишь свои природные силы и способности, а вместо этого полагаешься на технические приспособления и помощь носильщиков-шерпов, то ты обманываешь себя. По мнению Месснера, кислородная маска – словно стена между человеком и природой. Он воспринимал горы, как что-то настолько естественное, что у человека нет никакого права покорять их с использованием различных технологий. Лишь те, кто приходит в горы с чистым сердцем и целенаправленно использует лишь крайне необходимое снаряжение, могут находиться в гармонии с горами.

Это, очевидно, очень противоречивое утверждение – высокогорные восхождения очень опасны без дополнительного кислорода. В то же время, идеи Месснера не были абсолютно новыми, ещё в начале двадцатых годов ведущие английские альпинисты, включая членов Королевского географического общества, публично заявили о неэтичности восхождений с использованием дополнительного кислорода. Тогда же, в июне 1924 года, лейтенант-полковник (=подполковник) Эдвард Нортон достиг высоты 8600 метров, дыша только горным воздухом.

Однако позже, когда кислородные баллоны стали легче, идеалы поменялись. Вскоре почти все стали использовать дополнительный кислород, забираясь выше восьми тысяч метров, и это стало обычной практикой по крайней мере на четырёх самых высоких горах мира – Эверест, К2, Канченджанга и Лхоцзе. Хабелер и Месснер лишь ненадолго прервали эту идеологию, показав своим чистым восхождением пример для элиты

альпинизма. Было очевидно, что долгое пребывание на высоте выше восьми тысяч метров негативно сказывается на мозговой деятельности, поэтому бескислородные восхождения были не популярны.

Следует также отметить, что Эверест высотой 8848 метров не является настолько высоким при восхождении с кислородной маской. Гора как бы сжимается, если используется дополнительный кислород, значимость самого восхождения уменьшается и лёгкие, вдыхая кислород из баллона на высоте 8000 метров над уровнем моря, ощущают себя словно на пяти тысячах метров. Использование дополнительного кислорода сродни применению допинга или анаболических стероидов. Я хотел взойти на Эверест, используя лишь свои силы, хотел развить идеи, начатые в своё время Рейнхольдом Месснером.

Месснер является также первым человеком, совершившим одиночное восхождение на Эверест. Это произошло в 1980 году. Двенадцать лет спустя, когда я ехал на «Рендж Ровере» из Швеции в Тибет, чтобы взойти на Чо-Ойю, я проверял возможности путешествия по тому же маршруту через Европу и Азию на велосипеде. Возможно ли мне совершить всё путешествие в одиночку, от дома до вершины горы?

В то время я был офицером на военной службе, но мне уже это порядком поднадоело и хотелось полностью посвятить себя тренировкам в горах. Для моей семьи и друзей это звучало, как что-то недостижимое. Правда заключалась в том, что многие успешные альпинисты могли жить за счёт своих спортивных достижений, и хотя, многие известные альпинисты умерли сравнительно бедными, другие, как например Месснер, стали богатыми людьми, зарабатывая деньги на лекциях, книгах и подписывая спонсорские контракты. В настоящее время Месснер живёт в замке.

Я ещё не был готов к своему одиночному путешествию из Швеции к Эвересту. В 1993 году я присоединился к шведской экспедиции на К2, вторую по высоте вершину мира. Никто из Скандинавии ещё не восходил на К2, поэтому я решил, что если я поднимусь туда первым, это может мне помочь с финансами для продолжения моей карьеры альпиниста. Однако вскоре я вышел из состава шведской экспедиции и “застолбил” себе место в словенской команде, которая планировала взойти на К2 незадолго до шведов.

Не зная никого из участников словенской экспедиции, я, тем не менее, пошёл на такой риск. В альпинизме нередко приходится полагаться на других участников, порой даже твоя жизнь может зависеть от них.

Я немного переживал перед тем, как отправиться в Пакистан, но, прилетев в Исламабад, я был готов буквально “горы свернуть”. Я готовился к восхождению, бегая по горам рядом с городом до тех пор, пока не почувствовал вкус крови во рту. Через некоторое время у меня на ноге появилась опухоль. Когда она выросла размером с клубничину, я обратился к доктору Хайдеру, который удалил её и с гордостью преподнёс мне в стеклянной банке, чтобы я поставил её на всеобщее обозрение на камин у себя дома. После этого, у меня на некоторое время верхняя часть ноги потеряла чувствительность.

В Исламабаде я также встретил Томаша, главу словенской экспедиции на К2, в состав которой я вписался за 9 тысяч долларов. Томаш был молодым парнем небольшого роста с пепельными волосами, носил джинсы и футболку. Когда я представился, он удивлённо взглянул на меня. Моё имя ничего не значило для него. Потом его лицо покраснело.

«Кропп? – с заиканием сказал он. – Ах, да, всё верно. Спасибо тебе за деньги. Можешь делать что хочешь, но мы идём без тебя».

Томашу нужны лишь были мои деньги только для оплаты экспедиции, а помимо этого он даже знать меня не хотел. Он никогда не рассматривал меня в качестве участника своей экспедиции. Его заявление было для меня словно хлопок по щеке, даже больнее; мне не с кем было лезть на гору.

«К2» для некоторых может звучать как название какого-нибудь налогового бланка, но для альпинистов оно значит больше, чем «Эверест». Если Эверест стал большим приключением для людей с туго набитым кошельком, то К2 – это гора для настоящих альпинистов. Магическая и грозная К2 возможно является самой сложной из всех 14 восьмитысячников. Люди, которые восходили на Эверест, погибали на К2 – они готовились к самой высокой вершине мира, но не ко второй по высоте.

К2, иногда называемая Годуин Остен по имени британского исследователя, была второй горой в Каракоруме, высоту которой удалось

измерить. Гора находится на леднике Балторо в Пакистане, первое восхождение на неё было совершено в 1954 году итальянцами Лино Лачеделли и Ахилле Компаньони - через год после успеха Хиллари и Норгя на Эвересте. Однако история К2 полна штормов, смертей и скорби. Около пятидесяти альпинистов погибли на её склонах с момента первой попытки восхождения экспедиции герцога Абруццкого в 1909 году.

Летом одного только 1986 года на горе погибло 13 человек, половина из альпинистов, собиравшихся взойти на неё в том году. Один из выживших, британский альпинист Джим Курран, описал смертельное лето в своей книге «К2: триумф и трагедия». 3 и 4 августа 1986 года восемь человек взойшли на К2, но на обратном пути они попали в шторм. Они остались в Лагере 4 на высоте 8 тысяч метров. На такой высоте, в так называемой «зоне смерти», никто не может оставаться в живых в течение долгого времени, максимум 3-4 дня. Кровь течёт гораздо медленнее, начинается тромбоз и отёк мозга, ты начинаешь кашлять так сильно, что разрываются рёбра. В августе 1986 года шторм был долгим, но альпинисты решили его пересидеть на горе, тогда как время уходило, а ничего не менялось.

Все альпинисты были настроены на альпийский стиль восхождения и не запаслись дополнительным кислородом. Никто из них не был новичком, но по мере продолжения шторма ситуация стала катастрофической. Палатки были сломаны ветром, а затем оказались погребены под глубоким снегом. Утром 7 августа английская альпинистка Джулия Тулис умерла во время сна. Остальные всё ещё оставались в лагере 4, страдая от недостатка еды и газа для её приготовления. К тому же без газа они не могли больше растапливать снег для питья.

Вскоре австриец Альфред Имицер ослеп и сошёл с ума. Его коллега, Ханс Визер, также был в бреду, и Алан Роуз, тогдашняя звезда альпинизма, всерьёз говорил о растапливании снега в спальнике. Только через неделю после начала шторма, они попытались прорваться, но лишь трое из них – Курт Димбергер, Вилли Бауэр и польская альпинистка Доброслава Миодович-Вольф («Мрувка» - муравей) – вышли из лагеря. Когда шторм утих два дня спустя, только Бауэр и Димбергер, словно призраки, пришли в базовый лагерь.

Спустя семь лет я направлялся к горе с моей подругой Джозефиной Бейер. Она не собиралась идти со мной на гору, но оставалась поддерживать меня в базовом лагере. Она была напряжена и перепугана, и в моей голове крутились зловещие мысли. На меня довлела не только встреча с Томашом, но также плохое предчувствие, когда я увидел гору впервые на подходе к базовому лагерю. Горе стояла абсолютно без снега, обнажая холодные чёрные скалы, всё это выглядело зло и пугающе. Звучит странно, но горы для меня выглядят живыми существами, они часто говорят со мной или предупреждают меня. Уже тогда я предполагал, что кто-нибудь погибнет на горе в этом году, и это знание висело надо мной, как дамоклов меч.

Прибыв в базовый лагерь, я пытался не выказывать своего беспокойства. Мы с Джозефиной поставили нашу палатку и приготовили еду. Неподалёку от нас находился мемориал Гилкея, мрачный камень, покрытый табличками с именами людей, погибших на горе. В этом году в палаточном лагере К2 находилось десять экспедиций. Той ночью я побродил по округе и всех поприветствовал.

Я был рад встретить Дэвида Шармана, английского альпиниста, который, как и я, вписался в состав словенской экспедиции. Мы с Дэвидом решили действовать по обстоятельствам и лезть вдвоём. Когда я сказал ему, что хочу быть первым скандинавом, поднявшимся на К2, он ответил: «Эл Роуз был первым англичанином на вершине, я хочу стать первым англичанином, который вернётся назад». Это не звучало цинично, а наоборот, вполне осмысленно; мы оба знали, на что идём.

В день, когда словенская экспедиция вышла на штурм вершины, мы слышали по радио: «Мы в одном часе от вершины».

Разумеется, мы были рады за них, но, когда на горе разразилась непогода, от них не было ни слова. Позже той ночью мы узнали, что шесть альпинистов сидит на горе в палатке-двойке, накрытой штормом. Бостиана – майора словенской армии – хватил отёк мозга. Остальные пытались нести его и спустить вниз, но он умер на плече горы, на том же проклятом месте, где погибли люди в 1986 году. Теперь Бостиан лежал мёртвый в снегу, обмотанный альпинистской верёвкой. Я стал забираться на гору, чтобы помочь выжившим. Я забирался долго, и после камина Хьюза, 30-метровой

расщелины на горе, я достиг узкого выступа и лагеря 2. Там было трое словенцев, все вялые, измождённые и еле стоящие на ногах.

«Всё потеряно, – заявили они. – Мы проиграли».

Один из участников, Стипе, был ослеплён, у второго, Бориса, один из пальцев на ноге был обморожен, так же, как и все пальцы на руках и ногах у Звонко. Я помог им всем забраться в палатку. На гребне было место только для половины палатки, поэтому мы, забравшись внутрь, прислонились спинами к скале, в то время как наши ноги свешивались с края пропасти.

Словенская команда была настолько измотана, что они уже потеряли смысл к жизни. Когда я просил их помочь мне, то в ответ услышал: «Это бесполезно, мы слишком устали». Звонко протянул мне свои руки, чтобы я их осмотрел. Его руки были чёрными и были покрыты волдырями от обморожения. Я снял с него ботинки, и увидел, что его ноги точно такие же, обморожены к низу от щиколоток. Тогда я засунул его ноги к себе в подмышки, чтобы их согреть, и мы сидели так всю ночь в палатке под воющим ветром. Может быть, я спас дюйм или два ног Звонко. Они были все апатичны той ночью, как и все люди, обычно поражённые обморожениями, но они взволнованно посмотрели друг на друга, когда я спросил у них, были ли они на вершине.

«Нет, – ответили они, после небольшого замешательства. – Звонко был ближе всего, он не дошёл до вершины 60 метров».

По возвращении домой у Бориса удалили два пальца на ногах, Звонко потерял все пальцы на руках и на ногах. Позже словенская экспедиция заявила о восхождении на К2. Но после того, что я увидел, я полагаю, что они приукрашивают свою историю о покорении горы.

Тем временем мы с Дэвидом Шарманом готовились к своей попытке штурма. Мы стали подниматься по ребру Абруцци неделей позже словенцев и достигли Лагеря 4 на высоте 8 тысяч метров 22 августа. Погода, как ни странно, была неплохой. Снегопад прекратился, и было не особо ветрено. Дэвид пожаловался на головную боль. Мы пораньше залезли в наши спальники и старались дышать размеренно.

Когда ты ходишь в горы, в последнем лагере надо вставать очень рано, чтобы успеть подняться на вершину и вернуться назад до темноты. Я покинул лагерь в 3 часа ночи, Дэвид начал движение вскоре после меня. Когда стало рассветать, Дэвид сидел далеко внизу подо мной, склонив голову. Оказалось, что он поскользнулся и что-то себе вывихнул. Теперь, оставшись один, я постепенно приближался к «бутылочному горлышку», известному крутому проходу между скал, который является ключевым пунктом на стандартном пути на вершину. Многие альпинисты, утомлённые восхождением на этом трудном участке, поскользывались здесь и летели в пропасть. Сейчас, когда я пролезал через «бутылочное горлышко», всё шло так гладко, как будто я был не на грозной К2, а на какой-нибудь обычной горе.

В 11:10 я был на вершине К2, королеве среди гор. «Я сделал это!» – прокричал я сухим трескучим голосом. Я достал фотокамеру из рюкзака и сделал серию фотографий видов с вершины и себя, моё лицо, обгоревшее на солнце, ледяную корку, покрывающую мой нос и бороду.

«Как же я крут! – подумал я. – Я забрался на самую сложную гору в мире безо всяких проблем».

В тот же самый момент я ощутил силу горы. Это холодное осознание величия горы возникло, словно в ответ на мои мысли, о чём я впоследствии пожалел. Я чётко ощутил, что гора собирается наказать меня за мою гордыню. Когда я обернулся, то увидел грозные чёрные облака, приближающиеся ко мне.

«У меня мало времени. Надо успеть спуститься в третий лагерь до начала шторма, только тогда я выживу». Я немедленно стал спускаться по снежному гребню. Внезапно одна из кошек отстегнулась, я упал и покатился вниз по склону, отчаянно пытаюсь зарубиться ледорубом. Пролетев метров 30, мне удалось воткнуть ледоруб и остановиться.

«Чёрт! Что я делаю?»

Я стоял на ненадёжном ледяном поле, уходящем вниз под углом 45 градусов, и находился всё ещё выше «бутылочного горлышка». Приближалась буря. Я воткнул ледоруб в лёд и уселся на него. Моё сердце

колотилось, и я попытался застегнуть кошку негнушимися пальцами. Мои руки внезапно так замёрзли, что это занятие казалось безнадежно невыполнимым, однако всё же это удалось сделать. Я не хотел становиться частью К2, поэтому, боясь замёрзнуть до смерти, потихоньку начал спускаться по «бутылочному горлышку».

Как только я добрался до четвертого лагеря, сразу разразился шторм. Сильный ветер буквально валил меня с ног, и к своему огорчению, я понимал, что всё начинается, словно в трагедии 1986 года. Отличие в том, что тогда их было восемь человек – я же был один. Дэвида нигде не было видно, наверно он уже спустился. Я забрался в палатку, и обнаружил, что у меня откуда-то течёт кровь. Мне надо было тщательно обдумать ситуацию, вспомнить, что происходило в книге у Куррана.

Я забрался в спальник и лёг на спину. Шторм прижимал потолок палатки прямо к носу. Моё дыхание было частым и нерегулярным, сердце стучало; я был готов поддаться панике.

«Успокойся и действуй разумно, – сказал я себе. – Помни о 1986 годе. Не повторяй их ошибок, не сиди на месте, переживая шторм! Соберись и спускайся!»

Я совсем не был голоден, но заставил себя съесть всю еду, которую смог найти, потом достал плеер и включил самбу, самую радостную музыку, которая у меня была, чтобы немного успокоиться. Палатка сломалась и была готова разойтись по швам, но я продолжал слушать музыку, создавая иллюзию комфорта.

На следующее утро шторм не утихал. Край плато, на котором я находился, обрывался в трёхкилометровую пропасть. Ранее мы промаркировали путь от лагеря на гребень, порядка двухсот метров, расставляя флажки каждые 25 метров. Через этот гребень уже можно было спуститься по ребру Абруцци в базовый лагерь. Я вылез из палатки и оказался по пояс в снегу. Вокруг ничего не было видно, никаких флажков, сплошной туман.

«Это бесполезно», – пробормотал я и залез обратно в палатку. Затем я вспомнил про Бостиана, который где-то здесь умер от отёка мозга. «Он был

обмотан верёвкой, на которой его пытались спустить вниз», – подумал я. «Но как мне его отыскать?»»

Тяжело дыша, я начал усердно раскапывать снег вокруг палатки. Наконец я что-то нашёл, какой-то большой предмет. Это был рюкзак Бостиана. Но где же верёвка? Я открыл рюкзак, а вот и она! К счастью, я не нашёл самого Бостиана.

Один конец верёвки я привязал к палатке, другой привязал к себе для того, чтобы я смог вернуться к палатке, если не смогу найти вешки для спуска вниз. Мне было очень трудно продвигаться сквозь глубокий снег. Прошло четыре часа, прежде чем я нашёл первую вешку. Я был абсолютно вымотан, мне казалось, что я останусь здесь, погребённый под снегом. Я ничего не видел и не мог никуда идти. «Теперь всё закончено, тут я и умру». И вот тогда, как мне кажется, гора увидела всё моё отчаяние, и в небольшом разрыве тумана я заметил вторую вешку, указывающую путь вниз.

Я упал на живот и покатился вниз по склону, продолжая спуск днём и ночью, практически без еды и воды. Я пробовал есть снег, хотя и знал, что он вызывает диарею. Таким образом я добрался до третьего лагеря, где обнаружил лишь порванные ветром палатки со сломанными дугами. Я знал, что в любую минуту может сойти лавина. Гора всё ещё сердится на меня и хочет наказать; возможно, она и не отнимет у меня жизнь, но может быть, заберёт что-нибудь, имеющее для меня ценность.

Находясь в первом лагере, я услышал громкий хлопок, затем последовал рёв и грохот, и огромная масса снега с бешеной скоростью начала двигаться по склону горы в мою сторону. Лавина прошла мимо меня в ста метрах, но ударная волна отбросила меня метров на десять, пока не натянулась верёвка, удерживающая меня на склоне. В этот самый момент из рюкзака выпала видеокассета со всеми записями моего восхождения. Она попала в лавину и оказалась похоронена под многометровой толщей снега, направляющейся по леднику в сторону соседней горы, Броуд-пика. Вот так гора показала свою силу, забрав ту ценность, которую я хотел принести домой.

Немного позже, пробив корку наста, я упал в небольшое ледниковое озеро. Оказавшись по пояс в ледяной воде, я сразу замёрз до мозга костей.

Как только я выбрался из озера, то сразу упал на какой-то валун, дрожа от переохлаждения. Начался сильный снегопад, видимость упала, и оставалась возможность повторного схода лавины. В мыслях о горячей еде я кое-как заставил себя снять мокрую одежду, отжал её и забрался в спальник.

Когда я проснулся, прошло двадцать восемь часов с момента моего выхода из лагеря 4. Я не знал, где нахожусь. Внезапно, к своему глубокому удивлению, сквозь туман я увидел разноцветный городок палаток. Оказывается, я лёг спать в двухстах метрах от базового лагеря, не зная этого!

Я достал рацию и сказал:

«Это Йеран Кропп, приём!»

Удивлённый голос ответил:

«Мы думали, что ты уже давно погиб!»

Моя подруга, Джозефина Бейер, также считала, что я умер на горе, но, когда я вернулся в лагерь, словно восстав из мёртвых, она встретила меня, заплаканная и измученная.

«Йеран! Йеран! Ты правда живой?!»

Позже я понял, что на К2 я потерял вдобавок и её. Джозефина просто не смогла бы жить, находясь в состоянии постоянной тревоги за меня, и, узнав, что я буду продолжать свою альпинистскую карьеру, она ушла от меня, или, вернее, мы расстались.

Но это был потом, а сейчас, в базовом лагере я поел бутербродов с икрой из Швеции, запил пивом из Словении и провалился в глубокий 16-часовой сон.

В тот день, когда я попал в посольство Швеции в Исламабаде, я понял, что смогу обеспечить себя за счёт альпинизма. Моё восхождение на К2 привлекло огромное внимание. Дома я ушёл с военной службы, создал компанию Kropp & Äventyr, в которой зарабатывал деньги, выступая с лекциями. На Рождество в 1993 году мы с Магнусом Нильссоном отправились на Кага Тондо в Мали, где забрались на несколько вертикальных пиков, возвышающихся на десятки метров над Сахарой. На следующий год я снова увидел К2, но не по той причине, по которой хотелось бы.

Даниэль Биднер считался самым лучшим альпинистом Швеции. Он входил в состав шведской экспедиции на К2, с которой я первоначально хотел ехать. С Даниэлем что-то произошло на спуске с вершины чуть ниже «бутылочного горлышка». Он передал своему партнеру по восхождению Андерсу Рафаэлю Йенсену: «Я вижу шведские флаги и какие-то красные домики». Потом он сел, чтобы передохнуть, потерял равновесие, упал на снег и покатился в пропасть. Всё произошло в одно мгновение.

В 1994 году я снова оказался в Пакистане, в этот раз с целью восхождения на Броуд-пик в компании с Мэтсом Хольмгренем и Николасом Гафго. Мы хотели взойти на вершину с юга, чего никто ранее не совершал. Также у меня было обещание, данное семье Биднера. В один день я прошёл 6 километров по моренам до базового лагеря К2, чтобы отнести туда памятную табличку с именем Даниэля.

Было странным оказаться здесь снова. Всё выглядело точно так же, как тогда, словно время застыло и ничего не произошло. Я медленно подошёл к мемориалу Гилкея, и поместил табличку Даниэля среди других табличек с именами погибших на К2. Это был очень грустный момент, там было так много имён. Всё же я ощущал, что дух Даниэля со мной, и задумался, почему мы выбрали такое опасное занятие в жизни.

Всю мою сознательную жизнь горы привлекают меня своим величием и вдохновением, они словно приглашают в царство истинной красоты. Через моё почтение к горам я обрёл силу противостоять страху и принимать риски и ответственность во время восхождения. Когда я нахожусь в горах, я свободен

по-настоящему. Это полная свобода выбора действий и использования накопившегося опыта. Ни Мэтс Далин, ни Даниэль Биднер не были растяпами или безрассудными людьми. Они жили той жизнью, которую сами выбрали, но я также видел, что мои друзья трагически погибли, поэтому я всегда готовился к восхождениям настолько ответственно, насколько это было возможно, чтобы избежать ненужного риска.

По мере возрастания уверенности в горах, у меня стало возникать желание делать вещи, которые другие бы люди назвали бы невозможными. Я чётко следовал своим мечтам, но когда видел безнадёжность в их исполнении, то спокойно от них отказывался. Наше восхождение на Броуд-пик с юга закончилось неудачей, мы повернули назад на высоте около семи тысяч метров. Неделей позже я взойшёл на вершину в одиночку по стандартному маршруту, с невероятным временем из штурмового лагеря в 18 часов. Тем не менее, всё это время мои мысли были поглощены Эверестом.

В моих мечтах основная задача была взойти на Эверест самым возможно естественным путём, и только своими силами. Я рассматривал различные варианты, как добраться до вершины. Двигатели внутреннего сгорания были вне рассматриваемого вопроса. А как насчёт верховой езды, или пешей прогулки?

Я решил отправиться на Эверест на велосипеде.

Я также рассчитывал совершить восхождение без использования дополнительного кислорода или услуг носильщиков для транспортировки моего снаряжения, а также, на горе есть только ту еду, и пользоваться только тем, что я привезу с собой на велосипеде из дома, из Швеции. Когда я подал запрос на разрешение на восхождение на Эверест, который стоил 50 тысяч долларов на семь человек, то попал в конец пятилетнего списка из желающих подняться на гору по стандартному маршруту с юга, через Южное седло. Потом я решил связаться с Робом Холлом, одарённым альпинистом и гидом из Новой Зеландии, который отправлялся на Эверест сопровождать группу обеспеченных американцев. Я спросил у него, могу ли я вписаться в его разрешение. Роб вежливо отказал, поэтому я выбрал другой, чуть более сложный маршрут – через Южный столб Эвереста (Everest's South Pillar).

В то же время я начал подсчёт предполагаемых расходов. Предварительно мне требовалось 350 тысяч долларов, поэтому следующим шагом было достать необходимую сумму. Я достал телефонный справочник, раздел «бизнес», и открыл первую страницу. Может быть фирма по производству офисных стульев ААААА захочет проспонсировать меня? Или общество Анонимных Алкоголиков? Я думал, что, скорее всего, нет. Но вот международная компания АВВ наверняка может подкинуть мне денег. Я продолжал действовать в таком духе. Я обзвонил 320 предприятий, которые, как мне казалось, могли бы быть заинтересованы в моём проекте, всем подряд рассылал брошюры о себе, но везде слышал только: нет, нет и нет.

Или, например, они говорили: «Звучит здорово! Но прости меня за прямоту, мне не кажется, что ты сможешь это сделать».

Некоторые хотели встретиться со мной. Я трижды встречался с представителями шоколадной компании Cloetta, но всё, что они мне предложили – это приобрести их продукцию по себестоимости, как будто я собирался открыть кондитерский магазин! Другие компании объясняли, что они не спонсируют отдельных людей.

В то же время я пытался уделить хоть какое-то время тренировкам на велосипеде – я был ни разу не велосипедистом. Это было проблематично; поиск спонсоров и денег занимал всё моё время.

«Когда-нибудь мне придётся начать тренировки на велосипеде».

Однажды на своей лекции я заметил красивую молодую девушку, о которой я почти сразу позабыл, пока она не пришла на мой курс скалолазания. Также летом перед поездкой на Эверест она записалась на курс дельтапланизма, который я проводил в Словакии. В этот раз она мне помогала, обладая хорошим чешским языком. Её звали Рената Хлумска. Она работала моделью в Париже и была совершенно неотразима. Её родители были родом из Чехословакии, и я нанял её к себе на работу. В общем, я влюбился в неё.

Мы работали вместе над подготовкой поездки к Эвересту на велосипеде. В итоге, мы заключили контракты с четырнадцатью спонсорами, крупнейшим из которых была телекоммуникационная компания Eriksson.

Другая фирма, Informedia, собиралась выпускать статьи обо мне в течение всего путешествия. Также мы заключили договора с утренней газетой Svenska Dagbladet, с каналами TV3 и Radio P4. Предполагалось, что я буду давать интервью о своём продвижении каждую неделю. Однако, нам всё ещё нужны были деньги, несмотря на то, что мы урезали расходы с 350 до 240 тысяч долларов. В итоге, мне пришлось даже взять кредит на 40 тысяч долларов.

Затем у меня началась истерия по поводу необходимого снаряжения. Я не мог позволить взять себе лишнего грамма, если всё необходимое мне надо было привезти самому из Швеции в Катманду, а затем отнести всё это в Базовый лагерь Эвереста. Никакой лишней еды, никакой лишней пары нижнего белья. В конце концов, я мог бы выворачивать наизнанку одну и ту же футболку несколько раз! Я сидел со списком необходимого снаряжения день и ночь, снова и снова спрашивая себя: так ли мне нужна лишняя пара носков? Достаточно ли двух пар рукавиц?

Так как я хотел донести всё на себе до Базового лагеря Эвереста – всю еду, палатку, экипировку для восхождения, мне пришлось ограничить себя настолько, насколько это было вообще возможно, но чтобы всего хватало. Я определённо хотел отказаться от услуг носильщиков, и после долгих размышлений я взял с собой каску, два ледоруба, одну верёвку, обвязку, три ледобура, два карабина, пять закладок и спусковое устройство «гри-гри». Также я положил три оттяжки, один вспомогательный 5-метровый шнур, одну пару горных ботинок, пару телескопических треккинг-палок, одну портативную горелку, один термос, один нож Victorinox, питьевую систему на 4 литра воды и несколько баллонов с газом для горелки.

Моей главной проблемой была еда. Во время велопутешествия по Европе и Азии я планировал покупать еду по дороге, но на горе мне придётся есть только сублимированную пищу, взятую из Швеции. Я размышлял над необходимым количеством еды, а так же над тем, насколько она будет питательна для человека, собиравшегося подняться на Эверест без дополнительного кислорода. В итоге я взял 32 основных блюда, 112 быстрорастворимых супа, 56 порций напитка с декстрозой, 56 порций шоколадных напитков, 48 пачек крекеров, 28 шоколадных батончиков, 5

упаковок декстрозы, дюжину батончиков Power Bar, а также упаковку каш для завтрака.

Следующей необходимостью был велосипед. Я выбрал модель Ultima, предоставленную мне компанией Crescent. Я потратил два дня, изучая возможные поломки и способы их устранения. С собой я взял велонасос, мультитул, разводной ключ, пару плоскогубцев, ключ для спиц, выжимку цепи, монтажки и набор шестигранников.

Всё это я положил в велоприцеп, добавив туда два велозамка, три камеры, 50 спиц, 4 тормозные колодки и одно заднее колесо в сборе. Вдобавок у меня была с собой палатка, два рюкзака, одна спортивная сумка, один спальник, одна пенка, один комплект верхней одежды, флисовый свитер, пять пар носков. Также я упаковал одну пару перчаток, одни рукавицы, одну шапку, полукомбинезон Javlin, три комплекта термобелья и несколько других вещей.

Также я взял с собой мобильный телефон, фотоаппараты Fuji и Nikon FE2, один сменный объектив, видеокамеру, фото- и видеоплёнку, спутниковый телефон Glocom, аудиоплеер Walkman, пять аудиокассет, аккумуляторы с зарядным устройством и аптечку с болеутоляющим и средствами от обморожения. Всё остальное осталось дома.

В октябре 1995 года шведские газеты писали о вице-премьере Моне Салин и о её предполагаемом злоупотреблении выданной правительством кредитной картой. 16 октября, после периода молчания, Салин дала интервью в свою защиту, что сразу подхватила жёлтая пресса.

«Я не занимаюсь подтасовками!» – заявляла она с первых страниц газет.

В этот же самый день я катил свой велосипед вверх по холму в конец улицы Yttersta Tvärgränd на южном острове в Стокгольме мимо домов 18 века и детских садов. Здесь находилась отправная точка моего маршрута, где меня уже ждала пресса. Стояла прекрасная осенняя погода, внизу у подножия холма виднелась оживлённая улица Ringvägen.

В тот день я был на ногах уже с пяти утра, побывав на телешоу, и когда я появился на старте, защёлкали объективы фотокамер. Мой хороший друг Пер Каллеберг произнёс вступительную речь, а я позировал рядом с велосипедом, отвечая на вопросы журналистов. Я был в приподнятом настроении.

«Да, на Эвересте очень холодно».

«Да, там случаются ураганы».

«Нет, я не сожалею о своей затее!»

Больше всего мне запомнилась молодая блондинка из шведского журнала Expressen. У неё был очень агрессивный тон, как будто она хотела уличить меня в обмане.

«Какой смысл делать всё своими силами, если на Эвересте при проходе ледопада Вы пойдёте общими маршрутами и по заранее установленным лестницам?»

Тут надо сказать, что Ледопад Кхумбу – это самое опасное место на леднике Кхумбу, расположенное между западным плечом Эвереста и соседней вершиной, Нуптце. Всё альпинисты проходят этот сложный участок маршрута по дороге в первый лагерь на высоте шесть тысяч метров. Ледопад известен как самое опасное место на Эвересте. Он медленно движется, постоянно разбиваясь на сотни айсбергов, которые время от времени сталкиваются друг с другом. Многие альпинисты погибли на Ледопаде Кхумбу – все относятся с почтением к этому гиблому месту. В начале каждого сезона восхождения командой шерпов прокладывается новый путь через ледопад, провешиваются новые верёвки и устанавливаются лестницы до прихода экспедиций.

Я был немного раздражён её вопросом. «Что эта журналистка себе позволяет? Будет ли это противоречить моим принципам, если я буду пользоваться общими маршрутами на горе?»

«Тогда я пойду своим путём!» – сказал я ей.

Больше я об этом не думал. Перед выездом я съел тарелку горохового супа и бутерброд, попрощался с Ренатой и друзьями и выехал на улицу

Ringvägen, затем свернул на Hornsgatan, пересёк мост и направился в сторону городка Сёдертелье.

«Наконец-то в пути», – подумал я.

Люди сигналили и махали мне руками, когда я проезжал мимо. Из окна проезжающей машины высунулся мужчина средних лет и сказал:

«Если бы я был твоего возраста, то сделал бы точно также, это должно быть здорово!»

В первый день я проехал 60 километров и поставил палатку возле церкви в Хёлё. Это был великий момент. Моя голова всё ещё гудела от дороги, но я чувствовал себя расслабленно, вспоминая, как долго я ждал этого события. Позже многие люди спрашивали меня, каково это – столько времени ехать в одиночестве на велосипеде, не сводит ли это с ума. У меня было время обдумать всю мою жизнь, и мне это нравилось.

На следующий день, когда я проснулся в 7:40 утра, то ощутил себя словно на триумфальном шествии. Люди приветствовали меня и фотографировались, а ещё в кафе в небольшом городке Вагнхерад меня пригласили на обед. Из неприятностей на маршруте были только лишь холмистая дорога да сильный ветер, а также внезапно заболевшие колени и бёдра.

«Это нелепо, – подумал я. – Только выехал, а уже всё болит».

Я решил не думать понапрасну о бесконечных километрах впереди, но по мере смены пейзажа вокруг, в голову стали лезть разные волнующие мысли. Я точно знал свой план. Мне надо было приехать в Катманду в марте, а впереди более 12 тысяч километров! Смогу ли я приехать такое расстояние, или весь мой проект обречён на неудачу?

Вторую ночь я провёл около станции очистных сооружений города Норрчёпинг. Дождь хлестал по палатке, и когда ветер принёс запах сточных вод, я написал в журнале, словно заклинание: «Завтра начнём с новыми силами. Вперёд!»

На следующий день разразилась буря, и я съехал с основной трассы, идущей по полям, на сельскую дорогу под защиту леса. Оказалось, что по такой дороге ехать невозможно - колёса постоянно заносило на скользком покрытии. Иногда я останавливался и в интервью местных журналистов говорил, что у меня всё отлично, но на самом деле у меня сильно болели ноги, особенно голень на левой ноге. Мне начало казаться, что я недостаточно тренировался перед поездкой и растерял физическую форму.

Мне не приходило в голову, что боль в ногах была вызвана неправильной обувью. Я ехал в ботинках, так как у меня ещё не было велотуфлей. Неподалёку от деревни Гофта меня встретила Рената и передала мне туфли Salomon, и, к моему великому облегчению, боль начала утихать. 23 октября, после ночи в гостинице, я сел на паром, курсирующий между шведским Треллеборгом и немецким Росток. В сауне на пароме я встретил тромбониста из Польши, играющего джаз, который выступал в джаз-клубе в Финляндии, а теперь направлялся в Прагу. Он был большой и толстый, носил очки и усы, и в общем он для меня выглядел как настоящий джаз-тромбонист. Он просто не мог быть кем-то ещё. И он наверно думал про меня: «хмм, а этот парень, похоже, едет на велосипеде на Эверест».

В сельской местности в Германии на трассе 108 по дороге в сторону Нойбранденбурга одна покрышка порвалась вдоль обода от постоянной езды по брусчатке. Всё же это было небольшой проблемой. В Цоссене в Восточной Германии я написал в своём дневнике:

«Моё путешествие превращается в рутину. С утра я проезжаю 30-35 километров, затем отдыхаю и завтракаю. Потом ещё 35 километров, наступает время обеда, также покупаю завтрак на следующий день. После этого ещё около 30 километров, и примерно в пять часов вечера я ставлю палатку для ночлега».

Цоссен – это заброшенный русский военный городок, грустное место, время которого прошло, город закрытых казарм и пустых зданий. Я ощутил в некотором роде анархию, царящую среди людей, всё ещё живущих там. Всё, что оставили военные, местные жители объявили своим и растащили по домам.

Мне не надо было смотреть на одометр, или на дорожные знаки, чтобы понимать, как далеко я уехал от дома; бедность говорила мне об этом. Это началось в Восточной Германии, немного возросло в Чехии и Словакии. Сделав перерыв в прогрессивной Венгрии, картины бедности развернулись передо мной в полную силу в нищете бетонных гетто в Румынии.

Между городами Дорог и Дабас меня застал первый снегопад, это был настоящий шторм с мокрым снегом и ветром. Я очень замёрз и промок до нитки, но вокруг были только леса и поля, и я нигде не мог остановиться на ночлег. Вскоре мне повезло, я увидел дорожный знак, на котором была изображена кровать и надпись – «5 километров».

Дорога была покрыта мокрым снегом. Я подъехал к разваливающемуся строению, стоящему, словно посередине пустоты. Было уже темно, и лишь в одном окне дома горел тусклый свет. У меня было нехорошее предчувствие, но я всё равно слез с велосипеда и зашёл внутрь. Передо мной развернулась настоящая драма; мне кажется, что я прервал серьёзный разговор, таково было моё первое впечатление; к тому же, все, находившиеся внутри, посмотрели на меня, как на пришельца. Возможно, я так и выглядел для них в своей красной непродуваемой куртке и цветастой велоформе.

В комнате находилось трое женщин. Все они носили кожаные юбки, ремни с шипами, ажурные чулки и туфли на шпильках. Позади них сидело несколько нервно поглядывающих мужчин, вроде как охранников. Оказывается, это был бордель.

В дальнем конце комнаты была барная стойка, а также несколько дверей, ведущих, скорее всего, в приватные комнаты. У меня создалось впечатление, что группа мужчин – это не простые визитёры к проституткам, а у них разворачивалась какая-то интрига до моего приезда.

– У вас есть свободные номера? – тихо спросил я. Я очень устал, и не хотел ехать дальше.

– Нет! – крикнули мне несколько голосов в унисон.

– А как насчёт чашки чая? Я очень замёрз, мне нужно согреться.

Женщины переглянулись, одна кивнула головой. Я подошёл к барной стойке; всё уставились на меня. Возможно, я выглядел очень странно, но не представлял опасности, так как вскоре их первоначальная враждебность быстро сменилась любопытством. Все сели вокруг меня, им было чрезвычайно интересно узнать, кто я такой.

– Куда ты направляешься? – спросила одна женщина. Ей было около тридцати лет. Её макияж немного подтёк, как будто она плакала. Я приготовился к их реакции на мою оригинальную историю.

– Я еду в Непал, чтобы подняться на Эверест, – ответил я осторожно. Все посмотрели на меня, чтобы понять, не шучу ли я. Когда они поняли, что я говорю серьёзно, начался страшный гомон. Все начали говорить одновременно, крича и жестикулируя, и, после некоторой растерянности, кто-то предложил взглянуть на мой велосипед, и проститутки на высоких каблуках выбежали на улицу. Все кричали, смеялись и скользили по слякоти, а потом занесли велосипед в дом, словно триумфальную колесницу – или военный трофей. Я развернул перед ними карту и показал свой маршрут.

– Вот куда я направляюсь, – ткнул я пальцем в Катманду, когда все столпились вокруг меня.

– Боже мой, но сейчас зима! Ты действительно хочешь проехать весь этот путь на велосипеде? – Спросила меня Мадам материнским тоном. Затем, не ожидая ответа на свой вопрос, она милостиво объявила, что я могу остаться на ночлег.

Мужчины, как я узнал позднее, приехали из Турции и возвращались домой, но их «Фиат» сломался неделю назад. В итоге они застряли здесь, попав в закрученную любовную драму и нисколько уже не заботясь о починке своей машины. Сейчас бордель был наполнен ревностью, и лишь Мадам была выше всего этого.

Она продолжала смотреть на меня, как будто что-то обдумывая.

«У меня есть сюрприз для вас», – сказала она и вышла.

Она вернулась с молодой девушкой с крашеными чёрными волосами, также на туфлях со шпильками, в кожаной мини-юбке, ажурных чулках, опоясанная поясом с шипами. Она была определённо в “полной боевой готовности”, но при этом выглядела как смущённая школьница. Она украдкой взглянула на меня, после чего уставилась в пол, царапая при этом каблуком пол.

«Это – моя дочь, – сказала Мадам, при этом жестами совмещая непристойные намёки с материнской гордостью. – И, разумеется, она для вас», – добавила она с радушной улыбкой.

Я не поверил своим ушам, и поспешил ответить самым вежливым образом, что очень устал и хочу поспать.

Я поспешил в комнату, где остановились турки. Мне урывками удалось вздремнуть до полуночи, когда меня разбудили громкие голоса. Я выскочил из кровати. Из центральной комнаты раздавались крики и шум борьбы, мужской голос кричал что-то о паспортах и полиции. Я вышел проверить велосипед, но был встречен толпой раздражённых людей.

Кругом валялись разбитые стулья и разбитые бутылки. Один из турок стоял за барной стойкой, небритый, в серой футболке с большими пятнами пота на подмышках и курил сигарету. Женщины сгрудились в углу комнаты, две из них плакали. В центре комнаты стояли полисмен небольшого роста, что-то записывая в блокнот. Как оказалось, турки дрались на ножах. Агрессия всё ещё витала в воздухе, но никто серьёзно не пострадал, за исключением одного человека, который выглядел сбитым с толку.

«Ленин, Сталин, хорошо?» – произнёс он, как будто самое верное дело сейчас было обсуждать старых диктаторов. Ради своего спокойствия, я согласился со всем, что он мне говорил. Мы были в полном согласии друг с другом, хотя было совершенно непонятно, о чём именно мы договорились.

Утром все еще находились в баре, ночью никто не сомкнул глаз. Мадам взглянула на меня со смущённой улыбкой и помахала мне рукой. Мне не надо платить за ночлег, сказала она. Я вывел велосипед на улицу и уехал, думая о том, что турки, возможно, проторчат там целую вечность.

На грязной дороге, ведущей на трассу E75, я остановился, чтобы починить спущенное колесо. В это время проезжающая мимо машина заехала в лужу и окатила меня грязью с ног до головы. Это произошло 7 ноября 1995 года. К этому дню мной было пройдено 2100 километров.

Когда пришла зима, я проезжал Румынию. Дороги были довольно унылыми, и иногда у меня замерзали ступни от ледяных педалей. Однажды ночью у меня замёрз сок в бутылке. Бедность вокруг заставляла ощущать меня небезопасно, взгляды людей, обращённые ко мне, были не сколько любопытными, сколько голодными. Для меня было странным столкнуться с другой Европой, такой серой и обедневшей.

В городе Турну люди бросали разбитые машины и мусор прямо в Дунай. Я видел пустые поля, где ничего не росло, кроме сорняков, видел трущобы на окраинах городов, где люди жили в полуразваленных бетонных домах. 12 ноября я остановился в отеле в абсолютно холодной комнате, насквозь продуваемой сквозняком. Я обратился к хозяину отеля с просьбой помочь, но всё, что он мог мне предложить, это обогреватель, состоящий из проволоки и камней. Ночью я почувствовал запах дыма, и проснувшись, стал проверять обогреватель на наличие пламени. На всякий случай я отключил обогреватель и утром проснулся в совершенно разбитом состоянии. Однако в этот день жизнь преподнесла мне очередной сюрприз. У меня было такое ощущение, что вся Румыния играла свадьбу! На своём пути я встречал бесконечные свадебные процессии, и видел людей, запускающих фейерверки, стреляющих из ружей или машущих шляпами в честь новобрачных.

18 ноября женщина на «Трабанте» въехала в мой велоприцеп. Через два дня прицеп сломался, и мне пришлось отремонтировать его на заправке в Люлебургазе.

25 ноября у меня снова спустила камера.

27 ноября у меня заболел живот в отеле в Болу. В этот же день я почувствовал, как приближаюсь к горам, на горизонте появилась цепь пиков высотой более 3300 метров, но всё же меня не покидало ощущение одиночества. Впереди был еще ужасно длинный путь, прежде чем я начну своё восхождение на Эверест.

29 ноября в заднем колесе лопнули две спицы, и вдобавок мой мобильный телефон перестал работать. Днём 30-го я увидел перед собой белый «Сузуки» с мигающими габаритными огнями. Рядом с машиной стояли мужчина и прекрасная женщина. Это были мой оператор, Фредерик Блюмквист и любимая Рената – «группа Швеция» – которые, как по волшебству, появлялись то тут, то там, чтобы запечатлеть моё путешествие.

Когда Рената ночевала со мной, я не вылезал из палатки до позднего утра. Мне было всё равно, жизнь не должна состоять только лишь из мучений. Это были прекрасные времена, правда иногда я переживал, не сочтут ли люди помощью в дороге то, что Фредрик и Рената едут на машине рядом со мной? По этому поводу я несколько раз был довольно резок с Ренатой, о чём потом сожалел. Когда она с невинным видом купила мне пару бананов, я наорал на неё: «Ты в своём уме? Это соло-экспедиция, я не должен принимать помощь от кого бы то ни было!» В другой раз, когда одна из подседельных сумок упала с велосипеда и покатила вниз по склону, Рената, едущая за мной, остановилась и вышла из машины, чтобы поднять упавшую сумку.

«Не трогай! – закричал я ей, как будто она могла подвергнуть себя какой-нибудь опасности. – Я подниму её сам!»

Всё же, мне стоит признаться, что я не в полной мере следовал своим заветам одиночной экспедиции на Эверест. Я решил, что я сделаю всё своими силами, но, например все реки на пути я не преодолевал вплавь, а переезжал их по мосту. Дважды я сжульничал особенно по-крупному. Первый раз, когда ехал на пароме из Швеции в Германию, и второй раз, в Хорасане, в Турции 11 декабря на свой день рождения, когда я съел шоколадку, которую не покупал, а получил в качестве подарка.

13 декабря, проезжая по восточной Турции в сторону иранской границы, я услышал выстрелы, находясь неподалёку от земель курдов. Возможно, это какой-нибудь беспокойный солдат турецкой армии практиковался в своей меткости. В каждом дорожном знаке в той части страны были отверстия от пуль, словно это были тренировочные мишени.

Иногда за мной гнались дикие собаки, огрызаясь на мой велоприцеп. Тогда же я столкнулся с ещё более опасным явлением своего путешествия, которое повторялось в дальнейшем время от времени: дети, стоящие на обочинах, стали бросать в меня камни. Почему бросание камней столь любимо детьми во многих странах? Через некоторое время мне надоело это терпеть, и я стал отвечать им тем же, хотелось преподать им какой-нибудь урок.

Сельская местность в Турции была прекрасна. Окружающий пейзаж был холмистым и бесплодным, но иногда я проезжал поля, украшенные заморозками. К северо-востоку от озера Ван я увидел горный массив Арарат, упомянутый в Библии:

«И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показали верхи гор».

Очевидно, что зарождение жизни после Великого потопа было тесно связано с альпинизмом!

И всё же Арарат привлекает не только археологов, помешанных на Библии. Я мечтал когда-нибудь взойти на эту гору, проезжая мимо по заснеженной дороге в сторону городка Догубаязит, что находится неподалёку от иранской границы. Наступила ночь. Вдалеке я видел огни города. Кругом стояла тишина, как вдруг, солдат во мне услышал до боли знакомый металлический звук, который заставил меня подпрыгнуть на месте. Я понял, что именно произошло, быстрее, чем я смог бы произнести фразу «перезарядка автомата». Я мгновенно поднял руки над рулём и крикнул: «Никаких проблем!», осознавая в тот момент, что человек с оружием может быть иного мнения.

Я не мог разглядеть человека, ответившего мне по-турецки. В следующую секунду раздался выстрел.

«Чёрт! – подумал я. – Что тут происходит?» Я подвинулся поближе к канаве, проходящей вдоль дороги, готовый в любую секунду нырнуть туда. Мысли роем вертелись у меня в голове. «Кто в меня стрелял? Может это какой-нибудь курд-повстанец или перенервничавший турецкий солдат?»

Было не видно ни зги. Через какое-то время я услышал шаги, приближающиеся ко мне, и вот из темноты вынырнули трое турецких солдат. Они действовали так, как будто ничего не произошло. Один из них курил сигарету, и когда его лицо освещалось огоньком, он старался походить на актёра из голливудских фильмов. Все трое пытались строить из себя мачо, хотя было видно, что им скучно, и они подошли просто скоротать время.

«Да, у меня всё в порядке». Наконец я с ними распрощался и поехал в сторону Догубаязита, где остановился на ночь в гостинице. На стене в моём номере висел плакат «Горная экспедиция на Арарат». Позади было 5090 километров.

4.

В Иране ничего не поменялось, всё также за мной гнались дикие собаки, всё так же местные дети бросали в меня камни. На дорогах страны я увидел доселе неизвестную мне марку автомобиля под названием «Пеликан». Эта машина британского производства должна была выйти на европейский рынок в 1960-х годах, но потерпела неудачу. Тогда-то их и купило иранское правительство почти за бесценок. «Пеликан» внешне похож на Форд Кортина, если это о чём-то говорит, и он был не очень быстрым, что меня на велосипеде не могло не радовать. «Пеликан» для Ирана был тем же, что и «Трабант» в восточной Германии, «Шкода» в Чехии и Словакии, «Лада» в Румынии и Болгарии, или старые «Рено» в Турции. «Пеликан» - это иранский «Фольксваген» - народный автомобиль. Как все автомобили европейских производителей, он эмигрировал на юг, в более тёплый климат.

Только взгляните на «Мерседес»! Вы покупаете его новым во Франкфурте или Лондоне, затем он всплывает в Белграде или Софии, потом где-нибудь в Аммане, после чего, когда у него начнут отваливаться двери, он станет достоянием какого-нибудь обеспеченного бандита в Сомали. В Индии до сих пор можно встретить «Роллс-Ройсы» из 1920-х годов на деревянных колёсах и с лампами, которые надо зажигать зажигалкой. Такие машины всё ещё несут в себе дух старых времён; глядя на них, словно попадаешь в прошлое.

Иран – это не только другое время – это совершенно иной мир. По крайней мере, он таким выглядел для меня, человека с Запада, которому разрешили только полюбоваться фасадом, не более. Почему Хомейни выглядел таким злым на всех этих гигантских плакатах? Почему кому-то пришла в голову идея рисовать цветы, растущие из ручных гранат? И о чём думал художник, когда изображал два автомата Калашникова, перекрещенных словно кости, будто они, словно голубь мира, будут прекрасным изображением, которое следует размещать повсеместно?

С другой стороны, многие иранцы оказались приятными людьми. Они хотели приглашать меня к себе в гости, но сперва им надо было получить разрешение. Разрешение от кого, удивлялся я. Как только все необходимые

бумаги были у них на руках, они буквально засыпали меня градом вопросов: как я живу? Сколько я зарабатываю?

«А сколько у тебя детей?»

«Ноль».

«Нет детей? Что-то не так с «хозяйством?»» – удивлённо спрашивают люди.

Некоторые иранцы мне казались находящимися в состоянии массового психоза. Они так сильно бросали в меня камни, словно пытались убить. И может быть, им это удалось бы, если бы я не стал бросать камни в ответ. Когда один парень пытался просунуть палку мне в колесо, мне пришлось ударить его.

18 декабря. Маршрут: Карачеман – Мианех – Тегеран.

Я переночевал в хостеле и проснулся под утреннюю молитву соседа-дальнобойщика. На улице шёл снег, и лаяли собаки. Я оделся потеплее и раздумывал, стоит ли одевать каску для защиты от камней, но в итоге отказался. Когда я поехал, заднее колесо велосипеда казалось немного погнутым. Ночью дороги посыпали солью. На улице потеплело, снег стал таять, и я остановился, чтобы перекусить. Я обнаружил, что на колесе сломались три спицы, точно как в Турции, но теперь у меня не было запасных.

Через 10 километров сломался обод колеса, а я застрял где-то на краю пустыни, чёрт побери! Я поймал грузовик, чтобы добраться до Мианеха, но в люди в деревне лишь показали головой, увидев мой велосипед.

«Такое починят только в Тегеране».

Я сел на автобус до Тегерана, где снял номер в люксовом отеле. Той ночью меня терзали тревожные мысли. Я представил, как люди в Швеции, обсуждая моё путешествие, начнут посмеиваться: «этот парень, Кропп, он

обманщик, ты в курсе?» «Ага, я знаю, он обещал весь путь проделать на велосипеде, а сам проехал 500 км на автобусе от Мианеха до Тегерана!»

19 декабря. Маршрут: Тегеран – Мианех.

Я проснулся рано. Я решил вернуться в Мианех сразу, как только починят колесо. Мне не хотелось никого обманывать. В то утро мне посчастливилось найти чудесного веломастера, который починил мне колесо бесплатно.

«Будь моим гостем», – сказал он. Наверно он был очень горд таким клиентом. Оглянувшись по сторонам, он отыскал пару вещей, которые, как он считал, могут мне пригодиться – маску и путеводитель по Турции на французском языке – и торжественно вручил мне.

Я сел на автобус до Мианеха, и поздно вечером в этот же день я залез в спальник в том же месте пустыни, где у меня днём ранее сломалось колесо. Мне было совестно, как только я мог подумать такое, чтобы не проехать эти несчастные 500 километров самому?

24 декабря, канун Рождества. Маршрут: Кередж – Тегеран.

Я был приглашён на рождественский обед к шведскому послу в Иране Хансу Андерссону и его жене Еве. У меня навернулись слёзы, когда я увидел рождественский стол: фрикадельки, свекольный салат, и даже селёдка! Это было как во сне. Даг, работник посольства, нарядился Санта-Клаусом, сам Ханс сопровождал на пианино. После обеда Даг и я отправились навестить британское посольство, своим видом напоминающее крепость. С тех пор, как американцы уехали из Тегерана, британцы стали самыми ненавистными людьми для местных, иногда через забор посольства летели бомбы. Во дворе посольства я встретил иранскую женщину и содрогнулся - у нее был отрезан кончик носа. Она взглянула на меня грустными глазами.

– Ты видел её? – тихо спросил я у Дага.

– Она работала в британском посольстве во времена правления Шаха, и после революции ее наказали таким образом за столь близкое общение с людьми с Запада.

26 декабря. Маршрут: Тегеран – пустыня.

У меня была ужасная ночь, я то замерзал, то просыпался от жары, приходилось постоянно принимать душ. Принял дозу «Имодиума» и покинул Тегеран на трясущихся ногах, когда меня вышло провожать всё шведское посольство, размахивая флагами. Вскоре я снова очутился в пустыне. За спиной виднелся большой город, окутанный туманом. Становилось жарко, но я всё равно ехал в штанах и футболке с длинным рукавом, чтобы не раздражать мусульман.

Вскоре я проезжаю мимо места строительства могилы Хомейни,этакого долгостроя. Я проезжал на машине в этом же самом месте три года назад, и рабочие тогда копались в тех же самых местах, что и сейчас. Из-за жары у меня начала подкатывать тошнота. Я решил остановиться под соснами у гробницы Аятоллы, снять штаны и немного отдохнуть. Возможно, этим я совершил великое преступление, я не знаю.

28 декабря. Маршрут: Кум – Кашан.

Я снял номер в отеле. У меня началась лихорадка, воспалились глаза, заболела голова, и застучало в висках. Я чувствую себя словно на восьми тысячах метров. Я вышел из отеля в поисках врача, но всё в городе оказалось закрыто, у них очередной праздник!

29 декабря, Кашан.

В небольшом госпитале мне сделали укол пенициллина.

31 декабря - канун Нового года. Маршрут: Эрдестан – Эрдекан.

В новогоднюю ночь я лежу где-то в пустыне около асфальтового завода рядом с кучами щебёнки и вглядываюсь в ночное небо. Не видно никаких фейерверков, не слышно никаких петард, никакого веселья, ничего.

5 января 1996 года. Маршрут: Ахмад-Абад – Керман.

Около меня притормаживает жёлтый «Рено». Когда я проезжаю мимо, из него выходит пара, на вид около тридцати лет, и приглашает меня остановиться. Я уже знаю, чего они хотят. Последние несколько дней подобное произошло уже десятки раз. Местные жители приглашают меня к себе домой и ведут душевные беседы о западных обычаях и нравах. Конечно, всё это мне нравится, но при всём уважении эта страна начинает сводить меня с ума. Я не могу больше произносить хвалебных речей о их муллах и аятоллах. Всё, что мне надо, это поспать. Я становлюсь на ночлег где-то под опорой линии электропередач.

6 января. Маршрут: Керман – Махан.

Ночёвка под открытым небом. Полная луна освещает какие-то чахлые кусты, единственную здешнюю растительность. На краю горизонта виднеется горная цепь. Я снова встречаю жёлтый «Рено». Сперва я проклинаю его, в последнее время я ощущаю себя, словно цирковая обезьянка. Везде, где бы я ни проехал, люди гудят мне и кричат:

«Эй, мистер! Подойдите, поболтаем!»

Потом я подумал, а почему бы и не поговорить с ними? Мне не следует быть столь поспешным в своих суждениях о местных жителях. Они не общаются с людьми с Запада, здесь запрещено спутниковое телевидение, а официальная пропаганда показывает Запад как адское место, погрязшее в грехах. Тем не менее, у местных жителей присутствует свойственное всем людям здоровое любопытство. Они понимают, что пропаганда – это одно, но хотелось бы узнать правду. Мне не хотелось быть чужестранцем, убегающим

от каждого вопроса о себе. Я всегда был общительным человеком, поэтому я легко иду на разговор. Фамилия людей в жёлтом «Рено» – Махмуд. Они были очень дружелюбны и помогли мне обменять деньги и продлить визу, с этим здесь всегда проблемы.

Перед тем как позвать меня к себе в гости, им следует получить на это официальное разрешение. Мы идём в ближайший полицейский участок, но там никого нет. После долгого ожидания я предлагаю пообедать в каком-нибудь ресторане.

Мы уезжаем. Я еду на велосипеде следом за жёлтым «Рено» в потоке машин, как вдруг, откуда не возьмись, появляется серый «Джип». Водитель, молодой усатый парень, что-то мне кричит. Я пытаюсь уехать от него, но он подрезает меня, я врезаюсь в другую машину и падаю на асфальт. Вокруг собирается толпа, все хотят посмотреть, что произойдет дальше.

Во мне всё кипит, я встаю, подбегаю к «Джипу», распахиваю дверь, хватаю водителя, и яростно кричу ему в лицо по-английски:

«Какого лешего ты творишь?!»

Затем происходит нечто странное. Водитель внезапно бледнеет, выглядит напуганным и обиженным одновременно, словно я его жутко унижил. Это выглядит странно, тем более, что, когда приезжают полицейские и мулла, водитель жмёт на газ и быстро смывается.

Немного позже в том же Кермане я слышу за спиной гул мотоциклетного двигателя. Впереди ехали Махмуды на «Рено», указывая дорогу. Вдоль дороги стоят торговцы, мужчина тащит тележку с фруктами. Мимо прошли две женщины, полностью одетые в чёрные цвета. Звук мотоцикла нарастает. Я поворачиваю голову - на нём сидит двое, один за рулём, второй, сзади, (тот самый водитель из «Джипа») держит в руках длинную палку, готовясь меня ударить.

Когда они проезжают мимо, я стараюсь увернуться, но палка ударяет мне по голове с такой силой, что переламывается. Мотоцикл исчезает в конце улицы; краем глаза я замечаю серый «Джип», полный озлобленных людей.

Обед с Махмудами представлял собой жалкое зрелище. Я отвечал на их вопросы односложно, я был где-то не с ними.

«Нет, у меня нет детей».

«Да, у меня есть телевизор».

7 января. Маршрут: Махан – Барават.

Я поставил палатку около пересохшего русла реки. Всю ночь шёл дождь. В семь часов утра я проснулся от головной боли. На голове появилась шишка, и она болит. Я стал размышлять о человеке, ударившем меня. Я запомнил его лицо, прежде чем он ударил меня, он рыдал. Он выглядел так, словно в тот момент мстил за всю свою жизнь, полную несправедливостей. А может быть, он верил, что ведёт религиозную битву, джихад против сил империализма? Мне очень хотелось бы услышать эту историю с его стороны. Интересно, что он расскажет об этом событии своим друзьям?

10 января. Маршрут: Захедан – Мирджаве.

Я приближаюсь к границе с Пакистаном. Вдоль дороги стоят наблюдательные вышки. Меня останавливает группа праздно шатающихся солдат, которые хотят повеселиться. Вечером мимо проезжает автомобиль с солдатами. Они смотрят на меня затуманенными глазами, видимо, покурили гашиша.

«Эй, мистер, уже довольно темно, – говорит мне один из них, высунувшись из кабины. При этом он крепко схватил мой руль. – У Вас могут быть проблемы». При этом все кивают, как будто знают о том, что мне может угрожать. Я останавливаюсь, и солдаты мне говорят, что мне придётся переночевать у них в казарме. Для безопасности. Когда я им отвечаю, что собираюсь спать под открытым небом, они возражают:

«Нет, нет, тут очень опасно».

Я не знаю, чего может быть опасного в этой пустынной местности, помимо самих солдат. В то же время они упорно настаивают на своём предложении. Двое из них ухватились за заднее колесо моего велосипеда, и позже, когда я всё же расположился на ночлег на территории военной части около мачты освещения, меня окружила толпа солдат, курящих сигареты и периодически стряхивающих пепел мне на спальник. Они периодически повторяли, словно мантру: «Очень, очень опасно!»

13 января, Пакистан. Маршрут: Нок-Кунди – Якмах.

Позади 7900 километров. Вокруг себя, насколько хватает глаз, видно только песок. Тишина словно давит. Я всё думаю о той журналистке из газеты Expressen. Мне кажется, я могу ей дать немного пищи для размышления.

Ничего невозможного нет.

17 января. Долбандин.

Встретил Фредерика и Ренату, которые приехали меня снимать на видеокамеру. Мы находимся неподалёку от границы с Афганистаном, и нам стало известно, что в городке, куда мы направляемся, в Долбандине, проходят какие-то беспорядки.

– Долбандин, проблемы? Пиф-паф? – спрашиваю я у полицейского, чтобы завязать беседу.

– Нет, – отвечает он. – Долбандин - бабах!

Каждому, кто хоть раз читал комиксы, известно, что «бабах» гораздо хуже, чем «пиф-паф». Мы узнали, что жители Долбандина вышли с протестами против нежелания местных властей проводить электричество в город. Разразилось некое подобие гражданской войны, и, проезжая Долбандин, мы замечаем горящие крыши и баррикады из камней и старых автомобилей.

26 января. Маршрут: Ракни – Сакхи Сарвар.

Я забираюсь в бесконечный холм. Окружающий пейзаж ужасно унылый, однако то тут, то там виднеются чахлые кустики, и недавно пересохшие русла речек. По дороге встречаются люди в изысканных шалях и тюрбанах, но всё как один держат в руках «Калашниковы».

Когда я заезжаю на вершину холма, уже вечерет. Солнце на горизонте похоже на огромный апельсин, а внизу вьётся дорога, уходящая вдаль, очень красиво. Я разгоняюсь под горку. Я вспотел и устал. Случайно взглянув на одомер, я увидел число – 8848 километров.

Я очарован этим значением. Сначала я не понял, что в нём такого, что заставило обратить внимание. Потом меня осенило – это число километров равно высоте Эвереста в метрах над уровнем моря.

Это знак, подумал я, очень хороший знак.

31 января. Маршрут: Сулейманке – Касур.

Как только я останавливаюсь, меня сразу начинают окружать люди. Вчера какой-то мужик буквально вырвал карту у меня из рук, и когда я её отобрал, он схватил мой свитер так, что мне пришлось его ударить.

Теперь мне немного стыдно, и вдобавок у меня опухла рука. Почему люди относятся ко мне столь недружелюбно? Сегодня кто-то схватил меня за заднее колесо, и, когда я оглянулся, то увидел, что оно сломано. Я нахожусь в небольшой деревеньке к югу от Лахора. Проезжаю по дороге, где с обеих сторон растут деревья, и мимо вонючих озёр, где плавают падаль и черные водоросли. Днём остановился в деревне, чтобы выпить пару "Пепси".

Пока я пью, вокруг меня собирается возбуждённая толпа, как будто сломав мне колесо, они одержали большую победу. Тогда они начали бросать в меня всякий хлам, всё больше распаляясь. Тут я увидел небольшую ремонтную мастерскую, расположенную в сарае, и завёл туда велосипед. Я пытался закрыть за собой дверь, но по меньшей мере десять человек успели проскользнуть внутрь.

Меня приветствует механик. Он берёт сломанное колесо и исчезает с ним. Я слышу непрекращающееся беснование толпы снаружи. Люди орут и кидают камни в металлические стены сарая-мастерской, гром стоит невыносимый. Затем внезапно выключается свет, кругом кромешная тьма. Толпа на улице кричит, словно на футбольном матче. Я уже начинаю волноваться. Где же моё колесо? Что будет, когда я попытаюсь выйти на улицу?

Минут через 15 возвращается механик, и протягивает мне отремонтированное колесо. Мне кажется, что он единственный нормальный человек в этом аду, ведь он починил мне колесо во время всей этой истерии! Я поблагодарил его, поставил колесо на место, и приготовился выбежать наружу.

Со всей силы распахнув дверь, я выбежал на улицу с велосипедом, вскочил на него и покрутил педали что есть мочи, в то время как в спину мне летели палки, камни и различная обувь. Прежде чем я был в безопасности, мне пришлось швырнуть на землю одного парня, не пожелавшего уйти с дороги.

3 февраля. Маршрут: Лахор – Амритсар.

Пройденное расстояние – 9600 километров.

Я вешу 82 килограмма, а это значит, что я потерял порядка 11 кило с момента выезда из Швеции. Мне надо набрать вес, если я хочу подняться на Эверест. Я встретил пару с Запада, двоих хиппи, одетых в яркие одежды, очень сильно поношенные. Они ехали в повозке, запряженной лошадью, и курили марихуану, а между ними сидел двухгодовалый ребёнок.

11 февраля

Маршрут: Бабугар – Морадабад.

Индия – это рай после Пакистана. Вскоре после пересечения индо-пакистанской границы, я встретил женщину в экзотическом наряде, которая благодушно пожелала мне успешного путешествия. Это меня здорово воодушевило, так как уже долгое время я не видел женщин на своём пути. В восточной Турции, Иране и Пакистане я видел только мужчин, и теперь, когда женщина на улице улыбнулась мне, весь мир стал лучше. Даже пейзаж, не сильно отличающийся от пакистанского, кажется тут более приветливым.

Проезжаю между длинными рядами деревьев, растущих по обочинам дороги. Кроны деревьев практически смыкаются наверху, образуя некое подобие крыши. Мне кажется, будто я еду по туннелю из листвы и веток. Иногда я вижу грифов-стервятников, сидящих на трупах животных, валяющихся на обочине. Здесь довольно жарко, и мёртвые буйволы надуваются, словно воздушные шары. Когда стервятники или вороны начинают клевать эти туши, их желудки взрываются, выделяя мерзкий запах на всю округу.

Разумеется, и в Индии я встречал бедняков. Я никогда не забуду человека, ползущего вдоль дороги с половиной жестяной банки в руке. Он был небольшого роста и с иссохшейся кожей, с жёлтыми зубами и костлявыми руками. Я никогда раньше не видел людей, выглядевших так невыносимо жалко. В Индии люди сжигают сухие коровьи лепёшки, чтобы обогревать свои дома. Этот человек ползал на коленях, собирая помёт священных коров.

18 февраля. Маршрут: Халилабад – Натанва.

Я остановился по малой нужде. Неподалёку виднеется яблоневый сад. Вдруг я почувствовал сильную боль в нижней части тела. Когда я опустил глаза, то увидел, что случайно наступил в какую-то ямку, а кругом летают полчища шершней. Я бросился наутёк, прочь от роя этих насекомых. Вскоре я добегаю до группы глиняных хижин, и местные жители, видя моё

бедственное положение, разжигают костёр, бросают туда какие-то листья и траву, и велют мне встать в такую импровизированную дымовую завесу. Каждый раз, когда я пытаюсь выйти из дыма, шершни вновь атакуют меня. Мне пришлось простоять в дыму около сорока пяти минут, прежде чем эти сволочи улетели. Селяне сходили за моим велосипедом, я вскочил на него и в панике уехал прочь.

После двух-трёх километров я останавливаюсь, меня всего трясёт. Такое ощущение, будто в меня попали отравленными стрелами. Приближаются джунгли. Лес становится всё гуще и темнее. Местами пробегают обезьяны, пожилая женщина погналась за одной из них после кражи банана. Это выглядит комично, и моё измученное лицо расплывается в улыбке.

Я стал вытаскивать из себя жала шершней, насчитал их около тридцати.

20 февраля. Маршрут: Байхвала – Читван (Непал).

Пройдено 11100 километров. Окружающий пейзаж потрясает! Кругом леса, луга, речки, пастбища с животными. Местные женщины красивы до невозможности. Я уже близок к своей цели.

22 февраля. Маршрут: Малеку – Катманду.

Велосипед, мой старый друг, совершенно развалился. Я заметил, что заднее колесо сильно изношено. С большим трудом я меняю камеру и покрышку, при этом ломаю несколько инструментов. Затем прокалывается колесо на моём прицепе и начинает скрипеть левая педаль. Начинает хрустеть руль и перестает работать система переключения передач. Я вынужден использовать самую высокую передачу – а в горах это очень тяжело. Темнеет. Люди окликают меня, но я не отвечаю. Я нахожусь словно в своём мире, всё, что мне нужно – это попасть в Катманду, чтобы положить конец этому издевательствам. Последние моменты дистанции даются тяжело. В конце извилистой дороги виднеется убийственно крутой подъём. Вдалеке я вижу два грузовика, а ещё дальше - вершину холма. Внизу подо мной

простирается прекрасная долина, но дорога изматывает, и проезжающие грузовики сильно чадят своими выхлопами.

Я слез с велосипеда и повёл его в гору. Я почувствовал судорогу в левой голени и пробормотал: «Нет, ничто меня сейчас не остановит. Я доберусь до Катманду, даже если мне придётся нести велосипед на себе. Я не сдамся просто так!»

Когда я достиг вершины холма, в тумане светила луна, а на самом краю горизонта я увидел заснеженные горные пики. Задержав на них взгляд, я взглянул вниз, в долину, открывшуюся передо мной. Там в темноте мерцали огоньки.

«Это Катманду, – сказал я себе, и мои глаза наполнились слезами. – Я здесь. Я достиг своей первой цели».

Об альпинизме и жизни на большой высоте написано немало. В медицинской литературе, так же как и в альпинистских хрониках описывается, как тонка грань между жизнью и смертью в горах. Многие альпинисты-высокогорники, являющиеся абсолютно обычными людьми в нормальной жизни, в горах испытывают необычайные потрясения.

Для меня не было неожиданностью узнать, что на большой высоте мой мозг может повести себя странным образом. На высоте Эвереста, 8848 метров над уровнем моря, количество кислорода в объёме воздуха составляет одну треть от такого же объёма воздуха на уровне моря. Ветры на такой высоте могут достигать скоростей 500 километров в час, а также в сухой атмосфере на горе с каждым вздохом альпинист теряет драгоценную жидкость из своего организма. Даже во время бурана, когда температура может достигать -40 градусов Цельсия, вам нужно потреблять больше жидкости, чем в пустыне Сахара – иногда до 10 литров в день.

На Эвересте палит беспощадное солнце, буквально поджаривая вашу кожу и ослепляя. Возрастает кровяное давление. Альпинист дышит в четыре раза чаще, чем на уровне моря, чтобы необходимое количество кислорода попало в лёгкие, и организм производит гораздо больше эритроцитов, чтобы как можно больше кислорода попало в мозг, сердце и мышцы.

«Гора Эверест существует не только на поверхности Земли, но так же и в сознании людей, – писала журналист Клаудиа Гленн Даулинг в журнале Life. – При восхождении на Эверест альпинист забирается на вершину как физически, так и в духовном смысле».

По мере восхождения, твоё восприятие мира меняется. Эксперименты показывают, что альпинист на высоте 8 тысяч метров понимает услышанную фразу на пятьдесят процентов хуже, чем шестилетний ребёнок на уровне моря. На большой высоте первой жертвой оказывается возможность разумно мыслить.

Отсутствие признаков жизни на горе так же отрицательно влияет на альпинистов. Окружающий пейзаж завораживает и потрясает, но многие чувствуют себя одинокими и ранимыми. Я говорил с одним альпинистом в

Базовом лагере Эвереста, напарник по команде которого в тот момент сидел где-то на горе в ожидании смерти. Надежды на спасение его друга уже не было.

«Смерть от обморожения на горе – это не самое худшее, что может с тобой случиться, – говорил он. – Одиночество – вот что гораздо хуже».

Питер Хабелер, впервые взошедший на Эверест без использования дополнительного кислорода вместе с Рейнхольдом Месснером, писал о легендах, окружающих Эверест, в своей статье под названием "Самые одинокие люди в мире". Согласно одной из легенд, призраки погибших альпинистов бродят где-то на подступах вершине, помогая живым взойти на неё. Хабелер отмечает, что он не верит в призраков, но, по его словам, на больших высотах, где нет признаков жизни, воображение может выкидывать разные фокусы.

Вершина Эвереста находится в верхних слоях тропосферы, или на пороге в стратосферу. Когда альпинисты достигают вершины Эвереста, они поднимаются не только на самую высокую точку Земли, они также проходят тяжелейший психологический тест. Высота Эвереста такова, что подняться на гору практически невозможно без использования дополнительного кислорода. Альпинист Питер Ллойд говорил, что «будь Эверест на 300 метров ниже, он был бы покорён уже в 1924 году, будь он на 300 метров выше, это была бы серьёзная инженерная задача». Выше 8700 метров над уровнем моря человеческая жизнь висит на волоске. Питер Хабелер, описывая своё бескислородное восхождение 8 мая 1978 года, говорит:

«Мы уже достигли высоты, на которой мозговая активность прекращается, или, по крайней мере, существенно снижается. Уменьшились внимательность и сосредоточенность; наши инстинкты не работают, как раньше, утеряна возможность критически мыслить. Я действовал по ощущениям, и мало-помалу приходило понимание того, что эта пугающая гора может быть нашим другом.

Сегодня я понял, что главная опасность на Эвересте заключается в его кажущемся дружелюбии».

Многие альпинисты относятся к горе почти с религиозным благоговением, в особенности шерпы – возможно, что это связано с их постоянным нахождением на большой высоте. Если ты проживает близко к горам в Гималаях, у тебя появляются личные отношения с ними. Ты начинаешь обращаться с ними, как с живыми, они могут становиться как друзьями, так и врагами, в зависимости от погоды и обстоятельств. Каждая гора имеет свои особенности, но даже если мы научимся понимать их в какой-то мере, горы всё ещё останутся непредсказуемыми. Я знаю, что могу общаться с горами. Я могу прислушиваться к их советам и предостережениям, а также понимать знаки воодушевления или опасности, как по своим ощущениям, так и по внешним признакам. Эти смутные признаки и делают из меня настоящего альпиниста и выявляют опасности, которые мне необходимо избегать и принимать верное решение. Я часто думаю, что в горах надо вести себя спокойно, даже кротко. Излишняя самоуверенность и гордость нередко приводит к трагедии на высоте, и даже я испытал нечто подобное при восхождении и почти невероятном спуске на К2.

Когда я прибыл в Катманду, я задался вопросом, как же меня примет Эверест, и также какие альпинисты попробуют свои силы здесь в этом сезоне. Я был первым «Эверестером» в городе, и это мне нравилось. Я заселился в прелестный отель, отдыхал и пировал, сколько влезет, чтобы восполнить утерянный вес за долгое путешествие на велосипеде. Также я прикупил несколько книг и карт; в общем мне нравилось быть туристом. Я гулял по улицам Катманду, улыбаясь и приветствуя людей, и думая о том, что ждёт меня впереди.

Город был таким же, как всегда. Катманду находится в самом сердце Гималаев на высоте 1330 метров над уровнем моря. В городе расположено бесчисленное множество индуистских и буддистских храмов, а также огромное количество небольших магазинчиков и сувенирных лавок. Здесь я чувствовал себя как дома и был рад вновь посетить Обезьяний храм – место, где вокруг ступы, украшенной огромными всевидящими глазами Будды, свободно гуляют дикие обезьяны.

Хотя ещё был конец февраля, я знал, что скоро Катманду будет наводнён альпинистами со всех концов света. Зимние ветра всё ещё делали невозможным восхождение на Эверест, но по мере приближения летнего

муссона, воздушные потоки будут сдвигаться на север, создавая наиболее оптимальные условия для восхождения, обычно в первые две недели мая. Из-за этого к началу марта в Катманду стекаются все экспедиции, идущие на гору в этом сезоне.

Другим фактором, указывающим на скорое приближение альпинистского сезона, было присутствие журналистки из Reuters Элизабет Хаули. Эта женщина пишет об альпинизме из Катманду уже в течение тридцати трёх лет. Ей около шестидесяти лет, она небольшого роста, с седыми волосами, и водит старенький «Фольксваген». При нашей встрече она огорошила меня, сообщив, что в этом сезоне одиннадцать экспедиций получили разрешение на восхождение на Эверест со стороны Непала. Это значит, что в Базовом лагере Эвереста скоро будет невероятно много народа.

«Послезавтра приезжает южноафриканская экспедиция. Их благословил сам Нельсон Мандела. Если у них получится задуманное, то впервые темнокожий человек взойдёт на вершину».

Мы поговорили о Бенуа Шаму, который недавно погиб на Канченджанге. Шаму, известный своими скоростными восхождениями, утверждал, что он покорил все восьмитысячники, кроме Канченджанги, но этот была неправда. В альпинистских кругах поговаривали, что он не дошёл около 10 метров по высоте на вершину Шиша Пангмы.

– С Карлосом то же самое, – сказал я мисс Хаули.

Карлос Карсолио сейчас направлялся на Манаслу, который был по его утверждению последним в списке его восьмитысячников. У меня есть причины считать, что Карлос преувеличивает количество своих восхождений, поскольку он не был на вершине К2. Он входил в состав той словенской экспедиции в 1993 году, членов которой во время шторма признались мне, что не дошли 60 метров до вершины горы. Однако в базовом лагере они стали утверждать, что побывали на вершине.

Когда я это сказал, глаза Элизабет Хаули потемнели. Возможно, она считала, что я завидую, но зачем мне это? У меня есть фото в качестве доказательства о моём восхождении на К2.

Когда она ушла, и я остался в своём номере, то стал размышлять о нашем разговоре. В альпинизме немало обмана, но никто не хочет этого замечать, никто не смеет делать этого. Никто не пишет об этом и не выносит на суд общественности. Люди предпочитают принимать на веру все эти заявления. Что касается меня, то если вдруг на моём соло-восхождении мне потребуется помощь, и я её попрошу – я так об этом и скажу впоследствии. То же самое касается и достижения или не достижения вершины. Я расскажу правду и объясню, что произошло.

С другой стороны, нельзя обвинять альпинистов, исходя только лишь из голословных утверждений, требуются весомые доказательства. Конечно, необходимо разоблачать вопиющие случаи, иначе можно подорвать веру в честных восходителей. Однажды я участвовал в разговоре с двумя известными шведскими альпинистами, имена которых мне не хочется называть. В разговоре они заявили, что достигли вершины Броуд-пика в Пакистане, однако ранее я прочитал в журнале «Climbing and Mountain», что на вершине их не было. Когда я им указал на это несоответствие, они ответили уклончиво: «сложно понять точно, где там эта вершина».

Они знали, так же как и я, что соврали.

Позже один шведский журнал об альпинизме писал: «Альпинисты не поднялись на Броуд-пик».

Незадолго до этого, я встречался с этими альпинистами несколько раз. После статьи в шведском журнале я получил от них письмо, в котором говорилось, что я был одним из тех, кто опозорил их экспедицию. Я написал им свой ответ, но затем мы потеряли контакт друг с другом. Может это звучит грубо, но на горе тебе необходимо целиком и полностью верить своим товарищам, поскольку здесь каждый несёт ответственность не только за себя, но и за других. Если же кто-то врёт о своих прошлых победах, он может подвести и в этот раз, что может привести к трагедии, вот моя точка зрения на этот счёт.

В наше время, к сожалению, огромные расходы на проведение экспедиции негативно сказываются на альпинистах. Нередко они влезают в долги, чтобы отправиться к той или иной вершине, и упоминание неудачи их

мероприятия может привести к отсутствию интереса у общества и, как следствие, недополучению прибыли от лекций и спонсоров по возвращении домой. Как мне кажется, публика должна скорее восхищаться теми, кто в случае опасности повернул назад незадолго до вершины, что говорит о силе духа и разумности действий этих людей. Хороший альпинист должен обладать изрядной долей самообладания, чтобы повернуть назад в виду вершины. Он никогда не забывает, что дорога к вершине – это лишь половина пути. Надо ещё спуститься вниз, а ведь именно на спуске происходит большинство трагедий. Величие альпиниста заключается не в его возможности подняться на вершину с первой попытки, а в возможности принять неудачу и попробовать ещё раз.

Через пару дней я встретил участников экспедиции из ЮАР. Я уже не помню, когда начал за них переживать. Первым, с кем я встретился, был журналист Кен Вернон, но он в любом случае не был силён в альпинизме. Для меня это неудивительно, поскольку большинство репортёров лишь поверхностно разбираются в вещах, с которыми сталкиваются. Кен, тем не менее, был отличным парнем, и мы договорились о сотрудничестве при организации съёмки с вертолёта и некоторыми другими моментами. Вскоре подтянулись и основные члены экспедиции, и не прошло и пяти минут, как они начали рассказывать о своём лидере - Йене Вудалле. Вудалл, по их общему мнению, был «сексистом, расистом, сумасшедшим, лжецом, и в общем и целом, больным ублюдком».

– А ещё он разворовал деньги нашей экспедиции!

– Вы что, не знали его раньше, до приезда сюда? – спросил я, удивлённый их обвинениями в адрес своего руководителя.

– Совершенно не знали. – ответили они. Как оказалось, в этой экспедиции вообще не было знакомых между собой людей.

Изначально в состав экспедиции входили как белые, так и темнокожие альпинисты. Разумеется, эта экспедиция была важным событием для ЮАР. Этот факт, что ранее никто из ЮАР ранее не восходил на Эверест, побудило Нельсона Манделу встретиться с командой перед её отправлением. Благодаря этому, им легко было найти спонсоров, основным из которых была газета

Sunday Times из Йоханнесбурга, также их экспедицию поддержали некоторые крупные южноафриканские компании.

Некоторые люди в экспедиции редко прежде видели снег или лёд. Их попытки хождения по леднику можно было бы назвать забавными, если бы это происходило не в сложных условиях Эвереста. В команде было трое сильных альпинистов, среди которых был Энди де Клерк, но они вскоре вышли из состава экспедиции, протестуя против действий их руководителя, Йена Вудалла.

«Ему нельзя верить ни в чём, – говорил Энди писателю Джону Кракауэру. – Мы никогда не знали, несёт ли он чушь, или говорит серьёзно. Не следует доверять своей жизни такому человеку».

Удивительно, что Йен Вудалл вообще стал главой экспедиции, на которую возлагалось большое значение в плане национального престижа. Говорили, что все жители ЮАР наблюдали за экспедицией с воодушевлением, газеты писали о ней, словно о футбольной команде, направляющейся на чемпионат мира. Несмотря на большое количество проблем в ЮАР, люди доверяли новому правительству, и факт участия национальной команды в покорении Эвереста стал большим событием. Альпинизм – это не тот вид спорта, где команды соревнуются друг с другом, но триумфальное восхождение может привлечь столько же внимания, как и футбольный матч за титул чемпиона мира. Мне кажется, что многие люди испытывают чувство гордости за своих соотечественников, побывавших в ранее недоступных для них местах.

Вудалл проявил инициативу по организации экспедиции, и, возможно, это – единственное, что позволило ему удержать своё лидерство в этом деле, несмотря на череду скандалов, вызванную его ложью и угрозами. Сам он был белым, бывшим армейским офицером, тридцати девяти лет. Он был очень болтлив и любил рассказывать о своём участии в кровопролитном конфликте с Анголой в 1980-х, о его секретных операциях в тылу врага, и о покорении многих восьмитысячников в Гималаях. Так же, по его словам, он командовал подразделением горной оперативной разведки и был инструктором в Королевской военной академии в Сэндхёрсте, в Великобритании.

Ничто из этого не было правдой, как позже напишет Джон Кракауэр в своей книге «В разрежённом воздухе». Вудалл никогда не был за линией фронта в войне против Анголы, а что касается восхождений в Гималаях, Вудалл был клиентом в двух экспедициях в Непале, возглавляемых ветераном Эвереста Мэлом Даффом, одна на Айленд-пик высотой 6189 метров, и вторая – на сравнительно лёгкую Аннапурну (высота 8091 метр). В обеих экспедициях ему не удалось взойти на вершину. Это был весь его опыт восхождений. «Подразделения горной оперативной разведки» в британской армии просто не существует, и Вудалл никогда не был инструктором в Сэндхёрсте. Также он всем врал о составе экспедиции, включённом в разрешение на восхождение на Эверест, выданное непальским правительством, но это отдельная история.

Вудалл был очень заинтересован в наличии в его команде женщины. Кандидаты на место должны были показать себя при восхождении на Килиманджаро (5895 м) в Танзании. Спустя две недели после начала испытаний, в списке осталось две претендентки, Кэти О'Доуд и Дешун Дайсиль. В итоге он объявил, что у обеих женщин равные способности, и обе поедут в Непал, но только лишь одной будет позволено участвовать в восхождении. Кому конкретно, он решит позже.

Кэти О'Доуд была белой, Дешун Дайсиль – темнокожей. Замысел Вудалла казался настолько глупым, что единственным объяснением этому может быть возможная борьба между двумя женщинами за участие в восхождении. Неудивительно, что вскоре возникли новые проблемы. Когда из команды ушёл сильный альпинист Эд Фебруэйри, Дешун Дайсиль осталась единственным темнокожим участником проекта.

Кроме того, она осталась последним легальным участником экспедиции, так как была единственной, кто заплатил Вудаллу 35 тысяч долларов за место в команде. Кроме неё команда состояла из альпинистов-среднячков. Вскоре выяснилось, что фамилии Дайсиль вообще не было в списке разрешения на восхождение. Одно из двух: либо Вудалл вообще не собирался включать Дайсиль в команду, либо он хотел нажить проблем, поскольку восхождение на Эверест без разрешения властей Непала может повлечь серьёзные штрафы.

Как только вокруг экспедиции из ЮАР в прессе начали возникать негативные слухи, Вудалл выгнал из команды репортёра Кена Вернона и фотографа Ричарда Шорта, которых я знал и уважал. Это был необычный шаг, так как работодателем у этих ребят был главный спонсор экспедиции, газета «Sunday Times». Когда редактор «Sunday Times», Кен Оуэн, указал на это Вудаллу, тот, помимо крепких выражений, также угрожал убить Оуэна, и заявлял, что «оторвёт ему голову и засунет в задницу».

Сам Мандела отправил послание Вудаллу с просьбой о примирении, но бывший армейский офицер упорно отказывался. Вопрос о замене руководителя также не рассматривался.

«Я остаюсь», – заявил Вудалл, и южноафриканская команда была не единственной в своей обеспокоенности.

Помимо всего прочего, в их команде было мало людей с опытом, необходимым для восхождения на Эверест. Неопытные альпинисты всегда являются предметом головной боли, и мы вскоре поняли, что Вудалл был не одним таким в команде из ЮАР. Я думаю, что у других альпинистов была такая же сомнительная квалификация, что подтвердилось в тот день, когда мы узнали о возможном решении соперничества между Дайсиль и О'Доуд. Они должны были взойти на скорость на Кала Паттар, небольшую вершину, так называемый «треккинг-пик» неподалёку от Эвереста.

«Победитель идёт на Эверест, – сказал Вудалл. – Проигравший идёт домой».

Пока африканцы были заняты своими интригами, мы узнали, что также на пути к Эвересту находится экспедиция из Тайваня. Эту команду уже однажды пришлось спасать при помощи вертолёт, это произошло на горе Денали (Мак-Кинли) на Аляске, с высоты 5250 метров. Один из членов экспедиции погиб, двое были серьёзно ранены. Тем не менее, руководитель экспедиции, Го Минг-Хо (который был известен под прозвищем Макалу, по имени горы, находящейся рядом с Эверестом) прокричал: «Победа, победа! Мы взойти на вершину!» Словно ничего плохого и не произошло.

Говоря о тайваньской и южноафриканской экспедициях, проводник Роб Холл произнёс: «столько неопытных альпинистов на горе... как бы не

случилось трагедии». К несчастью, его предсказание сбылось, но не в том виде, что он ожидал.

Со своей стороны, я старался быть в стороне от всех этих мелких стычек, и мыслить позитивно. Скоро я пойду на гору, мне осталось дожидаться Фредерика и Ренату. В то же время, я ещё собирался увидеть Эверест сверху. Гордость компании Saab, самолёт «Saab 2000» планировал совершить показательное выступление с облётom гималайских вершин, и я был приглашён на его борт в качестве гостя. Сидя внутри и прыгая вверх и вниз, я вскоре увидел горы Гауризанкар, Менлунгтце и Чо-Ойю, затем показался сам Эверест.

Это было странное чувство. Гора выглядела настолько внушительно и величаво, что я с трудом смог представить себя на её вершине, словно маленькую песчинку. В это время из-за турбулентности выстрелили пробки от шампанского, заготовленного для пассажиров, и все жутко разволновались. Я тоже не остался спокойным, но всё же держал в руках камеру, и пытался запечатлеть гору во время болтанки самолёта. Эверест захотел показать свою мощь.

Третьего марта Рената приехала в Катманду, и на следующий день мы праздновали, точнее, весь Непал праздновал. Это был День Цвета, в память о какой-то давней военной победе. Люди выходили на улицу с кувшинами и корзинами с водой и краской, и хитро поджидая беспечных гуляк, выливали на них содержимое сосудов. Некоторые бросали воздушные шарики с краской, иные стреляли ею из переделанных велосипедных насосов. Нам не хотелось принимать участие во всём этом. Скоро начиналось восхождение, и мы вернулись в номер.

Когда мы зашли внутрь, мы поняли, что безумство на улице сегодня не прекратится. Люди обливали друг друга водой с краской, кричали и веселились. Мы переглянулись, и, решив, что дело может и подождать, набрали стаканы и мусорную корзину водой и вышли на балкон, откуда старались поливать наиболее сухих людей, старающихся спрятаться от этих мокрых игр. Внезапно Рената почувствовала укол в плечо. Оказалось, она случайно задела провод, и получила небольшой электрический разряд.

Убедившись, что ничего серьёзного не произошло, вы вышли на улицу, присоединившись к гуляниям.

На следующий день я отправился на велосипеде из Катманду в Джири, где дорога уже заканчивается и начинается горный ландшафт. Этот последний отрезок пути проходил по густым джунглям, и, наверное, это был самый тяжёлый перегон на всём маршруте из Стокгольма. Фактически, мне пришлось два дня вести велосипед в гору.

Рената приехала в Джири на машине. Мы снова встретились и начали подготовку к походу в Базовый лагерь. Рената наняла носильщиков, а я решил сделать то, что никто прежде не делал: я решил отнести всё своё снаряжение самостоятельно. Экспедиции пятидесятых годов задействовали до двух тысяч носильщиков, и даже в год триумфа Хиллари и Тенцинга, их экспедиции понадобилось тридцать носильщиков только для того, чтобы отнести сундуки с монетами – зарплатой для всех остальных.

У современных экспедиций в этом плане ещё остался дух предшественников. Шведская экспедиция на Эверест 1990 года сделала несколько забросок на самолёте до Луклы (2860 метров), затем они шли с сотнями носильщиков до базового лагеря. В своей книге «Drömmen om Everest» (Мечты об Эвересте), Калле Фросте пишет:

«Конечно, кто-то мог бы возразить против наших перелётов. Некоторые люди сочли бы пеший переход более чем иным и естественным, однако причина в нашей перевозке снаряжения по воздуху проста. Мы сэкономили около десяти дней в каждую сторону, кроме того таким способом мы постарались избежать болезней, которые могли бы подцепить в низменных, более загрязнённых районах. ...Если бы не смогли бы воспользоваться помощью шерпов и их яков, то мы бы достигли Базового лагеря лишь к весне следующего года».

Я вижу это иначе. Если бы целью альпинизма было бы сохранение времени и усилий, то мне достаточно было бы облететь Эверест на самолёте Saab. Но моей целью не было преодоление определённого маршрута в максимально сжатые сроки, я хотел кое-что доказать. Поэтому, оставив велосипед в Джири, я разгрузил велоприцеп, собрав из него три объёма для

переноски снаряжения: два рюкзака – 150 и 80 литров, а также 30-литровую поясную сумку. Всё это я взвалил на себя, добавив сверху верёвки, дуги от палатки, спальник, и остальное снаряжение для восхождения, всего вышло 65 килограмм. Теперь я готов идти в горы!

Позднее я оставил несколько заметок в ноутбуке о том, что происходило со мной в следующие несколько дней и как я себя чувствовал, но бездушная машина украла все мои записи! Компьютер задал мне вопрос: «Хотите ли Вы заменить файл?» Я счёл вопрос странным, так как не подозревал, что машина хочет заменить мои записи чистым листом! Я нажал «Да», и всё, что я писал между Катманду и Лобуче, исчезло, словно туман, унесённый порывом ветра. Пуфф! Прямиком в компьютерный рай.

Конечно, меня это не сильно беспокоило, поскольку в любом случае я никогда не забуду, как преодолевал бесчисленные холмы по дороге к Базовому лагерю. Всё, что мне хотелось – это где-нибудь прилечь. После того, как я закинул на себя рюкзак, мне показалось, что сила притяжения утроилась. Сделав два шага, я остановился. «Это неправда, – подумал я. – Что-то здесь не так, рюкзак не может быть настолько тяжёлым!» Я глубоко вздохнул, понадеявшись, что груз станет легче, если к нему привыкнуть.

Люди вокруг меня громко смеялись. Взъерошенный ребёнок с сопливым носом показывал на меня пальцем. Возможно, он произнес: «Взгляните на этого сумасшедшего!», и я был склонен с ним согласиться.

Внезапно я понял, что никто не верит в меня, даже Рената, хотя я старался держаться уверенно. Позже она сказала мне, что увидела неуверенность в своих глазах, так же как я увидел сомнение в глазах других.

Но я лучше упаду, чем сдамся!

«У меня должно получиться, – пробормотал я и прошёл ещё десять метров до какой-то скамейки. – Надо лишь взяться за дело, и всё получится». Мне не хотелось думать о том, что предстояло подняться на четыре тысячи метров, потом спуститься до двух тысяч, потом снова подняться до трёх восьмисот, спуститься снова и совершить финальный рывок в базовый лагерь на высоту 5300 метров над уровнем моря.

Начался дождь. Густой растительности становилось всё меньше и меньше. Несколько раз мне встречались подвесные мосты, перекинутые через глубокие овраги. Тут ещё росли деревья и трава, ещё слышалось успокаивающее журчание ручейков. Мне еще предстоял долгий путь до первого ледника. Иногда мне удавалось пройти несколько сотен метров за один присест, но затем я падал на землю, у меня всё болело, и я просто лежал, словно мёртвый. Но пейзаж кругом был восхитителен, и я каждый раз заставлял себя думать о чём-то ином, а не о следующем привале. Бедная Рената, он всё время пыталась идти рядом со мной, но люди не могут передвигаться так медленно. Пока я тащился, как улитка, она ходила туда-сюда вокруг меня, или просто сидела, ожидая, пока я покажусь из-за очередного поворота. Благодаря такому неспешному передвижению, ей удалось познакомиться с членами многих экспедиций, направляющихся в Базовый лагерь. Они все проходили мимо нас, поглядывая на меня с изумлением. Вскоре я получил прозвище «Безумный Швед» – «тот идиот, который несёт весь лагерь на своих плечах».

Мне понадобилось двенадцать дней, чтобы достичь Намче-Базара, известную деревню шерпов, расположенную амфитеатром на высоте 3450 метров на склоне холма в верхней части долины Кхумбу. Деревня окружена снежными горными пиками, и здесь проживает несколько сотен семей. Несмотря на свой небольшой размер, эта деревня является важным местом для каждого альпиниста в мире. Почти каждая экспедиция на Эверест со стороны Непала проходит через этот посёлок. Намче-Базар – это столица шерпов, и лучшие носильщики и гиды на Эверест происходят из этих мест.

Пятьсот лет назад народность Шерпа двинулась из восточного Тибета, они пришли в северную часть Непала и поселились в долинах к югу и западу от самой высокой горы в мире. Много позднее они начали выращивать здесь картофель, который сюда завезли британцы в 1850-х годах. К счастью, картофель может произрастать вплоть до высоты 4300 метров. До сих пор шерпы выполняют большое количество работ по переноске грузов, помимо сопровождения альпинистских экспедиций, поскольку дорог здесь нет и в помине. Много народа здесь живёт выше уровня лесов, поэтому им часто приходится ходить вниз, чтобы достать дрова для обогрева своих жилищ. Во

время моего путешествия ночи здесь были довольно холодными, температуры ниже нуля не были редкостью.

Весной многие шерпа из здешних мест живут за счёт альпинистских экспедиций. Каждый год сюда приезжает более десяти тысяч туристов, и многие мужчины из близлежащих деревень идут наниматься к ним носильщиками за 8-9 долларов в день. Туристическая и альпинистская индустрии процветают здесь год от года, и им требуется всё больше топлива. В результате, большое количество леса здесь уже вырублено, местами начинается эрозия почвы, и возникают оползни. Вот вам ещё причины, по которым следует ходить в горы с наименьшими затратами. Люди должны экономно использовать природные ресурсы, а не достигать вершины любой ценой, поддерживаемые сотнями рук помощников.

По западным стандартам, люди народности шерпа в общем бедные и необразованные, однако в Непале они считаются одной из богатейших этнических групп из-за своей высокой работоспособности. Многие шерпы исповедуют буддизм, и скорее обратятся за помощью к своим ламам, чем пойдут на консультацию к врачу. Они живут очень набожной жизнью и с величайшим благоговением относятся к горе Эверест.

Многие шерпы верят, что даже читать глянцевого журнала здесь – это значит бросить вызов горе. Альпинисты или туристы, которые не понимают религиозного значения гор, окружающих долину Кхумбу, могут нажить себе неприятностей среди местного населения. В долине у многих есть родственники или друзья, которые погибли в горах во время экспедиций, и многие шерпы связывают эти трагедии с отсутствием уважения у людей с Запада по отношению к Матери-Богине Мира.

Мы с Ренатой заселились в номер в небольшом отеле на склоне холма в Намче-Базаре. В комнатке была дровяная печь и две лежанки для сна. Оказалось, что экспедиция компании Скотта Фишера «Горное безумие» также разместились в этом отеле, и, когда мы зашли в столовую отеля, мы увидели впервые Её. Она вошла, словно королева. Она носила колготки, шарф и небольшую шляпку, немного прикрывающую её чёрные локоны, на вид ей было около тридцати пяти, она была стройной, и в целом выглядела прекрасно. У Ренаты было такое ощущение, что эта женщина вела себя так,

как будто нас там не было. Она присела около нас и развернула свой спутниковый телефон. У нас тоже с собой был спутниковый телефон, поэтому мы знали, какую опасность представляет его излучение. Мы быстро пересели, но она даже не обратила на это внимания.

– Кто это? – спросили мы.

– Это Сэнди Питтман, – ответил парень из съёмочной группы IMAX, прилетевшей сюда снимать документальный фильм об Эвересте. – Она думает только о деньгах. На её прощальной вечеринке присутствовали Бьянка Джаггер и Кельвин Кляйн. Возможно, в данный момент она передаёт репортаж о своём путешествии в NBC.

Миссис Питтман вела бракоразводный процесс с Бобом Питтманом, продюсером и сооснователем MTV. Ходили слухи, возможно сильно упрощённые, что Боб заявил ей однажды, что она любит горы больше, чем его. За шесть лет до этого, в 1990 году Боб и Сэнди попали на обложку журнала New York под заголовком «Минутное влечение». Говорили, что они летают на своём вертолёте между их особняком в Коннектикуте и их квартирой в Централ Парк Вест на Манхэттене, полной образцами современного искусства и слугами в униформе.

Ранчо в Коннектикуте было подарком Боба Сэнди на её тридцатилетие. Миссис Питтман переделала стену силосной станции в скалодром, а ещё в поместье жили трое шерпов, которые размещались в небольшом домике около особняка. Сэнди объявила, что хочет стать первой женщиной, выполнившей программу «Семь вершин» – восхождение на семь самых высоких пиков на каждом континенте – идея, разработанная и организованная другим мультимиллионером, нефтяным и угольным магнатом из Техаса Диком Бассом.

Басс был первым из сверхбогатых альпинистов. так же, как и норвежский корабельный магнат и альпинист Арне Несс, который взойшёл на Эверест в 1985 году, а через три месяца женился на Дайане Росс. После покорения семи вершин в 1985 году, которые он совершил при помощи профессиональных горных гидов и ветеранов альпинизма, Басс написал книгу под названием «Семь вершин». Когда Питтман заявила, что она не

только повторит его мероприятие, но и напишет свою книгу, то это привлекло огромное внимание прессы. Однако, Эверест дважды не пускал её на свою вершину, не смотря на помощь со стороны лучших гидов Америки. Особенно шерпы запомнили ее попытку в 1993 году, когда Сэнди прибыла в Базовый лагерь вместе с девятилетним сыном Бо и его няней.

Сэнди Хилл Питтман всё же не удалось стать первой американкой, взошедшей на семь вершин. Её обогнала 47-летняя Долли Лефевер. Сэнди не сдалась и предприняла третью попытку в этом году. Она заключила спонсорский контракт с NBC, по которому обязывалась вести репортажи на пути к вершине и публиковать на интернет-странице NBC Interactive Media. Одно из её первых сообщений стало классикой в альпинистских кругах. Перед отправлением в Непал, Питтман написала: «Я никогда не отправлюсь в путешествие без достаточного запаса кофе и моей кофеварки». Определённо, мало о ком из восходителей на Эверест ходило столько сплетен, сколько ходило о Питтман, но, разумеется, не все они были правдивыми. В то же время было доподлинно известно, что она заказала ожерелье из драгоценных камней, чтобы закопать его на вершине Эвереста, если она туда доберётся.

Питтман была членом команды «Горного безумия» под руководством Скотта Фишера. Так же, как и новозеландский гид Роб Холл, Фишер был наиболее уважаемым среди проводников на Эвересте, и только он, помимо Холла, запрашивал с клиентов 65 тысяч долларов за место в команде. Имя Скотта вселяло уверенность в успехе восхождения, хотя он никогда ранее не водил людей на Эверест. За его плечами была всего одна коммерческая экспедиция на восьмитысячник Брод-пик в 1995 году. В то же время его репутация как отличного альпиниста никем не ставилась под сомнение, но так было не всегда.

Фишеру было сорок лет. Он был родом из Сиэтла, и состоял в браке со своей женой, Дженни Прайс, уже 15 лет. У них было двое детей, Энди, 9 лет и Кэти Роуз, 5. Скотт любил горы с детства, и в подростковом возрасте он учился скалолазанию в Национальной школе туризма в горах Wind River, в Вайоминге.

«Я влюбилась в альпиниста, – позже рассказывала Прайс в интервью журналу Life. – Просить его не лазать по горам – это же самое, что попросить не дышать».

Всем было известно, что Скотт был одержим горами, как я, и его ранние экспедиции были необоснованно рискованными, что не очень хорошо сказывалось на его репутации, особенно когда с ним происходили несчастные случаи.

Его товарищ по альпинизму, Дон Петерсон, говорил, что Скотт буквально занимался самоистязанием, нагружая себя сверх меры и испытывая на прочность свой организм. Он стал известен благодаря своей непоколебимой силе воли. Неважно, насколько тяжело ему было, он преодолевал любую боль и двигался дальше.

В восьмидесятых Скотт совершил несколько впечатляющих восхождений, однако ему всё ещё было сложно найти спонсоров для обеспечения своей финансовой независимости с целью продолжения карьеры. Однако ему повезло, вскоре его жена, которую он встретил в 18 лет, получила высокооплачиваемую должность пилота в Alaska Airlines, и, благодаря этому, Скотт начал проводить в горах всё своё время. Тогда же он основал свою туристическую компанию, «Горное Безумие». В начале девяностых, к нему начали относиться по-другому, его репутация дьявола сменилась на уважительную.

В то же время, некоторые принимали его, словно хиппи в бизнесе. Он часто курил, и не пренебрегал виски, что, однако, не помешало ему взойти на Эверест без использования дополнительного кислорода в 1994 году. Та экспедиция, в состав которой он входил, помимо всего прочего, унесла с горы около двух с половиной тонн накопившегося мусора. После этого Фишер стал пользоваться большим спросом. Он начал водить экспедиции, в которых собирал деньги для различных благотворительных фондов. Так, он собрал 500 тысяч долларов для CARE при восхождении на Килиманджаро в Африке; на Аляске при восхождении на Мак-Кинли он собирал деньги в фонд по борьбе со СПИДом.

Но даже этого Скотту было мало. Когда он услышал, сколько Роб Холл зарабатывает в качестве гида на Эвересте, он решил использовать своё имя, чтобы навязать новозеландцу некоторую конкуренцию. Если к нему придёт успех, то он разбогатеет, и сможет снова ходить в самостоятельные экспедиции, которые более всего были ему по душе. С помощью своего партнёра по бизнесу, Карен Дикинсон, он начал набирать команду из известных альпинистов, подобных Сэнди Хилл Питтман. Он обнаружил, что для многих людей 65 тысяч долларов не были настолько большой суммой, чтобы не осуществить мечту о восхождении на Эверест.

В 1996 году у Скотта было восемь клиентов, как и у Роба. Успех нынешней экспедиции должен принести ему несколько сотен тысяч долларов. И в то же время альпинизм отделил Скотта от семьи, он рассказывал, что видит детей реже, чем ему хотелось бы. Я увидел его впервые в Намче-Базаре.

Мы сидели в столовой отеля. Рядом расположилась весёлая компания американцев в ожидании, пока официантка-шерп нас обслужит. Внизу раскинулась долина с уютными каменными и деревянными домами, зелёными квадратами кустарника, а над всем этим господствовал белокаменный пик Конгде-ри. Двое детей играли в мяч во дворе отеля. Внезапно все обернулись. В комнату вошёл мужчина с очерченными чертами лица и длинными белыми волосами, заплетёнными в косичку. Позже один из клиентов Скотта говорил Life: «Скотт выглядел словно кинозвезда, но кинозвёзды становятся известными, подражая таким, как он». Он определённо выглядел сногшибательно, и когда он подошёл, американцы прекратили смеяться и уважительно его поприветствовали. Сперва Скотт сел за их стол, потом подошёл к нам. Он всегда был дружелюбен к другим людям.

«Привет, Йёран! – воскликнул он. – Ты задумал отличное мероприятие. Если бы я был лет на пятнадцать моложе, я бы сделал так же. А теперь, видишь, я уже стар для таких дел».

Скотт понравился мне с самого начала. Казалось, что на него можно положиться в трудную минуту, и я почувствовал, что мы могли бы стать друзьями. На следующее утро его команда направилась к леднику Кхумбу в

Базовый лагерь Эвереста, а я двинул к пику Лобуче. В мои планы входило провести акклиматизацию на этом шеститысячнике, чтобы потом побыстрее пройти самое опасное место на Эвересте – ледопад Кхумбу. Лобуче был известен как «гора для треккинга», тут я мог забраться на 6100 метров, чтобы мой организм привык к такой высоте.

После одного дневного перехода из Намче-Базара вы попадаете в монастырь Тенгбоचे, священное место для всех шерпов. Монастырь, расположенный на вершине зелёного холма на высоте 3867 метров над уровнем моря, стоит в окружении гор Кангтега и Ама Даблам. Там уже производила съёмки своего фильма команда IMAX, возглавляемая известным и уважаемым американским кинорежиссёром и альпинистом Дэвидом Бришерсом. Мой оператор, Фредерик Бломквист тоже был там. В это время монахи-буддисты собирались проводить очередной ритуал. Обычно его проводят в определённый день в году, но за определённое пожертвование дата может быть скорректирована. Итак, они готовились к церемонии, и когда Фредерик сказал, что он тоже хочет запечатлеть это действие, то Бришерс ему возразил: «Мы за это заплатили, а ты – нет».

Имя Дэвида Бришерса хорошо известно как в альпинизме, так и в киноиндустрии. Он снимал эпизоды «Скалолаза» с Сильвестром Сталлоне – голливудской драмы о горах, снимал горы в Китае, Непале, Индии, Пакистане, России и Африке, кроме того он получил пять наград «Эмми». Первый раз он взойшёл на Эверест в 1983 году, и вскоре стал первым американцем, побывавшим на вершине дважды. Всего он побывал в гималайских экспедициях более пятнадцати раз, а в 1986 году он выпустил документальный фильм «Эверест: загадка Мэллори и Ирвина». Теперь, спустя десять лет, он занимался наиболее грандиозным из своих проектов.

Хотя мы заметили, что вся команда IMAX состоит сплошь из высокомерных людей с неограниченными финансовыми возможностями, мы вскоре стали с ними хорошими друзьями. Вспоминая тот случай с монахами, я пришёл к выводу, что со стороны Бришерса это была выходка, возникшая из-за его долгой работы в кинобизнесе. Тем временем я прошёл Тенгбоче и начал своё тренировочное восхождение на Лобуче.

На высоте 5790 метров – я проверял высоту по альтиметру в наручных часах – у меня внезапно заболела голова. Это не было опасно, а скорее означало, что мой организм привыкает к разрежённому воздуху. Девятого апреля я стоял на предвершине Лобуче. Передо мной в утренних лучах солнца сияли Нуптце и Эверест, а расположенная внизу деревня шерпов выглядела, словно измятая шахматная доска. На пути к вершине я добрался до узкого снежного хребта, на который мне пришлось усесться, как на седло. Внезапно правая часть хребта обвалилась, и к счастью, мне удалось удержаться на достаточно тонкой левой половине.

«Чёрт побери! Я собираюсь на Эверест, а не на Лобуче!» – подумал я и повернул назад. Несмотря на то, что я не побывал на вершине, я чувствовал себя отлично на таком разогревочном восхождении.

Через два дня, после завтрака в деревне, я в очередной раз понял, насколько тесен мир альпинизма. Я встретил Даво, сумасшедшего парня, которого я встречал на К2 в 1993 году, тогда он собирался съехать с горы на горных лыжах. Он был очень серьёзно настроен, но тогда он потерял свои лыжи во время схода лавины. На следующий год им с братом удалось на Аннапурне съехать с вершины (8091 метр) без остановки до базового лагеря.

«В этом году, – сказал Даво, – я собираюсь подняться на Эверест, затем по Большому кулуару спуститься вниз на Тибетскую сторону, прямиком к подножию горы».

Большой кулуар – это гигантский овраг с крутыми боками, находящийся на северной стене Эвереста. Часть его всё время находится в тени, где, словно в большом колодце, постоянно накапливается снег для новых лавин. По своей сути, это была очередная попытка совершить что-то невозможное в первый раз.

Рекорды подобного рода нередко ставятся на Эвересте: самый высокий старт для прыжка с парашютом, самое быстрое восхождение, самый молодой альпинист и самый старый, первый норвежец, россиянин, швед, испанец, первая американка, и, наконец, я. Я хотел быть первым человеком, который доберётся до вершины Эвереста из дома, используя только лишь свои силы. Да пребудут со мной боги горы! Многие люди считали, что Эверест потеряет

свою привлекательность после восхождения Хиллари и Тенцинга 29 мая 1953 года. Тем не менее с тех пор людьми придумываются всё новые вызовы для их преодоления, в особенности теми, кто жалеет, что родился слишком поздно для установления новых рекордов. Я думаю, что глубоко внутри у людей есть желание совершать поступки, которые прежде никто не делал, нащупать грань своих возможностей, даже если это кажется безумством тем людям, которые предпочитают спокойствие и безопасность.

Когда я беседовал с Даво, появилось ещё одно знакомое лицо. Стипе!

«Йеран!» – услышал я в ответ. Стипе был участником словенской экспедиции на К2. Тогда он пострадал от снежной слепоты, и я помогал ему на спуске в базовый лагерь. Сегодня мы не говорили о том, взойшли ли словенцы на вершину, как они позже публично заявили; мы были просто рады видеть друг друга.

«Ты знаешь, а ведь Звонко всё ещё в строю! – сказал Стипе. – После К2 он потерял по две фаланги на всех пальцах рук, а также все пальцы ног. А в этом году он хочет найти новый маршрут на Ама Даблам. Мы, альпинисты, никогда не сдаёмся, верно?»

Мы определённо не сдаёмся. Я сделал две ходки, чтобы перенести своё снаряжение и еду из Намче Базара на ледник Кхумбу, и наконец, к Базовому лагерю Эвереста. Последний участок маршрута начался с длинного подъёма. Вскоре я увидел Пумори, которая расположена слева от Базового лагеря, то есть с запада, а с противоположной стороны ледника возвышалась Нуптце. Окружающий пейзаж был засушливым и бесплодным. По тропе шло много шерпов с яками, и то и дело встречались молитвенные буддистские стены «мани», сложенные из камней. Религиозная традиция говорит, что путникам следует обходить вокруг священных буддистских строений (молитвенных стен, храмов или ступ) только по часовой стрелке. Будьте уверены, я только так и делал! Считается, что обход против часовой стрелки может принести беду и разозлить горных богов, а я не мог так рисковать.

Наконец я достиг ледника Кхумбу. Я продолжал идти между одиночных валунов и ледяных башен, неся свой огромный рюкзак. Кругом не было никаких признаков жизни, кроме лишайников на камнях. Местами на

поверхности ледника лежал тонкий слой гравия, на котором я нередко поскользнулся.

«Нет, сейчас никаких травм! Если я тут ещё поранюсь, то для меня всё будет кончено».

Я снова поднимался и двигался так осторожно, как мог. В одном месте мне пришлось обойти вокруг ледникового озера. Наконец с вершины очередного холма я увидел вдалеке большое количество разноцветных пятен. Так после шести месяцев путешествия я достиг Базового лагеря Эвереста, растянувшегося на насыпях каменной морены. Кругом жужжали генераторы. Среди молитвенных флагов, палаток всевозможных форм, размеров и расцветок я увидел знакомые лица и южноафриканские, американские, тайваньские и югославские флаги, трепещущие на ветру.

Я был на месте.

Как и когда началась история самой высокой горы на Земле? Можно сказать определённо, что она зародилась в тот момент, когда в Британии в 1808 году организовали Великое тригонометрическое исследование Индии. Его целью было нанести на карту весь индийский субконтинент. После некоторого времени исследований, учёные пришли к выводу, что вулкан Чимборасо, находящийся в Южной Америке – где спустя много лет я чуть не погиб, скатываясь по сходящему снежному полю во время схода лавины – не является самой высокой вершиной в мире, как считалось в 17 и 18 веках. Ближайшее к небесам место на Земле оказалось в Гималаях, в королевстве Непал. Для измерения высоты гор исследователи использовали устройства, называемые теодолиты, которые тогда были настолько тяжелы и громоздки, что для их переноса требовалась дюжина человек. Нацеливая теодолиты на отдалённые вершины и учитывая искажение света при распространении в атмосфере, учёные записывали измеренные величины и мало-помалу узнавали высоты гималайских пиков.

В 1847 году Джон Армстронг заметил вершину, которую он назвал «Б». Он записал, что она, кажется, выше Канченджанги, которая до этого считалась самой высокой вершиной в регионе. Гору вскоре переименовали в «Пик XV», но только лишь в 1856 году главный британский геодезист в Индии Эндрю Во объявил, что Пик XV является самой высокой вершиной среди измеренных в Индии.

Но как назвать эту гору?

Исследователи всегда давали вершинам местные названия, когда это удавалось обнаружить. Так, Дхаулагири, «Белая гора» и Канченджанга, «Пять сокровищ великих снегов», сохранили оригинальные имена. По поводу Пика XV, Эндрю Во заявлял, что у него нет распространённого названия. Позже выяснилось, что местные жители из разных районов называют эту вершину по-разному. Среди шерпов и народностей Тибета эту гору веками называли Джомолунгма, Мать-богиня мира. Непальцы зовут её Сагарматха. Также в своё время ходило несколько других названий, но ни одно из них не было так распространено, как Джомолунгма. Это указывает не только на то, что местное население относится с почтением к этой горе, но так же на факт

обожествления самой высокой вершины в мире. Название «Джомолунгма» ранее даже использовалось в карте на Западе, изданной в Париже в 1733 году, но Эндрю Во решил, что вершине следует присвоить имя его предшественника, первого Генерального геодезиста Индии, Сэра Джорджа Эвереста.

Ирония заключается в том, что сам Джордж Эверест не очень разделял особое внимание к своей особе, кроме того, он был одним из тех людей, кто боролся за сохранение оригинальных названий гор. Он энергично отказывался от предложения Во, но тщетно. В 1865 году, за год до своей смерти, Сэр Джордж Эверест согласился дать своё имя этой вершине. После этого прошло не так уж много времени, когда британский альпинист Клинтон Дент заявил, что Эверест следует покорить. Он поставил это мероприятие в один ряд с полярными экспедициями, столь популярными в то время. Он был прав; мысли о восхождении на Эверест вскоре завладели умами людей.

Однако политические проблемы создали некоторые сложности в попытках попасть в Тибет и Непал, затем последовала Первая мировая война, поэтому первой экспедиции не удалось отправиться на Эверест ранее 1921 года. Одним из членов экспедиции был Джордж Мэллори, харизматичный человек со склонностью к литературе. После военной службы он устроился на работу школьным учителем, но вскоре посчитал это дело однообразным. Спасение пришло к Мэллори со стороны альпинизма, и он стал первым человеком с Запада, увидевшим Эверест во всём его великолепии.

«Всё, что нам надо было сделать – это выйти за границы карты», – написал он в июне 1921 года, отмечая, таким образом, то, что экспедиция направляется на ранее неизведанную территорию. Они находились в пятидесяти милях от Эвереста, на его северной, Тибетской стороне. Несколько месяцев Мэллори и остальные пешком приближались к горе, сначала идя на север через Сикким и Тибетское плато, затем на запад, в район Эвереста. Теперь они попали в грандиозный ландшафт известняковых скал и глубоких оврагов. На небе появились облака, предвестники муссона, и Мэллори мог только гадать, где находится Эверест.

«Мы рассматривали облака в наши бинокли так сосредоточенно, словно каким-то чудом могли пронзить эту завесу. И тут произошло невероятное,

за дымкой облаков внезапно промелькнул блеск снежной вершины. Перед нами из тумана начал выплывать гигантский горный массив. Очертания гор всегда выглядят причудливо в тумане; эти же были, словно самая дерзкая выдумка Создателя. Постепенно мы начали различать склоны горы, её ледники и скальные выступы, то один кусок, то другой в разрывах облаков, пока высоко в небе, куда не возносилось даже наше воображение, не заблестала снеговая шапка Эвереста».

Я могу понять, что тогда ощутил Мэллори. Это должно было быть просто ошеломляющее чувство. Когда я впервые увидел Эверест после шести месяцев странствия, я заплакал. Стоя на каменистой тропе с огромным рюкзаком за плечами, я бормотал: «Вот он, вот он». Я завидую Мэллори и его товарищам, первыми нашедшими путь к горе, людям, прошедшим по нетронутым цивилизацией местам, и оставившим первые следы человека на северной стороне этого массива. В наши дни на Джомолунгме осталось мало неисследованных мест.

Джордж Мэллори был самой очаровательной и загадочной персоной в истории Эвереста. Во-первых, он восходил на гору без использования дополнительного кислорода, поскольку в то время это была бы неподъёмная ноша. *«Когда я представляю альпиниста, поднимающегося с баллонами за спиной и маской на лице – мне кажется, что здесь теряется весь шарм восхождения»*, – написал он в 1922 году. Однако, всего двумя годами позже, направляясь на вершину с коллегой Эндрю Ирвином, он решил задействовать баллоны с кислородом. Возможно, это и стало фатальной ошибкой. *«Скорее всего, мы пойдём на двух баллонах, но как это чертовски тяжело для лазания по скалам»*, написал он в своей последней записке в дневнике.

Вместе с Ирвином они приближались к вершине. Далеко внизу товарищ по команде Ноэль Оделл видел их, словно две чёрные точки на склоне горы; затем они внезапно исчезли. Ирвина и Мэллори больше никогда не видели. В мае 1999 года исследователи из Америки обнаружили тело Мэллори на высоте 8200 метров на северном хребте Эвереста. Многим людям хочется верить, что пара побывала на вершине за 29 лет до Хиллари и Тенцинга, хотя скорее всего, им это не удалось. Мэллори и Ирвин были первыми европейцами, погибшими на склонах Эвереста. К 1999 году гора забрала приблизительно 160 жизней.

В 1935 году, и затем снова, уже в начале 50-х годов к Эвересту приходил британский альпинист Эрик Шиптон. К себе в команду он нанял долговязого новозеландца Эдмунда Хиллари и могучего шерпу Тенцинга Норгея, чьего сына я позже встретил в опасный момент своего пути. Экспедиция Эрика Шиптона запечатлела серию кадров, на которых изображены отпечатки огромных ног на снегу. 6 декабря 1951 года изображение 33-сантиметрового отпечатка ноги с огромным большим пальцем и выраженной пяточной областью было опубликовано в «Таймс» под заголовком «Следы снежного человека».

Согласно легенде, в горах Тибета обитает человекоподобное существо под названием йети, или «снежный человек», и, как Лох-Несское чудовище, он был запечатлён на нескольких довольно размытых и в целом сомнительных фотографиях. Шиптон в 1951 году привёл убедительные доказательства существования йети, но музей естественной истории в Лондоне посчитал, что это были следы огромной обезьяны. Другие полагали, что это какая-то помесь обезьяны с медведем.

На самом деле у Шиптона было своеобразное чувство юмора. Некоторые утверждали, что в частных беседах он признавался, что на самом деле преподнёс отпечатки козьих копыт, выдавая их за нечто ужасное и доисторическое. Много лет спустя мы с Фредериком Блумквистом в Катманду намеревались проверить что-то подобное. Мы собирались вырезать огромные ступни из фанеры, прикрепить их к своим ботинкам и отправиться на прогулку по местным склонам. Мы считали, что будет обидно, если истории о снежном человеке канут в лету. К сожалению, нам не удалось осуществить задуманное.

Как бы то ни было, после долгих дискуссий и обсуждений, вместо Эрика Шиптона британскую экспедицию на Эверест 1953 года стал возглавлять Джон Хант. Утром 29 мая 1953 года Хант с нетерпением ожидал известий от альпинистов Хиллари и Тенцинга, отправившихся на штурм вершины. У подножия горы казалось, что наверху стоит отличная погода. На самом деле, там свирепствовал сильный ветер, и, когда Эдмунд Хиллари снял свои защитные очки, он тут же временно ослеп от ярко-белого снега вокруг.

К удивлению Хиллари, ему нравилось восхождение. Так продолжалось вплоть до Южной вершины, пока ситуация не стала угрожающей всему восхождению. Снег стал очень мягким, и если бы один из двойки восходителей оступился и упал, то второй не мог бы предотвратить падение, даже задерживаясь ледорубом. Также существовал риск быть сметённым снежной лавиной. «У меня внутри всё сжалось от страха», – вспоминал позднее Хиллари.

Тенцинг шёл следом за Хиллари. В своих защитных очках и с кислородными масками, они оба напоминали по внешнему виду персонажей из фантастических книг. Хиллари спросил у Тенцинга, что он думает о восхождении:

– Очень плохо, очень опасно! – ответил Тенцинг.

– Думаешь, нам стоит продолжать?

– Как хочешь.

Они продолжили восхождение, уже совершенно обессиленными вышли на более твёрдый снег. Вскоре они достигли основания каменного выступа, который позже назовут Ступенью Хиллари. На пределе своих сил они влезли на 12-метровый скальный выступ и там лежали на снегу, тяжело дыша. Но пути назад уже не было. Они продолжили путь к вершине, которой всё никак не было видно. Внезапно гребень, по которому они шли, начал склоняться вниз, перед ними предстал гористый ландшафт Тибета к северу от Эвереста. Хиллари позднее написал:

«Моим первым чувством было облегчение, что эта изнурительная работа наконец закончена, что мы поднялись на вершину до того, как закончатся наши запасы кислорода.» Но это было не только чувство облегчения. *«Я слишком устал, а впереди ещё был длинный путь вниз, поэтому не было какого-то особенного чувства восторга.»* Прошло некоторое время, прежде чем к нему пришло чувство удовлетворения содеянным.

Хиллари пожал руку Тенцингу, и они обнялись. Альпинисты постояли некоторое время, обнявшись, на самой высокой точке Земли, словно защищая друг друга от холода.

Затем Хиллари сделал серию снимков своего компаньона. На них Тенцинг стоит в тёмно-синей куртке, высоко над головой держа свой ледоруб, его лицо полностью закрыто кислородной маской. Одна его нога согнута, как будто он растягивается, небо кругом черно. Снег метёт вокруг его ботинок. Эта фотография стала классикой. Интересно, что фотографий самого Хиллари на вершине нет. «Тенцинг не знал, как пользоваться фотоаппаратом, а учить его там было не самым подходящим местом», – позднее объяснял Хиллари.

Тенцинг сделал углубление и положил туда дольку шоколада, словно делая подношение богу горы. Хиллари положил туда же небольшое распятие, которое ему дал с собой для этой цели Джон Хант. Это были первые вещи, оставленные людьми на вершине Эвереста. Спустя десятилетия их станет там гораздо больше.

Никто из экспедиции ещё не знал о судьбе Хиллари и Тенцинга. Радиосвязи не было, а видимый сигнал было невозможно подать из-за сгущающихся облаков и надвигающегося шторма. Только лишь на следующий день, спустившись к своим друзьям в лагерь 4, они сообщили о своей победе. Корреспондент газеты «Таймс» Джеймс Моррис, как только узнал новость, спустился в Базовый лагерь и отправил гонца с закодированным сообщением в Намче-Базар. Оттуда сообщение было передано по телеграфу через Катманду в Лондон и, спустя трое суток, в день коронации королевы Елизаветы, пресса выстрелила новостью о покорении «третьего полюса». Внимание к альпинистам было сумасшедшим – Эдмунда Хиллари посвятили в рыцари, Тенцинг Норгей стал национальным героем для всей Азии. В 50-х годах новость о покорении Эвереста была столь же грандиозной, как и высадка человека на Луне спустя некоторое время.

С тех пор тысячи людей тратили огромные суммы денег и рисковали своими жизнями только лишь для того, чтобы взойти на Эверест. Многие из этих людей сравнивали себя с Хиллари и Тенцингом, хотя сами шли по изведанному ранее пути. Первые восходители на Эвересте испытывали страх

перед неизвестностью, не зная, что ожидает их на вершине. Начиная с 1985 года, многие стали пользоваться услугами гидов, которые буквально затаскивали своих клиентов на вершину. Однако находились и смельчаки, открывавшие новые маршруты на вершину с северной, западной и восточной стороны, а также находившие новые способы восхождения. Наиболее впечатляющим стало восхождение Рейнхольда Месснера, когда он в одиночку достиг вершины Эвереста 20 августа 1980 года без использования дополнительного кислорода. Это была эпоха Месснера на Эвересте.

«Не было никакого чувства облегчения, когда я достиг вершины», – позже написал он. «Я абсолютно измотан. Тем не менее, в этой пустоте словно заряжаешься дополнительной энергией... На остановках приходит ощущение регенерации, восстановления сил».

Когда в 1978 году Месснер и Питер Хабелер взойшли на Эверест без дополнительного кислорода, многим это показалось неправдой. Ходили даже слухи, что они вдыхали кислород из небольших бутылочек, взятых с собой. Наиболее подозрительными к заявлениям альпинистов были шерпы из долины Кхумбу. Они не хотели верить, что простой человек может взойти на вершину Эвереста, если даже они, жители гор, не в состоянии сделать этого. Триумф Месснера в 1980 году ещё раз подтвердил возможность восхождения на Эверест без использования дополнительного кислорода.

Как я говорил ранее, я хотел совершить следующий шаг в покорении Эвереста. Я хотел сделать абсолютно всё в одиночку от начала до конца, от моего дома в Швеции до вершины горы. Когда я прибыл в Базовый лагерь, там было много людей, провизии, и снаряжения, но я предпочитал действовать в одиночку настолько, насколько это было возможно. Я ел только ту сублимированную пищу, которую привёз на велосипеде из Швеции, а затем принёс в Базовый лагерь. Я никому не разрешал готовить еду для себя, хотя Рената, Фредерик, Турбьёрн – мой бухгалтер и Магнус «Юлле» Роман – все они жили неподалёку от меня, вместе со своими поварами и шерпами.

Задача Юлле была сфотографировать меня с самолёта в момент моего нахождения на вершине Эвереста. Это было недешёвое дело, а также многие считали, что это нарушает мой принцип сделать всё самостоятельно. Я же

считал, что фотографии никоим образом не могут помочь мне в восхождении, но, с другой стороны, они послужат неоспоримым доказательством достижения вершины. Я не хотел, чтобы меня обвиняли во лжи. С одной стороны, я не испытывал особого давления при организации своего путешествия, однако большинство людей было уверено в том, что мне удастся задуманное, что я не достигну вершины. Пока я ехал на велосипеде в Непал, все это как будто осталось в прошлом, теперь же, однако, все сомнения, высказанные в мой адрес, снова начали всплывать в моей памяти.

Мне нравилась жизнь в базовом лагере. Здесь я встретил старых друзей, завёл новых, а также здесь было много весёлых персонажей. Мы жили между экспедицией Мэла Даффа и группой солдат из Сербии и Македонии. В Базовом лагере поговаривали, что это были сбежавшие военные преступники, которые нашли прибежище здесь, на краю земли. Или же, что они были признаны сумасшедшими и отправлены в изгнание на Эверест. Как бы то ни было, они умели устраивать вечеринки и часто пели песни своей компанией.

Однажды Рената проходила мимо их палаток. Она искала Шарлотту Нобле, странную женщину из ЮАР, которая часто заходила к нам, но сегодня её нигде не было видно. Было уже темно, и из палатки солдат доносились звуки вечеринки. Рената осторожно расстегнула молнию палатки и заглянула внутрь. Там сидело пятнадцать мужчин. Вокруг были разбросаны бутылки, различный мусор и игральные карты. Все мужчины, улыбнувшись, посмотрели на неё.

– Добрый вечер! – сказала Рената. – Вы не видели Шарлотту?

Мужчины зашумели в ответ:

– Заходи в гости! Выпей с нами пива!

Они очень страдали от недостатка женщин, и красивая молодая женщина, как Рената, была для них словно ангел во плоти. Рената же не была заинтересована в вечеринке, попрощалась с ними и ушла.

Женщины, которые хотели завести романтические отношения в Базовом лагере Эвереста, не испытывали с этим проблем. Например, там была одна женщина, муж которой погиб за год до этого на соседней горе Пумори.

Путешествие в Базовый лагерь было частью её траурной церемонии. Она не была первой, кто приезжал сюда с подобной целью. После пропажи Питера Бордмана и Джо Таскера во время восхождения по северо-восточному гребню Эвереста осенью 1982 года, Хиллари Бордман и Мария Коффи пришли сюда, чтобы смириться со смертью своих любимых. Коффи писала позже, что когда она покидала гору, она чувствовала себя *«спокойной, почти счастливой... Это отличное место для встречи с вечностью»*.

Женщина, которая на этот раз приехала сюда искать утешения, в некотором роде нашла его здесь. Вскоре у неё на горизонте появился настоящий блондин-супермен, русский альпинист Анатолий Букреев. Женщина вскоре поселилась у него в палатке и выходила из неё каждое утро в бодром расположении духа, что очень сильно беспокоило шерпов.

Букреев был одним из гидов-помощников Скотта Фишера, вторым был Нил Бейдлман. Букреев считался сильным и технически грамотным альпинистом, но у него за плечами была другая школа скалолазания, отличная от той, которой придерживался Скотт Фишер, и, в особенности, Роб Холл.

Как ни цинично это бы не звучало, но опыт восхождений некоторых из клиентов Скотта и Роба заключался в подъёме по лестницам в их офисных зданиях или в тренировках на тренажёре «Stairmaster». Некоторые из них посещали горные вершины с туристическими целями во время коктейльных вечеринок. Для таких людей Роб и Скотт становились, по сути, няньками на Эвересте, им за это платили деньги. Анатолий, со своей стороны был приверженцем восточноевропейских традиций альпинизма, где гид – это был просто гид, а не нянька.

«Если клиент не может подняться без постоянной помощи со стороны гида – ему не следует быть в подобном месте», – говорил Анатолий.

Скотт читал, что Анатолий слишком равнодушно относился к клиентам. Скотт платил ему 25 тысяч долларов за его работу и считал, что он может ожидать большей отдачи от русского. В результате, между ними было постоянное недопонимание друг друга.

Также в Базовом лагере жила команда из ЮАР. Они обнесли свой палаточный лагерь невысокой каменной стеной, превратив его, как мы называли между собой, в «психиатрическую палату». Я оказался косвенно вовлечён в их драматическое пребывание здесь, когда поделился палаткой с журналистами, выгнанными из команды Йеном Вудаллом. Также я помогал их альпинистам в тренировках на леднике, поскольку у них не было в этом практически никакого опыта. Один из них не знал даже, как закрепить свой ледоруб на рюкзаке, другой поскользнулся на льду и при падении потерял сознание. В общем, из команды ЮАР выходили ещё те покорители Эвереста.

В целом, Базовый лагерь был довольно странным местом. Здесь на заваленной щебнем морене ледника Кхумбу расположилось более сотни палаток команд со всего мира. Временами из Намче-Базара приходили шерпы и продавали Кока-колу по семь долларов за бутылку. Люди постоянно слонялись без особого дела, ходили друг к другу в гости, устраивали вечеринки и планировали свои приключения. Это было, без сомнения, мирное, почти идиллическое место.

Во время одной из первых ночей в Базовом лагере для нас была проведена специальная буддийская церемония благословления на восхождение. Причём в данной ситуации это была не только дань местным традициям, но сама необходимость, поскольку без этой церемонии шерпы не пойдут на восхождение. Церемония благословления, или «пуджа», основана на различного рода местных суевериях. С этим было связано неприятное происшествие, произошедшее на ледопаде в начале этого сезона восхождения. Трое шерпов из экспедиции Мэла Даффа, один из которых ещё не проходил эту церемонию, прокладывали путь через ледопад. При пересечении снежного моста над одной из трещин, двое шерпов, ранее участвовавших в «пудже», благополучно преодолели его, в то время как под весом третьего шерпы мост обрушился. Шерпа пролетел 5 метров вниз и сломал себе бедро. Шерпы тут же заявили, что это был явный знак от лица Горы, что пострадал именно этот шерпа. Нельзя спорить с Горой и сомневаться в её могуществе.

Наш ритуал проходил вокруг ступы – каменного сооружения с торчащей посередине трёхметровой деревянной палкой. С верхнего конца палки были натянуты 4 нити во всех направлениях, другие концы которых были закреплены на земле. По всей длине нитей сверху донизу были размещены разноцветные буддийские молитвенные флажки. Когда эти флажки хлопали на ветру, вместе с ними ветром разносились молитвы во имя Джомолунгмы.

Старый и лысый лама сложил ладони и, покачиваясь назад и вперёд, таинственным голосом произносил молитву. Затем он молча поднялся. Зажгли огонь, тёмный дым окутал нас, а затем мы бросали горсти риса и муки в нашу ступу. После этого мы съели по горсти орехов, небольшую статую Будды из сахара и масла, а также выпили по ложке пива. Я разделил эту трапезу со всеми, к моему сожалению, хоть это и не было привезено мной из дома – это был моё небольшое отступление от правил, совершённое во имя бога горы.

Анг Рита также присутствовал на этой церемонии, его темные глаза на красно-коричневом лице внимательно следили за нами. Это был человек

невысокого роста, с самым тёмным загаром, который мне доводилось встречать.

«Многие люди спрашивают, как выглядит Анг Рита? Они представляют меня, как большого, сильного, успешного человека», – рассказывал он в интервью Венди Бревер Лама. «Однако при встрече со мной они понимают, что я обычный человек. Я ношу простую футболку, живу в старом доме из камня, а ещё я никогда не ходил в школу».

Тем не менее, Анг Рита обладает почти всеми заслугами, которые можно получить в Непале. Он заработал немало денег, часть из которых, сказать по правде, было спущено на алкоголь. Он очень часто ходил, пошатываясь, в Намче-Базаре, но люди знали, что этот человек заслужил свою выпивку. В долине Кхумбу Анг Рита был королём. Он родился неподалёку отсюда, около старинного торгового пути в Тибет. Его семья выращивала картофель, но с тех пор, как земледелие больше не могло прокормить семью, он стал работать носильщиком в различных горных экспедициях.

«Так как у меня не было образования, я не мог найти другой работы; в горах не очень дел, за которые можно получить деньги... Я знал, что альпинизм – дело опасное, но у меня не было другого выбора. Многие говорили мне, что однажды я не вернусь назад».

7 мая 1983 года он впервые поднялся на вершину Эвереста в составе американской экспедиции. 15 октября 1984 года он поднялся снова, в ужасную погоду, в этот раз совместно с чехословацкой командой. У чехов было мало денег для оплаты его услуг, и он поднимался на гору в обычной куртке без утеплителя. Это чудо, что он вообще выжил. К 1996 году Анг Рита побывал на вершине Эвереста уже девять раз, что гораздо больше, чем кто бы то ни было другой, причём каждый раз он делал это без использования дополнительного кислорода. И это его непревзойдённое достижение, в его-то 57 лет, не слишком молодой возраст для альпиниста.

«Но что мне ещё остаётся делать? – говорит он. – Все твердят мне «остановись», но у меня четверо детей, и я хочу, чтобы у них был шанс пойти в школу. Я буду продолжать ходить в горы так долго, как смогу. Может быть, я умру там, и буду похоронен на небесах».

Я слышал прежде об Анг Рите и незадолго до своего выезда связался с ним с просьбой присоединиться к моей группе поддержки. Мне самому не требовались шерпы, но они бы оченьгодились моему оператору Фредерику, и ещё я подумал, что неплохо бы заиметь к себе в команду такого легендарного человека для поднятия престижа моего мероприятия. Анг Рита принял моё предложение. Он оценил свои услуги в 30 долларов за день, что довольно много для оплаты работы сирдара – главы носильщиков, однако Анг Рита стоил этих денег. Теперь он помогает нам в освящении нашего альпинистского снаряжения. Он говорит нам бросать рис на наше снаряжение, и мы серьёзно относимся к этой части ритуала. Напоследок нам повязывают на шеи небольшие белые шарфы, которые должны приносить удачу на горе. Я бросаю взгляд на ледопад, его лабиринт из ледяных башен и трещин чётко просматривается из Базового лагеря.

«Завтра я отправляюсь в этот ад», – подумал я.

Наступило 15 апреля, я собираюсь пройти ледопад без использования веревок и лестниц, установленных другими людьми. Я проделаю эту часть пути самостоятельно. Сперва я призадумался, стоило ли мне подвергать себя такому необоснованному риску, но затем в моей памяти вновь всплыло лицо женщины-репортёра из шведской газеты, и я решил не оставлять ей ни единого шанса для моей критики. Я был уверен, что я справлюсь с этим сложным участком восхождения. После церемонии я подошёл к Анг Рите в боевом расположении духа и поблагодарил его.

– Теперь предстоит тяжёлая работа! – сказал он.

– Каково состояние ледопада в этом году? – спросил я у него.

– Очень беспокойное, – улыбаясь, ответил он, словно речь шла о живом существе.

Я поклонился и отошёл. Яркое светило солнце. В эти дни в Базовом лагере стояла тёплая погода. Я увидел маленькую птичку, сидевшую на камне – единственное дикое животное, забравшееся так высоко. Здесь, на высоте 5400 метров над уровнем моря только люди являются единственными существами, пришедшими сюда по своей воле. Даже козлы и снежные леопарды не поднимаются выше пяти тысяч метров.

Бродя по лагерю, я встречал тех, кого я знал, и тех, кто был наслышан о моём проекте. Тут был Вейкка Густафссон из Финляндии – скандинав, покоривший больше всего восьмитысячников; Лин Гаммельгаард – прекрасная датчанка, которая хотела стать первой женщиной из Скандинавии, взошедшей на Эверест; Мэл Дафф – ветеран из Шотландии, едва не погибший здесь при восхождении в 1985 году. Дафф ходил по Базовому лагерю, собирая с каждой экспедиции по 2200 долларов за установку маршрута через Ледопад. Многим людям это не нравилось. Позже я узнал, что, начиная с 1988 года, это стало обычной практикой – собирать с других деньги за потраченное тобой время при прокладывании наиболее безопасного маршрута через Ледопад.

Тогда же Роб Холл заявлял, что это противоречит идеям альпинизма. Однако вскоре он изменил своё мнение, и когда он помогал прокладывать этот маршрут несколькими годами позже, он не пренебрегал этой практикой. Это было очередным доказательством, что Эверест был не только горой, но также средством ведения бизнеса.

«Я не пойду по вашему маршруту», – сказал я Мэлу, когда он остановился около меня. Он посмотрел на меня с изумлением. Тем не менее, я заплатил ему требуемую сумму, поскольку Фредерик пойдёт этим путём. Я был единственным, кто будет проходить через ледопад совершенно иначе, нежели остальные альпинисты. Многие люди предостерегали меня от этого выбора, и я понимаю их озабоченность. Разумеется, по их мнению, я выбирал более опасный вариант маршрута.

Ледопад на Эвересте – это довольно известное труднопроходимое и очень опасное место в самом начале подъёма на вершину. Эту массивное скопление льда можно видеть прямо из Базового лагеря, да и слышать к тому же. В ледопаде постоянно происходит движение огромных массивов льда и снега, которые наталкиваются друг на друга со звуками, иногда похожими на выстрелы. Ледопад постоянно рычит и трещит, в нём постоянно образуются новые трещины, закрываются старые, а когда на него обрушивается очередная лавина, всё внутри перемешивается в невообразимый хаос. Ледопад часто ведёт себя, словно живой организм, подвижный, непредсказуемый, постоянно меняющийся и очень опасный.

Когда Джордж Мэллори впервые увидел ледопад Кхумбу 19 июля 1921 года, он написал в дневнике, что ледник в этом месте представляется «ужасно крутым и разорванным». Он полагал, что через него пройти невозможно, однако он ошибался. В наши дни девяносто процентов всех восходителей на Эверест проходят через Ледопад на своём пути к вершине, но он оставляет на каждого абсолютно неизгладимое впечатление. За все года восхождения на Эверест при прохождении Ледопада погибло 18 человек. Я долго изучал состояние Ледопада в этом сезоне, и не могу сказать, что мой маршрут был опаснее, чем любой другой, кроме того, что это был новый маршрут.

Прогуливаясь по Базовому лагерю и размышляя о прохождении Ледопада, я столкнулся с Робом Холлом. Роб носил белую кепку и выделялся среди всех массивной чёрной бородой. Он был вежлив и расслаблен, как и полагает быть авторитетному человеку вроде него. Мне кажется, что тогда он был в отличной форме. Мы пожелали друг другу удачи, и он поблагодарил меня за возможность членам его группы вписаться в моё разрешение на восхождение. В одно разрешение, стоившее 50 тысяч долларов, можно было вписать семь человек, поэтому я продал по 10 тысяч долларов пустующие места в моём разрешении трём людям из экспедиции Роба Холла, среди которых были Лу Касишке – адвокат из Мичигана, и Даг Хансен – почтальон из Вашингтона. Даг был одним из немногих клиентов из Америки, у кого не было престижной, высокооплачиваемой работы. Он работал круглые сутки, и вдобавок занял денег, чтобы добраться сюда. Также в моё разрешение вписались два испанца, братья Хесус и Хосе Антонио.

Палатки экспедиции Роба Холла составляли своеобразный мозговой центр всего Базового лагеря. У них имелись в наличии спутниковые тарелки, большой склад вина, музыкальный центр, небольшая библиотека, фонари, заряжающиеся от солнечных батарей, все разновидности телефонов, и даже отдельный шатёр для проведения собраний. И над всем этим находился сам Роб, который подчёркивал весь статус экспедиции. Он взошёл на Эверест четыре раза, больше кого бы то ни было с Запада.

Роб родился в 1961 году в Крайстчёрче, в Новой Зеландии, девятым ребёнком в семье. Его соотечественником был знаменитый Эдмунд Хиллари, и Роб дружил с его сыном, Питером Хиллари.

Семья Холлов исповедовала католичество и была сравнительно бедной. Роб ушёл из школы в 14 лет, несмотря на хорошую успеваемость и аналитический склад ума. Он не сразу стал заниматься альпинизмом; сперва он разрабатывал и производил рюкзаки, палатки и одежду для восхождений. Будучи ещё подростком, он устроился на работу в компанию Alp Sport на должность дизайнера. Когда там оценили его организаторские способности, то он получил повышение и стал менеджером по производству.

В 19 лет он впервые приехал в Непал и взойёл на прекрасную вершину Ама Даблам (6812 метров). В последующие несколько лет он продолжал работать на Alp Sports, но также начал работать в качестве гида на восхождениях, даже возглавляя научные экспедиции в Антарктиду. Иногда он ходил в горы со своими земляками Гэри Боллом и Питером Хиллари. 10 мая 1990 года – день, который Роб запомнил навсегда – они втроём в первый раз стояли на вершине Эвереста, откуда вышли в прямой эфир новозеландского радио и приняли поздравления от премьер-министра Джеффри Палмера. Питер Хиллари также поговорил со своим отцом по спутниковому телефону.

В этом же году Роб и Гэри выполнили программу «Семь Вершин» – семь высочайших пиков на каждом из континентов в семимесячный период. Это было грандиозное мероприятие, завершившееся восхождением на массив Винсон в Антарктиде 12 декабря 1990 года. В том же году Роб был награждён медалью в Новой Зеландии. Годом ранее он получил грамоту от Гималайской ассоциации спасателей. Основанная Робом и Гэри туристическая компания «Консультанты по приключениям» исповедовала принцип «анти-элитности».

«Горы принадлежат каждому» – такова была основная философия их компании, и с тех пор Роб заявлял, что ему по силам поднять на вершину Эвереста любого относительно тренированного человека. Его статистика была впечатляющей. В своей брошюре Роб и Гэри написали:

«Обладая опытом в претворении мечты в реальность, мы будем работать вместе с Вами над достижением вашей цели. Мы не собираемся втаскивать вас на вершину – Вы должны будете сделать это самостоятельно – но мы гарантируем максимальную безопасность в достижении успеха в Вашем приключении».

В 1992 году они подняли шестерых клиентов на вершину Эвереста, и в 1993 году семерых. В том же году с критикой коммерциализации восхождений на Эверест выступил Эдмунд Хиллари, который является таким же национальным достоянием в Новой Зеландии, как король в Швеции. Если тебя критикует такой человек, как Хиллари, особенно если ты являешься альпинистом – это ранит больно. В октябре 1993 года Роб Холл вдобавок потерял Гэри Болла, его ближайшего друга и партнёра по бизнесу. На самом деле предпосылки к этому возникли годом ранее при восхождении двойки на К2. Уже на высоте у Гэри начался отёк мозга, он мог с трудом передвигаться. Разразилась ужасная буря, и пока Роб отчаянно боролся за жизнь своего друга, мимо их лагеря проходил, как это ни странно, Скотт Фишер, спускающийся с К2. В компании Чарли Мэйса и Эда Вистурса (нынче ставшего приглашённой звездой в команду IMAX) им удалось спустить Гэри к подножию горы и таким образом, спасти ему жизнь.

Произошедшее было явным признаком того, что с организмом Гэри что-то не в порядке, что ему не стоит больше находиться на большой высоте. Но уже на следующий год, при попытке покорить шестой по высоте восьмитысячник, Дхаулагири (8160 метров) во время подъёма Гэри внезапно упал. Вскоре он умер от отёка мозга на руках Роба.

Роб сделал так, как поступили многие другие альпинисты, включая меня в данной ситуации. Он продолжал заниматься альпинизмом, продолжал водить туры на Эверест. Как самый известный и опытный проводник, он запрашивал за свои услуги большую сумму, и хотя другие гиды брали всего треть от цены Холла, тем не менее, он был самым популярным.

В 1995 году дела пошли не так хорошо, как раньше. Неподальёку от вершины Эвереста обстоятельства вынудили его повернуть группу назад, хотя погода была отличная, и клиенты упрашивали его идти дальше. Было слишком поздно, объяснял им Роб. Если бы они пошли дальше наверх, то не успели бы спуститься обратно в лагерь до темноты и застряли бы на ночь на горе. Он сказал всем спускаться.

Это было мудрое решение, но оно стало давить на него. Было нелегко сказать «нет» клиентам, отдавшим 65 тысяч долларов за исполнение своей мечты – даже если ты Роб Холл. Может быть, это стало одной из причин,

почему он уговорил почтальона Дага Хансена, который был с ним в прошлом году, попробовать второй раз подняться на вершину?

– В этом году, – обещал Роб Дагу, – ты будешь на этой вершине.

Я проснулся в 4:30 утра. Эта ночь была теплее, чем обычно. Сидя в палатке, я наполнил термос горячим шоколадом, затем положил в рюкзак пачку крекеров и декстрозу. Настало время – нет, не для штурма вершины, пока ещё нет. Для начала мне надо акклиматизироваться и установить палаточные лагерь по пути подъёма, а муссону следует увести свои ветры подальше от горы, прежде чем наступит время финального рывка. Сегодня я собирался проложить собственный маршрут через Ледопад.

В Базовом лагере всё было тихо. Единственными различимыми здесь звуками был треск, доносящийся с ледника, да завывание ветра среди палаток. Я встретился с испанцами Хесусом и Хосе Антонио, и мы вместе дошли до начала Ледопада. Там мы разделились: испанцы пошли стандартным маршрутом, а я взял левее, туда, где ещё никто не ходил.

«Я покажу ей, – думал я. – Я покажу её чёртовой газетёнке».

Наверно было странно в тот момент думать о таких вещах, но год назад та же газета «Expressen» уже выступала с критикой в мой адрес. «Предупреждение о курсах Кроппа по дельтапланеризму» – так звучал заголовок, в статье же совершенно необоснованно указывалось, что мой курс ужасного качества, да и к тому же невероятно опасен. Репортёр из «Expressen», которая ещё в Стокгольме спрашивала меня об этичности моего «одиночного» путешествия, заявила, что всё будет впустую, если я при прохождении Ледопада воспользуюсь чужими верёвками и лестницами. Во время поездки по Европе и Азии у меня было достаточно времени обдумать мой маршрут на горе, и я решил, что всё пройду самостоятельно, даже Ледопад.

Первый отрезок пути вверх по ущелью, усеянному снежными башнями и валунами, на первый взгляд выглядел опасным. Я скорым шагом домчался до скального выступа, дававшего мне хоть какую-то защиту от возможного схода лавины. Я прижался к камням, затем быстро достал ледорубы из рюкзака. Забравшись по вертикальной стенке, я достиг места, сплошь покрытого камнями и ледяными глыбами, как будто здесь недавно проходила битва ледяных гигантов.

Стояло раннее утро. В середине дня, когда солнце печёт особенно жарко, здесь часто ломаются ледяные глыбы, а также бывают сходы лавин из-за повышения температуры. На рассвете же ледолазание проходит в менее напряжённой обстановке, но всё еще представляет собой опасность. Ледник движется вниз по склону всё время, его пейзаж постоянно меняется, и ты никогда не проходишь по одному и тому же Ледопаду дважды. Обрушение льда возможно и ранним утром, и снежные мосты могут провалиться под тобой в любой момент. Я осторожно забрался по скалам, перепрыгнул через несколько ледяных глыб и прошёл по хрупкому снежному мосту. В отдалении я увидел группу людей, только что начавших свою борьбу с Ледопадом.

Странными же вещами занимаются здесь люди!

Неподалёку я увидел Фредерика в сопровождении Анг Риты, снимающего меня через телеобъектив. Затем появился третий человек, и это был Роб Холл. Фредерик ему что-то сказал, возможно, о моём появлении на горизонте, потому что затем Роб прокричал «Ты просто сумасшедший!»

Может я и был таковым, но, тем не менее, я нашёл новую дорогу через Ледопад. Когда я добрался до верхнего участка ледопада, а затем и до Западного Цирка, или, иначе, Долины Молчания, то я словно очутился в ином, безопасном мире. Кругом простиралось сплошное снежное поле с минимальным уклоном, а виды кругом были прекрасны и величественны, как внизу, так и наверху. Я присел отдохнуть, и, гордый собой, налил чашечку горячего шоколада. Я был на высоте 6100 метров – примерно на 800 метров выше Базового лагеря – и неподалёку от Лагеря 1 или Передового Базового лагеря, где уже виднелись палатки многочисленных экспедиций, готовящихся к штурму вершины.

– Йёран, старый вояка! Ты сделал это! – услышал я чей-то крик.

– Я проложил новый маршрут Кроппа! – ответил я не без доли гордости.

Это был Фредерик, пришедший сюда по обычному маршруту в сопровождении как всегда молчаливого Анг Риты. Анг Рита поздравил меня с лёгким поклоном. Через некоторое время подошли двое испанцев и группа датчан, которых я встречал на Бруд-Пик. Они все поздравляли меня и

предостерегали от подобных выходов в дальнейшем. Все они решили, что я реально сумасшедший парень.

Затем я вернулся в Базовый лагерь по обычному маршруту. Это был прекрасный день.

В Базовом лагере продолжались всякие странности. Южноафриканцы продолжались сражаться друг с другом, и в один прекрасный день, когда они выгнали их врача, Шарлотту Нобле, она подошла к нашим палаткам. Шарлотта была высокой блондинкой примерно тридцати пяти лет.

– Можно мне остаться с вами? – спросила она слегка напряжённым голосом.

– Конечно, – ответил я. – Но я не буду брать на себя ответственность за твоё восхождение.

– Я собираюсь идти со Скоттом, – заявила она гордым тоном. – Но... – добавила она в нерешительности.

– Слушаю.

– Йен Вудалл, наш главный, он – сущий чёрт.

– Да, мы слышаны о нём.

– Он получил много денег на финансирование экспедиции, но мы редко видели какое-либо снаряжение, поэтому мне нужно...

– Что?

– Спальник, еда, палатка, кислород, и разрешение на восхождение. Не мог ли бы ты дать мне всё это? – спросила она с такой простотой, как будто спрашивала штопор для бутылки.

– У тебя как минимум есть горелка, – шутливым тоном сказала Рената.

– Ах, да... Я думаю, что горелка мне тоже может понадобиться, – ответила Шарлотта.

– Я могу дать тебе один рюкзак, – ошеломлённо ответил я. – Но за остальным тебе придётся спуститься в Намче-Базар. И помни, без разрешения тебе нельзя идти на восхождение!

Шарлотта заявляла, что она восходила на несколько вершин в Гималаях, но было странно, что она с трудом умела надевать гамашы. Как правило, она не слушала чужих советов. На следующий день она без получения разрешения отправилась на восхождение, что было сущим безумством. Она поставила всю мою экспедицию под удар. Если бы выяснилось, что кто-то из моей экспедиции пошёл на гору без разрешения, то непальское правительство отправило бы всех нас домой – меня, Ренату, Фредерика, Магнуса и остальных людей из нашей команды.

«Забирай свои вещи и уходи из нашего лагеря», – строго сказал я Шарлотте, когда снова встретил её. У меня не было выбора.

Скотт Фишер одобрил моё решение.

«Я тоже не возьму её к себе в команду. В этом году на горе слишком много новичков, и это меня сильно беспокоит», – сказал он. Обычно Скотт никогда не выглядел озабоченным. Он всегда носил кроссовки и солнечные очки, и когда я находился рядом с ним, то чувствовал, будто попал на съёмки фильма. Он обладал большой харизмой, и в его компании всегда ощущалось спокойствие и безмятежность. Как мне кажется, он сам всегда находился под огромным давлением, только умел скрывать это. Где-то внутри он был напряжён.

Его задача заключалась в том, чтобы показать, что он достоин запрашивать такие же суммы у своих клиентов, как и Роб. Неудача в этом году поставила бы на карьерах обоих гидов большой крест. На Скотта дополнительные сложности накладывало присутствие в его команде такой медийной персоны, как Сэнди Питтман. Ещё ходили слухи, что со здоровьем у него не всё в порядке, но тогда я об этом ничего не знал.

Люди говорили о Скотте, что ему всегда везёт в горах. Он дважды пережил падение с двадцатиметровой высоты. В противоположность Робу, который тщательно всё планировал, Скотт любил импровизировать и предлагал своим клиентам как можно чаще проявлять инициативу. Он был

словно артист, и имя его компании, «Горное безумие», для него имело такое же значение, как «Консультанты по приключениям» для Роба.

– Главная причина, почему я вожу туры – это потому что я могу ходить на свои собственные восхождения, – однажды сказал он мне. – Нам с тобой надо когда-нибудь вдвоём сходить полазать.

– Определённо надо.

– Я хочу проверить кое-что интересное на Канченджанге. Мы могли бы взять каждый по напарнику. Разве это не здорово?

Мы также договорились вместе провести серию лекций. Скотт и я определённо нашли друг друга.

Иногда по утрам мы видели Сэнди, его клиента, разгуливающую по лагерю в различных нарядах. Обычно она вставала рано утром, чтобы поработать для спонсорских журналов и сделать очередную запись в интерактивный медиажурнал для NBC.

Сэнди Питтман уже дважды пыталась взойти на Эверест, в 1993 и 1994 году. Компания Chesebrough-Ponds заключила с ней спонсорский контракт на 200 тысяч долларов в 1994 году. В их рекламе, они называли Сэнди «альпинистом мирового уровня», что несомненно было шуткой, так как она не могла ни подниматься по горе, ни спускаться без помощи гидов – альпинистов уровня Скотта Фишера. Надо было ей отдать должное, она умела создать о себе впечатление.

В своих интервью Сэнди так описывала свою команду, что у читателей должно было сложиться мнение, что это она сама возглавляет экспедицию, а не платит крупные суммы денег за своё сопровождение и заботу на горе.

Когда разразившийся шторм обрушил её планы о восхождении на Эверест в 1994 году, она настолько пришла в ярость, что сорвала с шеи золотой крестик, украшенный бриллиантами, и бросила его в пустоту. Видевшие это шерпы расстроились; возможно они подумали, что за стоимость этой вещи можно было бы построить целую школу.

В 1993 году она восходила на массив Винсон в Антарктиде. Терапевт Бэк Уэзерс, который был здесь клиентом Роба Холла, приехал в Антарктиду в то же время. Кракауэр писал ему, что Питтман взяла в свою поездку переносной телевизор, видеопроектор и «огромную спортивную сумку с изысканной едой, для переноски которой требовалось четыре человека».

В этом году Сэнди планировала проверить что-то с Дэвидом Бришерсом, режиссёром из команды IMAH, который был её гидом на Эвересте в 1994 году. Поначалу Бришерс был замечен среди испанок, но теперь Бришерс и Питтман постоянно общались друг с другом, однажды мы узнали, почему.

Боб Питтман – будущий бывший муж Сэнди и сооснователь MTV – закрутил роман с молодым дизайнером Вероникой Коа, которая до недавнего времени была замужем за Дэвидом Бришерсом. Таким образом, Дэвид и Сэнди находились в одинаковых условиях, будучи брошенными своими супругами. В лагере про них говорили, что эта парочка «вместе насылает проклятия».

Однажды Сэнди подошла к моей палатке. Для меня было неожиданностью, что она внезапно узнала о моём существовании, я для неё не был более пустым местом. Наверно, она узнала о моём проекте.

– Я хочу написать книгу, – сказала она. – Я назову её «Вершины моей души».

– Превосходно.

– Я хочу взять у тебя интервью, и прошу тебя рассказать о своём проекте для моего веб-сайта, посвящённого Эвересту.

Я согласился и стал отвечать на её вопросы, а она сидела напротив в своих круглых солнцезащитных очках. Она говорила быстро и красноречиво, а ещё обладала изрядной долей самоуверенности, присущей, как мне кажется, всем миллионерам. Тогда в Базовом лагере все знали, что у неё начался новый роман с двадцатилетним сноубордистом. Это были главные дневные сплетни, и шерпы были сильно этим озабочены. Эти любовные похождения – Сэнди и сноубордист, Анатолий и женщина, прибывшая

почтить память погибшего супруга, и остальные – всё это злит гору, говорили они.

Шерп Нгаванг Топше страдал от горной болезни. Когда ему не стало лучше даже от сброса высоты, другой шерп заявил: «Сагарматха наказывает нас, потому что люди занимаются развратом на горе». Шерпы часто вспоминали эти слова, как только небо в горах начинало темнеть. Гора для них была Богом. Романы на горе несут беды, скоро грянет буря.

В то же время мои мысли были в стороне от всего этого. Я находился на завершающей стадии моего проекта. Проанализировав прогноз погоды на ближайшее время, я решил начать восхождение первого мая. Третьего мая я рассчитывал быть на вершине. В те дни должно быть полнолуние, что добавит света при ранних выходах по утрам. При подготовке штурма горы я несколько раз ходил туда-сюда вверх и вниз, чтобы хорошо акклиматизироваться. 23 апреля я ночевал в трещине на высоте 7200 метров. Окружающие стены находились в метре от меня. Внезапно я проснулся от ужасного треска, было такое ощущение, что я нахожусь в шахте лифта, а высоко надо мной захлопнулись створки дверей. У меня внутри всё похолодело, я стал ожидать, что вот-вот меня придавит какая-нибудь глыба льда, однако сверху так ничего и не упало. Я так и не узнал, что же вызвало эти страшные звуки. Я вылез из спальника, и стал одеваться на адском морозе. Мои пальцы одеревенели, и через некоторое время начали болеть. Ещё у меня началась сильнейшая жажда, словно я был в пустыне.

У меня было много разговоров с Фредериком Блумквистом и Магнусом Романом. Это были парни, на которых я мог реально положиться. Фредерик, который до прихода сюда редко лазал даже на крышу своего дома, быстро приспособился к большой высоте. Мы договорились, что он пойдёт со мной до высоты восемь тысяч метров, снимая меня на видеокамеру Betacam. Магнус был отправлен арендовать Pilatus Porter, одномоторный самолёт. Пилот-ас по имени Крестер должен был поднять его к вершине Эвереста, чтобы Магнус мог запечатлеть меня во время моего пребывания на вершине. Самым сложным было чётко всё скоординировать. Это было задачей Ренаты, чтобы все были на своих местах к определённому времени. Самолёт должен был подняться в воздух точно в срок.

Однажды, когда мысли о восхождении крутились у меня в голове, я услышал грозный рёв. Тогда я сидел неподалёку от палатки Мэла Даффа и делал записи в своём дневнике и вел беседу с людьми из датской экспедиции. Мы обсуждали прошлые восхождения, как вдруг все подпрыгнули.

– Что это?! – закричал кто-то.

– Это лавина! Она гигантская и движется прямо по Ледопаду!

– Там кто-нибудь есть?

– Я боюсь что да. Скотт Фишер с командой пошёл на разведку.

– Чёрт побери!

Мы начали бегать туда-сюда, пытаясь что-нибудь понять. Большое белое облако снега, вызванное лавиной, перекатывалось через Ледопад, затем в лагерь пришла ударная волна вместе со снегом, вызванным сходом лавины. Это было подобно извержению вулкана. В воздухе грохотало, люди бежали куда попало, но никто ничего не мог понять, от Скотта не было никаких известий. Наконец один шерп спустился вниз и прокричал:

– Скотт Фишер в безопасности! Они прошли лавиноопасный участок примерно час назад.

«Скотт, ты чёртов везунчик, – подумал я. – Ты снова избежал опасности».

9.

Мой будильник прозвенел в 4:30 утра. Я ненавижу рано просыпаться, но этим утром я встал безо всяких проблем. Я был весь в напряжении. Вчера я читал Стивена Кинга и запихивал в себя сублимированную еду, которая мне ужасно надоела. «Только бы послезавтра подняться на вершину, и я больше не притронусь к этой гадости. Я хочу наконец нормальной еды!» – думал я про себя, и одновременно отгонял подобные мысли.

«Сконцентрируйся!» – скомандовал я сам себе. Поднявшись, я ещё раз проверил своё снаряжение. Может быть, что-нибудь ещё можно выложить, наверху любой лишний вес может оказаться неподъёмным.

Я брал с собой горелку, газ и еду на шесть дней. Мой рацион на один день представлял собой две упаковки крекеров, четыре порции супа, одно основное блюдо и два армейских шоколадных батончика настолько твёрдых, что их можно было использовать в качестве оружия. Ещё у меня был с собой спальник, каремат и палатка – я просто разобрал и упаковал свой «базовый лагерь», а также два ледоруба, 50-метровая верёвка, два ледобура, налобный фонарик и небольшая видеокамера.

На самом деле мне всё это пригодится на восхождении, хотя не исключено, что часть вещей я смогу оставить где-нибудь в укромном месте, чтоб позже ими воспользоваться. Там видно будет. Затем я начал одеваться. У меня было семь слоёв одежды – нижнее бельё, тонкое термобельё, два слоя шерстяного термобелья, затем что-то, напоминающее гидрокостюм, затем флисовая куртка, и, наконец, ветронепроницаемая куртка Haglofs.

Никто ещё не выходил на вершину в этом году, мне выпала честь сделать это первому. В шесть утра в Базовом лагере стояла тишина. Кто-то кашлял в своей палатке, где-то тихо играло радио, когда я подходил к нашей ступе. Ещё не совсем проснувшись, я брёл очень медленно, размышляя о недавно сошедшей лавине. Я надеялся, что она не сильно задела Ледопад и не нарушила мой путь до первого лагеря. В любом случае, я увижу результат схода, когда выйду на маршрут. Сперва же мне предстояло обойти три раза вокруг ступы. Это была буддистская традиция, соблюдаемая всеми

альпинистами. Когда я добрался до ступы, то увидел, что все молитвенные флаги безжизненно висели, склоняясь к земле. Был полный штиль.

Я медленно начал обходить ступу. Все мои мысли были о вершине. Она была на 250 метров выше, чем я когда-либо забирался, и я спрашивал себя, значит ли это что-нибудь для меня в психологическом смысле, заметит ли мой организм какую-нибудь разницу с испытанными ранее ощущениями? Вскоре я направился к леднику.

«До встречи», – сказал я в пустоту.

Ледопад выглядел как обычно. Тут я проходил наиболее опасную часть своего маршрута, хотя вообще-то он везде был опасен. Я добрался до снежного моста, образованного надувами снега, перекинутого через одну из трещин в леднике. «Наверно он меня выдержит, – подумал я. – А может быть, и нет». Я заглянул в трещину и увидел – или мне показалось – что она глубиной всего 3 или 5 метров, а на дне был слой мягкого снега.

«Ух!» – пробормотал я и на свой страх и риск вступил на этот хлипкий снежный мост. Сразу же я услышал треск, донёсшийся из-под ног. Снежный мост обрушился, и я провалился вниз на мягкий снег, который был не дном расщелины, как я думал ранее, но всего лишь тонким слоем снега, скрывающим бездонную пропасть, уводящую в преисподнюю.

«Вот чёрт! Здесь я и погибну!»

Каким-то чудом мне удалось удержаться на верху этой перемычки. Я быстро вытащил ледоруб, зарубился им об стену трещины и пристегнулся к нему.

Началась тяжёлая работа по вылезанию на поверхность. Мои ноги были растянуты от одного края трещины до другого, и когда я почти добрался до поверхности, я был ужасно утомлён. Высунув голову из трещины, я увидел группу альпинистов в ярких одеждах, идущую неподалёку от меня.

«Эй, у меня проблемы!» – крикнул я им, но они только помахали мне в ответ и медленно пошли вверх по леднику.

«Не верю своим глазам, – подумал я. – Проклятые туристы за 65 тысяч долларов! Идиоты!»

Я был в гневе. Злость прибавила мне сил, и я вытолкнул себя из трещины. Некоторое время я пролежал без сил на снегу, восстанавливая дыхание. «Подобное могло произойти только здесь. На любой другой горе они пришли бы на помощь». Однако Эверест стал вершиной богачей, местом для шутов, которым надо было похвастаться чем-нибудь на своей вечеринке. Цирк, да и только!

Немного успокоившись, я продолжил путь. Преодолев Ледопад, я прошёл мимо Лагеря 1, направляясь сразу в Лагерь 2. Восхождение на Эвересте не представляет собой технической трудности, в основном ты идёшь по бесконечным снежным склонам в окружении гигантских скал, по форме напоминающих пирамиды и чувствуешь себя ничтожно мелким на фоне всего этого. Согласно легендам, Джомолунгма даёт жизнь миру через реки, берущие начало из её ледников. Но Джомолунгма не только даёт жизнь, но может и забрать её. Шерпы верят, что она вмещает свой гнев на людях, выказывающих свою гордыню и проявляющих неуважение по отношению к ней. Эверест может быть в ярости, и иногда, как, например, сегодня, я понимал, что он может с тобой сделать.

Через некоторое время я сделал привал, чтобы пообедать. Передо мной простиралось огромное снежное поле с небольшим уклоном, и вдруг я увидел человека, бредущего вниз по склону. Этот человек был в тёмных альпинистских штанах и зеркальных очках и в кепке, потом различил волосы, убранные в хвостик. Разумеется, это был Скотт.

– Привет, парень! – сказал он.

– Как дела?

– Идётся неплохо. Я побывал на Южном Седле. Моя группа готова к восхождению. Мы отправляемся на следующей неделе или через неделю.

– Я иду туда сейчас.

– Ты серьёзно? Удачи тебе.

Скотт присел и начал искать что-то в своём рюкзаке. Наконец он вытащил небольшой аппетитно выглядящий кусочек сыра и протянул мне.

– Держи! Съешь его, он приносит удачу.

– Скотт, ты ведь знаешь моё правило, я ем только свою еду.

– Ох, просто съешь его, я никому не скажу.

Я так и сделал, как мне было сказано. Пока мы сидели вместе и болтали, к нам подошли Фредерик и Анг Рита. Фредерик чувствовал себя не очень хорошо, у него начиналось обезвоживание. Я переживал, что он пьёт мало жидкости, в таком сухом климате это было непростительной ошибкой. Здесь ты не только теряешь в день по 8 литров воды, но также высота отбивает любое желание пополнять её запасы в организме.

Мы ещё немного отдохнули, попрощались со Скоттом, а затем медленно побрели в Лагерь 2, где поставили палатку. Время было 15:30. Мы были на высоте 6500 метров, и до ужина у нас оставалось ещё несколько часов. В это время я разговорился с Анг Ритой.

– Я помог многим людям подняться на вершину, – сказал он на ломаном английском языке, и как заметил я, с ноткой сожаления. – Я брал на себя всю тяжёлую работу, переносил их грузы, в то время как они становились богатыми и известными людьми. Люди ходят в горы с кислородом и проводниками, возвращаются домой, и делают на этом деньги. Я хожу без кислорода и не пользуюсь другой помощью, но при этом вынужден жить в доме из камня. Что ты думаешь по этому поводу?

– Анг Рита, но ты тоже очень известен, – сказал Фредерик.

– Может быть я и известен, но не богат. Ты знаешь, правительство Индии предложило мне принять их гражданство. Они могут дать мне дом и всё остальное.

– Почему же ты не переезжаешь?

– А я не хочу. Моя семья здесь. Я спросил у непальских чиновников, могут ли они мне что-нибудь предложить, но они ответили: «Нет, ты ничего не получишь».

Анг Рита опустил своё тёмное лицо и уставился на снег под ногами. Теперь он был спокоен, и вскоре присоединился к своим друзьям-шерпам, которые позже добрались сюда. Остальные из нашей группы топили снег и готовили суп. Это занимало очень много времени, почти вечность. На большой высоте горелке требуется больше времени для нагрева воды из-за недостатка кислорода в воздухе. На высоте 8 тысяч метров вода закипает при температуре 75 градусов Цельсия, при этом погибают не все бактерии, которые могут находиться в воде. Из-за этого на большой высоте можно заболеть, даже если ты прокипятишь всю воду.

«Как ты себя чувствуешь?» – спросил Фредерик, наводя на меня камеру.

Я поднял вверх большой палец. Мне кажется, что Фредерик думал: «Почему он всегда поднимает большой палец, когда бы я его не снимал?» Я знаю ответ. Для него я всегда был чертовски бодрым. Я должен был быть таким.

На следующий день я отправился вверх вместе с испанцами Хесусом и Хосе Антонио, которые тоже хотели предпринять попытку штурма вершины. Анг Рита и Фредерик повернули назад на высоте 7100 метров, а я с испанцами разбил новый лагерь на скальном выступе на высоте 7800 метров. Это был день перед штурмом вершины. Хесус и Хосе Антонио затащили свои спальники в мою палатку, но мы мало разговаривали друг с другом. Мы знали, что нам надо будет проснуться около полуночи, если мы хотим успеть подняться на вершину и спуститься обратно до наступления темноты.

Я лежал в своём спальнике, уставившись на потолок палатки.

«Я сделаю это, – думал я. – Это будет сенсация... и затем... я отправлюсь в отель в Катманду и закажу там... Стоп, не опережай события! Не повторяй событий на К2».

Мои мысли продолжили вертеться у меня в голове. Моя мозговая активность существенно упала. Сложно быть Эйнштейном на высоте 8 тысяч

метров... Снаружи завывал ветер, хлопал нейлон палатки, Хесус и Хосе Антонио дышали нерегулярно, словно у них была одышка.

Можно сойти с ума, пытаясь заснуть в столь ограниченном пространстве. Тебе приходится постоянно слушать дыхание находящихся с тобой товарищей. Иногда вздохи бывают глубокими и хриплыми, иногда они затихают. В такие моменты ты думаешь: «Давай! Продолжай дышать». Ничего не происходит, ты подскакиваешь в своём спальнике, думая, что сосед по палатке уже умер, но в этот момент он делает такой неестественно глубокий вдох, словно за один раз хочет втянуть в себя весь воздух, находящийся внутри палатки.

Этой ночью я спал на удивление хорошо, мне даже снился какой-то сумасшедший сон, который я потом не мог вспомнить. Было какое-то смутное ощущение чего-то необычного в воздухе, я повернулся в своём спальнике, и подумал, как же мне будет холодно, когда я из него вылезу. Я прогонял каждую мысль остаться в палатке, как будто сами мысли могли мне помешать действовать.

«Как моё самочувствие?» – спросил я у себя.

«Хорошее. Я всё ещё в деле».

Хосе Антонио не здоровилось. Он взглянул на меня – его лицо было жалким. На нём появились две новые морщины, и я мог сказать, что у него была адская головная боль.

«Я поворачиваю, – сказал он. – У меня заболели лёгкие. Я иду вниз».

Хесус и я кивнули. Вместе мы занялись сборами на выход, затянувшись целую вечность. Мы одевались на лютном холоде, мучились с нашими горелками, проклинали воду, не желающую закипать, завтракали и проверяли снаряжение. Это заняло целых два часа. Затем мы вышли наружу, с содроганием ожидая того момента, когда мы пойдём в ту часть горы выше восьми тысяч метров, которую журналисты любят назвать «зоной смерти». Снег хрустел под нашими ногами. Дул ветер, и я шёл, склонив голову. Силы у меня было достаточно. Вскоре мы достигли Лагеря 4 на Южном седле. Или как его называли – «самая высоко расположенная в мире свалка». Когда я

увидел этот лагерь, то понял, что такое прозвище было у него неспроста. Южное седло представляет собой гигантскую равнину, размером в сотню футбольных полей. Там стояло четыре заброшенных палатки, яростно дрожавших при порывах ветра, и кругом валялись кислородные баллоны, обрывки веревок, различный мусор и несколько продолговатых белых и синих мешков. Я очень хорошо знал, что находилось там внутри.

«Не думай об этом, – скомандовал я себе. – Просто продолжай идти вперёд».

Я пересёк замёрзшее плато и достиг оврагов, уходящих в сторону юго-восточного хребта и Южной вершины Эвереста. «О чём мне говорил Скотт?» пытался вспомнить я. «Иди вдоль правого оврага, затем сразу переходи на основной гребень, как только сможешь.» Я тяжело дышал, мне часто приходилось останавливаться. Никого ещё не было здесь в этом году, не было никакой тропы, и было чертовски тяжело пробивать себе дорогу в глубоком снегу. Хесус был уже измотан, поэтому тропить приходилось в основном мне. На высоте 8300 метров Хесус повернул назад. Он шёл, опустив голову.

«Устал ли я так же, как и он? Нет, нет! Но сколько же сейчас времени?»

Я не знал этого, хотя на такой высоте это следовало бы знать. Перестать следить за временем может быть фатальной ошибкой. Если ты идёшь без дополнительного кислорода, ни в коем случае не следует подниматься на вершину после двух часов дня. Если ты окажешься там позже, то не сможешь спуститься обратно до темноты. Ровно в 2 часа дня следует повернуть назад, как близко к вершине ты не находился. У меня были с собой часы Avocet, но они находились под курткой и другими слоями одежды, поэтому я не мог взглянуть на них, боясь получить обморожение.

Я связался с Фредериком и Анг Ритой по рации. Я дышал так тяжело, что мог с трудом говорить. Я только прохрипел:

– Я неподалёку от Южной вершины. Который час? Мне идти дальше?

– Продолжай, вперёд! – последовал ответ Анг Риты.

Рация затрещала. Голос Анг Риты стал искажаться. У меня больше не было сил разговаривать, и я подумал, действительно ли мы поняли друг друга? Тут я испугался. Слева я увидел ещё один белый мешок и рядом с ним несколько кислородных баллонов, всё говорило об очевидной опасности этого места. Окружающие пейзажи были феноменальными, облака и бесчисленные семитысячники внизу. Сейчас я мог взглядом охватить целый мир – Китай, Индия, Непал; я был так высоко, что видел кривизну горизонта Земли, я мог видеть, что Земля – круглая. Но, если честно, я слишком устал, чтобы наслаждаться всеми этими видами, и более того, тут я услышал звук, очень похожий на мотор самолёта... как Pilatus Porter.

«Нет, нет!» – подумал я и включил рацию. – Что за чёрт! У меня же ещё есть целый час до вершины! Почему самолёт уже в воздухе?

– Мы не знаем, – ответил Фредерик. – Может быть, это из-за погоды. Она ухудшается.

Тем временем Рената ожидала известий от нас в Базовом лагере. Она спала на полу в палатке около узла радиосвязи. Она устала, была встревожена и чувствовала себя беспомощной. Но так как никто ещё не умер на горе в этом году, то она не была так напугана, как будет позже. Больше всего она беспокоилась, что я не смогу взойти на вершину, не потому что это было важно лично для неё, но потому, что она знала, насколько это важно для меня. Это больше всего её волновало, не более того. Она не видела всех этих белых и синих мешков, которые я наблюдал наверху. Для неё альпинизм всё ещё оставался сравнительно безопасным занятием.

Разумеется, она слышала рассказы о людях, погибавших в горах, но всё это казалось ей очень далёким, особенно в Базовом лагере, где люди постоянно шутили и устаивали вечеринки. Рената не была наивным человеком, но, с другой стороны, она мало что знала об альпинизме. Она встретила меня и окунулась в совершенно новый для неё мир – возможно, это была обычная жизненная история для женщины.

Рената взяла под своё начало координацию действий нашей команды из Базового лагеря, она была со мной на связи всё время, пока я поднимался на гору. Особенной проблемой при нашем общении было то, что мы не могли

связываться друг с другом напрямую, я был слишком высоко. Чтобы узнать что-нибудь у меня, Ренате приходилось сперва связаться с Фредериком в Лагере 1, а затем уже Фредерик переадресовывал её вопрос ко мне.

Пару дней назад Рената была на вечеринке экспедиции Роба Холла. Там она сидела рядом с альпинисткой из Японии Ясуко Намба. Позже это нагонит на неё мрачные воспоминания, но тогда, на вечеринке, все люди были в приподнятом настроении. Они ели и пили, а некоторые люди, среди которых была управляющий Роба в Базовом лагере Хелен Уилтон, танцевали на столе. Это был последний настоящий праздник.

Тогда у Ренаты не было настроения зажигать вместе со всеми. Многие люди, узнав, что я направляюсь к вершине, собрались у нашего лагеря. Вскоре там была уже целая толпа народа. Казалось, что весь Базовый лагерь заинтересовало моё восхождение. Хелен Уилтон даже развернула транспарант «Вперёд, Йёран, вперед!» на их палатке для собраний. Возможно, это естественно для людей – интересоваться чьими-то другими проектами, столь не похожими на обычные восхождения.

– Как дела у Йёрана? – Спросил у Ренаты финн Вейкка Густафссон.

– Йёран сейчас оставил свой рюкзак по дороге на вершину, – сказала она.

– Это хорошо, – ответил Вейкка. – Это значит, что у него всё в порядке.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– Некоторые люди, восходящие без кислорода, иногда на высоте теряют рассудок. Если Йёран понимает, что ему надо как можно меньше нести на себе груза, это значит, что его разум не помутнён.

В этот момент около нашей палатки остановился Роб Холл. Рената подумала, что он выглядит чересчур расслабленным в своей кепке и с всклокоченной бородой. Он подошёл к ней и протянул руку. «Будь спокойна, – сказал он. – Твой парень чертовски хорош. У него будет всё в порядке!»

Это было приятно слышать, и немного успокоило её. «Когда такой великий альпинист, как Роб Холл, говорит, что всё будет хорошо, значит, так

и будет». Роб, как никто другой в базовом лагере, знал, что говорил. Он буквально излучал свой опыт и уверенность в своих словах. Тут Рената услышала звук приближающегося самолёта.

«Что это такое?! – воскликнула она, видя, как пять тысяч долларов летят в сточную канаву. – Слишком рано! Юлле, Юлле! Что ты там делаешь?!»

Магнус Роман – Юлле, как его звали – сидел в одномоторном самолёте. Он был тепло одет, сверху была надета обвязка, он отчаянно пытался решить, что надо делать дальше. У него была тысяча вопросов, которые он хотел задать пилоту Крестеру перед вылетом, но тот встретил его совершенно беспечным образом на небольшой взлётной полосе в Намче-Базаре. Возможно, Крестер ощущал своё значимое положение. Здесь, в Намче-Базаре он был большим героем. Все знали, что Крестер был единственным лётчиком, который совершал сложнейшие полёты среди местных гор. А ещё он был очень самоуверенным, и даже не объяснил Магнусу, как пользоваться кислородным оборудованием.

Крестер управлял швейцарским Пилатус Портером, единственным одномоторным самолётом, способным достигать высоты 9 километров, на которую Магнусу надо было подняться, чтобы запечатлеть меня на вершине. Когда они встретились в аэропорту, Крестер, казалось, забыл о их сделке.

– Я не полечу выше шести тысяч метров, – сказал он таким деловым тоном, словно отмечая, что вопрос закрыт для обсуждения.

– Хорошо, но что я тогда здесь делаю? – спросил у него Магнус. – Получается, мы потратили 5 тысяч долларов в никуда.

Это состояние неопределённости повисло в воздухе до тех пор, пока они не пролетели в опасной близости от склонов Ама Даблам. Тогда Магнус понял, что заявление Крестера предназначалось для ушей шерпов в Намче-Базаре. Крестер не желал, чтобы кто-нибудь знал, куда они с Магнусом направляются. Одномоторным самолётам здесь запрещено было подниматься выше шести тысяч метров.

Сама вершина Эвереста размером не больше сугроба на школьном дворе, но она принадлежит двум разным странам – Непалу и Тибету (в

настоящее время входит в состав Китая как автономный район). Если тебе надо облететь вокруг вершины Эвереста, то ты неизбежно вторгнешься в воздушное пространство Китая, а на этот случай у тебя должно быть припасена достаточная порция извинений. Позже шведские газеты писали, что самолёт плохо управлялся, что у него были какие-то серьёзные проблемы с рулевым управлением. Я этого не знаю, меня там не было, но, может быть, на самом деле всё так и было.

Магнус и Крестер поднимались на Пилатусе Портере по спирали, словно забираясь наверх по невидимому горному серпантину. Кабина самолёта была открыта. Даже на таком морозе на Крестере были надеты лишь габардиновые штаны и обычные ботинки. Недоставало лишь одной вещи, завершающей облик этого «Красного барона» Гималаев – длинного шарфа, развивающегося на ветру. Лицо Крестера было закрыто кислородной маской, в которую поступал кислород через трубку толщиной со шланг от пылесоса. Магнусу, сидевшему на заднем сиденье, пришлось дышать через некое подобие маски с хлипким шлангом.

«Эта штука вообще работает?» – разнервничавшись, думал он...

Очевидно, они вылетели из аэропорта слишком рано. Самолёт не должен был выдвигаться к Эвересту, не получив условного сигнала из Базового лагеря, который не мог поступить ранее моего приближения к вершине. Однако, вскоре Крестеру надоело это долгое ожидание, и он беспрекословно заявил: «Надо вылетать сейчас или никогда. Погода быстро портится». Теперь Магнус понимал, что вероятность получения хороших снимков меня на вершине горы была крайне низкой.

«Я должен сделать всё как можно лучше, – думал он. – Посмотрим... Где я должен пристегнуться?» Магнус продел кусок верёвки через свою обвязку и привязал себя в двух местах кабины самолёта. Затем он натянул свою кислородную маску и помолился, чтобы это работало лучше, чем оно выглядит. Даже альпинисты мирового уровня с трудом могут дышать на высоте выше 8800 метров, да и то, после месячной акклиматизации. Если у Магнуса, набирающего данную высоту несравнимо быстрее, будет что-то не в порядке с оборудованием, то, скорее всего, он умрёт.

Справа от него находилась наружная дверь. Магнус распахнул её, и тут же был сбит порывом ледяного ветра. Температура за бортом казалась ниже минус 60 градусов Цельсия. В своей шерстяной балаклаве и кислородной маске Магнус высунулся из самолёта, который едва не касался крыльями склонов Эвереста. Безумец Крестер летел на опасной близости к горе.

У Магнуса была с собой видеокамера High-8 и фотоаппарат. Он начал фотографировать, попутно разыскивая меня глазами. Внезапно он ощутил резко накатившее чувство паники, почти смертельный страх. Он схватился за горло: он не мог больше дышать. Взглянув вокруг, он не был в состоянии понять, что произошло, он не понимал, что ему следует как можно скорее проверить своё кислородное снаряжение. Наконец, он увидел, в чём причина его панической атаки. Один из концов кислородной трубки выскочил из своего соединения и просто болтался в воздухе, поэтому Магнус не мог дышать свежим кислородом. Магнус быстро снял маску и шапку; он был так отчаян, что можно посчитать удачей, что ему удалось действовать так быстро и разумно в его состоянии. На ледяном ветру ему кое-как удалось прикрепить шланг обратно, после чего он вновь надел маску и шапку на голову.

Тем временем самолёт был всё ближе к вершине и вскоре начал описывать круги вокруг неё. Их взору предстал великий и невероятный вид. Под ними простиралась беспросветная пелена облаков, которую лишь местами пронизывали лишь отдельные горные вершины.

Холод и ветер заставили слезиться глаза Магнуса, и иногда он даже не видел, что именно он снимает. Вскоре он обратил внимание на какой-то красный объект, находящийся на вершине, который выглядел, как человеческое существо! Магнус знал, что я был первым альпинистом в этом году, направлявшимся к вершине, поэтому он и предположил, что это, разумеется, я там нахожусь.

«Неужели это правда? Неужто ему удалось это сделать?!»

Я стоял напротив трёх небольших, но довольно крутых пиков. Я отчаянно махал самолёту у меня над головой, но, разумеется, никто меня не увидел. Самолёт всё также продолжал описывать круги вокруг вершины, и

через некоторое время он улетел обратно в долину, и звук его мотора растворился в воздухе. Я огляделся по сторонам. Я стоял на узком хребте, отделяющем Непал от Тибета. С каждой стороны от меня зияли трёхкилометровые пропасти, но чувство страха было не властно надо мной. Мне на это было всё равно. Самым странным для меня было то, что я не мог точно определить, где именно на горе я нахожусь. «Где-то впереди должна быть Южная вершина – всего на 50 метров выше. Это же не может быть уже главная вершина... самая высокая точка мира».

Я достал рацию и снова связался с Фредериком, находящимся во втором лагере. Я описал ему, что я вижу вокруг себя, и попросил, чтобы он передал эту информацию Анг Рите, чтобы тот подсказал мне, куда идти дальше. По всей видимости, шерп использовал свои руки в качестве карты, его костлявые пальцы стали скалами на склонах Эвереста. Это была, возможно, лучшая карта в мире, и она всё время менялась, по мере того, как Анг Рита двигал своими пальцами.

– Анг Рита говорит..., – Фредерик замешкался. – Он показывает..., что ты должен быть где-то...около тех скал, похожих на большой и указательный палец... как будто рука...

– Чёрт возьми, Фредерик! Скажи ему, что вокруг меня на скалах висят обрывки верёвок!

– Много верёвок? – услышал я вопрос Анг Риты.

– Да! – задыхаясь, воскликнул я.

– Много верёвок везде? – спросил Анг Рита снова.

Мне казалось, что я близок к помешательству от незнания своего местоположения, но с помощью Анг Риты, спустя несколько долгих минут я наконец выяснил, что я стою на Южной вершине Эвереста на высоте 8750 метров над уровнем моря.

Ощущая возрастающую нервозность, я наконец спросил у них, сколько сейчас времени.

– Один час тридцать минут, – такой пришёл ответ.

Эти слова были моим приговором. «Чёрт подери! – подумал я. – Я должен был сделать это!» Жестокая правда была в том, что я всё ещё был в часе пути от вершины. Я не выходил из своего лагеря до двух часов утра, что было слишком поздним временем выхода, и теперь у меня не оставалось достаточно времени, чтобы подняться на вершину и безопасно спуститься вниз до наступления темноты.

«В следующий раз, я покину штурмовой лагерь ещё до полуночи», – пробормотал я и повернул назад. Хотя я был всего в ста метрах по вертикали от моей цели, мне следовало начать спуск.

Даже идя вниз по склону, я начал замечать, как сильно устал. Я решил сесть на снег, скатиться по склону, будто по детской снежной горке. Это было довольно опасно, я быстро набрал скорость и почти потерял контроль над своим скольжением. Мне пришлось оттормаживаться при помощи ледоруба, но таким образом я сэкономил немного времени и сил на спуске. Приближалась ненастная погода. Потихоньку всё вокруг начало заволакивать туманом, и, когда я, наконец, достиг Южного седла, на небе уже не было ни малейшего просвета. Вскоре я уже ничего не мог разглядеть вокруг. Я спотыкался, шатался и постоянно поскользывался. Чувствовалось приближение шторма.

«Но где же лагерь? Он должен быть где-то здесь!»

Затем я обо что-то споткнулся. Кислородный баллон. Я очутился в середине лагеря, окружённый мусором и мешками для тел. Сперва я думал переночевать здесь, но затем решил спуститься до палатки, которую поставил с испанцами немного ниже по склону.

«Ола, сеньор!» – вскоре услышал я оклик Хесуса.

Я не ответил ему, у меня не было силы. Моя голова поникла, словно шторм и облака пробрались ко мне в мозг. Уже находясь в палатке, я впал в некое подобие комы. Всё, что я помнил, это то, что испанцы слабо встряхивали меня.

– Мы идём вниз. Прямо сейчас. Ты тоже! Буря! – сказали они. – Ты идёшь?

– Нет, – ответил я, или скорее всего, я пробормотал им в ответ что-то неразборчивое. В голове было всё в тумане, и я не переживал, будто мне угрожает какая-нибудь опасность. Где-то глубоко внутри я осознавал, что опасно было находиться здесь, но мне необходимо было отдохнуть... хотя бы самую малость. Прошло несколько часов. Теперь я оставался один; испанцы ушли, мне казалось, что уже прошёл целый день, но я помню только отдельные моменты. Мне уже начало казаться, что прошла ещё одна ночь, но я не мог этого сказать с чёткой уверенностью. И вообще, сколько сейчас времени, и какой сегодня день?

Я лежал, спокойно и сконцентрировано. Затем я поднялся, сперва на колени, потом встал, что потребовало почти нечеловеческих усилий. Я выглянул из палатки. «Этого не может быть», подумал я. Кровь застыла в моих жилах. Снаружи солнце уже клонилось к закату. На гору спускалась следующая ночь. Я буквально вбежал в палатку и стал быстро собираться. «Мне надо срочно идти вниз!»

Выйдя снова наружу, я снова взглянул на солнце. Оно было странного цвета, такое бледное, словно умирало, а весь мир вокруг превращался в ледяной ад.

«Чёрт, Бади! – окрикнул я себя, мотая головой, как будто не совсем верил в происходящее вокруг. – Не будь таким идиотом! Это на небе луна, а не солнце, и наступает утро, а не ночь!»

Анг Рита и Фредерик сидели в уютном втором лагере. Старая легенда и швед-блондин из небольшого городка, который работал на местном телевидении – каким-то образом эти двое нашли здесь друг друга. В период их долгого ожидания, у них было много разговоров об Эвересте.

«Гора – это не камень. Гора – это Бог», – повторял Анг Рита, когда Фредерик произносил что-то непочтительное об Эвересте.

В это время никто из них не знал, что Магнус Роман полагал, что ему удалось запечатлеть меня на вершине мира. Они также не знали, что красной точкой на фотографиях Юлле был не я, а измерительный инструмент, оставленный на вершине горы. Фредерик и Анг Рита знали, что я не был на

вершине, потому что испанцы уже прошли мимо них на пути в Базовый лагерь.

– Почему же его так долго нет? – спрашивал Фредерик.

– Гора тяжела! Трудно идти. – отвечал Анг Рита.

На своём ломаном английском испанцы сказали Фредерику и Анг Рите: «Йёран очень устал», но они не указали на степень моей усталости, которая не была похожа на усталость бегуна после длинной дистанции. Моя усталость не могла быть излечена сном, она казалась глубже, чем могильная яма. Финн Вейкка Густафссон также был во втором лагере. Там они все сидели, с беспокойством ожидая меня.

– Вы его видите? – Спрашивала их Рената по радиии из Базового лагеря.

– Пока ещё нет, – таким каждый раз был ответ.

Прямо перед Фредериком, Анг Ритой и Вейккой простиралось бескрайнее снежное поле, покрытое небольшими округлыми холмиками. Со стороны вершины до них доносились лишь завывания ветра. Немного позже Фредерик заметил кое-что через свой телеобъектив. Это был долговязый человек, который еле передвигался и останавливался отдохнуть через каждые два шага.

«Это не может быть Йёран, – подумал он. – Йёран не настолько тощий».

Но затем он узнал меня и вздрогнул от неожиданности. У меня выросла борода, мои губы потемнели, почти почернели, мой нос обгорел и распух. Самое худшее заключалось в том, что моё тело сильно изменилось. Всего лишь за несколько дней гора «съела» все мои мышцы. Я был истощён и измождён, мои ноги дрожали, не выдерживая моего веса.

«Я сделал всё, что было в моих силах», – сказал я им при встрече, и на моих глазах выступили слёзы. Я заплакал, уселся в снег и попытался отстегнуть кошки со своих ботинок. Затем я уснул прямо под открытым небом, у меня не было даже никакого желания пойти в палатку.

На следующий день Рената ходила взад и вперёд по Базовому лагерю. Перед тем как уснуть в Лагере 2, я поговорил с ней, или, вернее сказать, хрипел и тяжело дышал в рацию, пытаюсь поговорить с ней, и наконец, она поняла, как сильно я устал. Но даже несмотря на то, что у меня не было сил даже подумать о чём-то, и всё дальнейшее казалось пустым и беспросветным, я уже знал, что так просто я не сдамся. Я понимал, что всё же мне придётся нарушить одно из моих незыблемых правил. Чтобы восполнить запасы энергии, необходимые для ещё одной попытки восхождения на Эверест, мне надо было питаться нормальной едой, а не только полуфабрикатами, привезёнными с собой.

Рената же считала, что наверно уже всё закончилось. Если я чувствовал себя побеждённым, она чувствовала себя просто ужасно. Она не знала, что сказать мне – либо настроить меня на ещё одну попытку восхождения, либо сказать: «сто вертикальных метров до вершины – это тоже достижение. Поехали-ка домой». Она понимала, что бы она не сказала, это было бы неверно. Всё это происходило 6 мая 1996 года.

Роб Холл и Скотт Фишер тоже бродили по Базовому лагерю, объявляя всем, что десятое мая – их день штурма вершины.

«Мы не хотим видеть дилетантов на горе в этот день», – публично заявил Роб. Не удивительно, что напряжение в Базовом лагере росло день ото дня, потому что именно на десятое мая была объявлена наилучшая погода для восхождения на вершину. Многие другие альпинисты были раздражены заявлениями Скотта и Роба про исключительные права на восхождение.

«Никто не будет мне указывать, что делать! – в ярости говорил глава южноафриканской экспедиции Йен Вудалл. – Мы поднимемся тогда, когда нам будет удобно, а если кто-то захочет со мной обсудить это, то я могу лично отправить этого человека к чёрту!»

Я знал, что у Роба было несколько причин, чтобы выбрать десятое мая днём восхождения на вершину. Два из четырёх его успехов приходились именно на этот день. Но также Роб, который был неглупым человеком с аналитическим складом ума, был не только зациклен на случайных совпадениях дат и чисел. Всего лишь несколько дней в районе десятого мая

считались наилучшими днями в сезоне для восхождения на Эверест, именно тогда в стратосфере возникало окно между двумя воздушными потоками, а именно между струйным потоком воздуха и муссоном. Это окно было очень кратким, как небольшой промежуток тишины между двумя разбушевавшимися штормами.

Муссоны образуются в тот момент, когда водяной пар, испаряемый из Индийского океана и Бенгальского залива, начинает скапливаться в атмосфере. Затем воздушные потоки переносят эти массы воды по направлению к Эвересту – и если обстоятельства складываются лучшим образом, то муссон выталкивает собой струйные потоки воздуха, бушующие на горе всю зиму и весну. В этот период затишья на горе стихают постоянно дующие ветры, однако вскоре уже сам муссон начинает свирепствовать в полную силу, принося с собой штормовые ветра и проливные дожди.

Альпинисты в Базовом лагере ожидали именно этого затишья в погоде, один или два дня, и, очевидно, заявления Роба и Скотта вызывали некоторое раздражение.

Я был единственным человеком в лагере, кому было всё равно. Я был абсолютно опустошён, и пока остальные альпинисты разговаривали о ветре, строили графики подъёма и проклинали высокомерие гидов, я делал последние шаги по Ледопаду, словно какая-то развалина.

«Иногда ты настолько устал, что тебе становится всё равно – будешь ты дальше жить, или нет», – сказал я ранее на камеру Фредерика. Теперь я пошатываясь брёл в Базовый лагерь. Мой шлем был красного цвета, штаны – чёрного, а лицо стало зелёным. Когда Рената встретила меня около своей палатки, я с трудом стоял на ногах. Мои глаза застилала слёзы, и почему-то я смотрел на небо, словно пытаюсь разглядеть звёзды посреди дня.

«Я сделал всё, что было в моих силах», – сказал я снова, и чуть было не упал на спину. Рената заплакала; Хесус помог мне снять с плеч рюкзак.

Позже, когда я пересматривал этот момент на видео, я с трудом мог опознать в этом тощем человеке себя. Теперь было не сложно понять, почему была настолько шокирована Рената, когда увидела меня таким. Никто не мог поговорить со мной, я стал абсолютно замкнутым. Сама Рената не знала,

следовало ли ей утешить меня, или, наоборот, подбодрить, а я был слишком уставший, чтобы давать ей какие-нибудь подсказки. Рената была влюблена в Йёрана Кроппа, который был всегда счастлив и излучал оптимизм. Теперь она сидела и плакала рядом с совершенно незнакомым человеком.

Первое, что я сделал, придя в Базовый лагерь – это слопал целую коробку сливочного масла. Мой организм неистово взывал к пополнению запасов жира. Я строил небольшие горы масла на крекерах, поедая их с ужасающей быстротой. Затем я рухнул и уснул. Всё это время Рената словно сидела на иголках, постоянно задаваясь вопросом «о чём он думает теперь? Неужели он хочет попробовать ещё раз? Как это возможно?»

В это же время весь остальной Базовый лагерь собирался на Гору. Все вокруг меня находились в возбуждённом состоянии – я один был потерян для общества. Мне даже не хотелось просыпаться.

Терапевт из Техаса Бек Уэзерс, который вскоре собирался отмечать своё пятидесятилетие, недавно звонил своей жене, Маргарет – по прозвищу Пич, в Даллас. Он рассказал ей, что у него всё в порядке. Уэзерс встретил Роба Холла пару лет назад в Индонезии и был так впечатлён его работой в качестве горного гида – Роб поднял к тому времени тридцать девять человек на вершину Эвереста – что незамедлительно внёс свои 65 тысяч долларов, чтобы в этом году самому совершить подобную поездку. Это была довольно крупная сумма денег, даже для такого преуспевающего врача, каким был Бек. В политике он держался правых взглядов, близких к Рейгану, иногда называл себя «крепким орешком» и «безумцем до тренировок». В течение нескольких лет он совершал по одному восхождению в каких-нибудь больших горах, но никогда даже близко не был на высотах, подобных гималайским.

«Всю свою жизнь я боялся высоты, – говорил он мне, – но когда мне исполнилось сорок, я подумал, что было бы интересно побороть этот страх, и посмотреть, что из этого выйдет».

Бек Уэзерс был сыном офицера ВВС США и провёл своё детство на разных военных базах. После колледжа он решил изучать медицину, затем женился на Пич, и у них появилось двое детей – Бек II, теперь ему 17, и Мэг – 14 лет. Как и подобает успешному терапевту, он играл в гольф и теннис, но так продолжалось вплоть до 1986 года, пока он не отправился на отпуск в Колорадо и не пристрастился к горам. Вскоре он сообщил своей жене, что хочет, подобно своему земляку из Техаса Дику Бассу, покорить их все. Это

немного взволновало Пич, которая понимала, что альпинизм несколько опаснее гольфа, несмотря на то, что оба эти занятия были спортом богатых людей.

На данный момент Бек взошёл на шесть из семи самых высоких вершин на всех континентах, Эверест оставался последним. Когда я вышел из своей комы, Уэзерс и другие участники группы Роба Холла уже были на восхождении. В итоге десятое мая днём восхождения на вершину выбрали четыре экспедиции. Ни Йен Вудалл и его команда из ЮАР, ни Макалу Го со своими тайваньцами не отреагировали на призывы Роба и Скотта установить очерёдность при восхождении на вершину.

Однажды днём Рената зашла в нашу палатку со странной улыбкой на лице. Я рассеянно взглянул на нее; мои силы ещё не до конца восстановились.

– Погиб один из тайваньцев, – сказала она. – Он упал в трещину.

– В этом нет ничего смешного, – сказал я ей, как мне показалось, более резко, чем следовало. Я сразу понял, что мне следовало говорить с ней более мягко.

Для меня смертельные случаи на горе были реальностью. Я был об этом предупреждён ещё до гибели Мэтса Далина. Известие о гибели тайваньца Чена Ю Нана, тридцатилетнего металлиста из Тайбэя, было страшным напоминанием от том, что я ранее знал: Люди очень ранимы здесь, в горах. Для Ренаты жизнь в базовом лагере была похожа на лёгкий отпуск. Люди едят орешки и чипсы, они немного выпивают и громко разговаривают на вечеринках. Смерть Чена Ю Нана была очень необычной для неё, и её лицо выражало скорее удивление и недоверие. Такое выражение лица обычно появляется у людей, когда узнают какие-то ужасные вещи, но ещё не знают, правда это, или нет.

Никто из близких людей Ренаты ещё никогда не погибал, и я чувствую, что было у неё в душе, когда тело тайваньца спускали вниз в синем мешке. Базовый лагерь для неё потерял свою невинность.

В четверг, 9 мая, стояла шикарная погода, как многие и предсказывали. Казалось, что южноафриканцы уже потеряли свой настрой, но команда Роба была в отличной форме, по крайней мере, если делать поправку на высоту. В 5 вечера они достигли Лагеря 4 на Южном седле на высоте 7900 метров. Вскоре туда поднялись и последние члены группы Скотта Фишера. В своих палатках они попытались поскорее заснуть. Вечером небо было усеяно звёздами, и Южная вершина очутилась в глубокой тени.

Через несколько часов им надо уже просыпаться... «но хлопанье палаток на сильном ветру и беспокойство по поводу предстоящего восхождения делали мучительными все попытки заснуть», писал Джон Кракауэр, находившийся в группе Роба. Почтальон Даг Хансен заявлял, что не спал уже несколько дней. Всего за две недели до отъезда в Непал он перенёс операцию на горле. Неудивительно, что дыша разрежённым сухим воздухом на большой высоте, у него заболела гортань. В Базовом лагере я слышал, как Даг время от времени с горечью говорил: «Моё путешествие подошло к концу». Тем не менее, Роб Холл постоянно подбадривал его, и было ясно, что новозеландец сделает всё, что в его силах, чтобы поднять Дага на вершину.

Даг Хансен был единственным небогатым клиентом Роба. С моей точки зрения, он также был единственным, кто больше всех мечтал взойти на Эверест. Он рассказывал мне, что думал об этом каждый чёртов день – и каждую чёртову ночь – с тех пор, как год назад Роб приказал ему повернуть домой, не дойдя до вершины сто метров по высоте. Даг был также одним из самых опытных участников в команде Роба. Он был в разводе, и ещё не женат, а его дети – Энджи и Джеми – уехали из дома, поэтому последние 15 лет он целиком посвящал себя альпинизму. В противоположность остальным клиентам в команде, у Дага было здесь кое-какое незавершённое дело.

Незадолго до полуночи альпинисты покинули Южное седло и вышли на штурм. В небе была видна комета Хякутакэ, что обеспокоило шерпов. Многие в команде уже устали ещё по дороге на Южное седло и от постоянного недосыпания. Некоторых мучил сильный кашель. Но всё же у всех была уверенность в успешном восхождении, к тому же погода была близка к идеальной. Ветер был на удивление слабый, и полная луна высоко в небе добавляла света к налобным фонарям альпинистов. Вначале Бек Уэзерс возглавлял колонну, задавая хороший темп, но вскоре он замедлился. Бек

недавно перенёс операцию на глазах, и когда он приехал на Эверест, то почувствовал, что на большой высоте из-за низкого давления он стал хуже видеть. Теперь, на высоте более восьми тысяч метров, его зрение ухудшилось. К тому же, приближалась плохая погода; атмосферное давление стало быстро снижаться.

Глаза Бека стали чувствовать изменения погоды. Роб Холл забрался к нему, беспокоясь за его здоровье. Неподалёку от Южной вершины на рассвете Бек сообщил Робу, что он с трудом может видеть. Роб посоветовал ему повернуть назад, но Бек возразил ему, что возможно его зрение восстановится, как только солнце поднимется выше над горизонтом. Роб согласился с этим и посоветовал подождать полчаса, а если зрение не восстановится, то оставаться на этом месте и затем спуститься вниз в четвёртый лагерь вместе с Робом, когда тот будет возвращаться с вершины.

Роб продолжил восхождение. Его группа разделилась, и у некоторых начались проблемы с дальнейшим подъёмом. Фрэнк Фишбек, редактор из Гонконга, уже повернул назад. Даже Даг Хансен, казалось, был готов сдаться, не смотря на свои мечты о вершине. Некоторое время он стоял неподвижно, как будто все силы покинули его. Вездесущий Роб добрался до Дага, что-то ему сказал, и почтальон пошёл дальше. Пока Роб занимался отстающими, более сильные участники группу ждали его выше на горе – указания Роба соблюдались беспрекословно.

Группа не должна растягиваться! Но в результате приказов Роба, мимо них прошли тайваньская команда и группа Скотта Фишера. И, зная Роба, это оказывало давление на него.

Скотт также изо всех сил старался поддерживать своих клиентов, но сегодня он шёл на пределе своих сил. Было неясно, что с ним происходит, возможно, он серьёзно истощил себя за последние несколько недель, мотаясь вверх-вниз по горе, инструктируя клиентов и готовясь к финальному штурму. Позже Карен Дикинсон сказала, что он мотался по горе туда-сюда, словно альпийский пастух.

Скотт Фишер был человеком себе на уме. Он никогда об этом не говорил открыто, оно он страдал от болезни, которую держал в секрете. В 1984 году

при восхождении на Аннапурну в Непале, он заболел странной болезнью, затронувшую его печень. В последующие году у него было несколько приступов малярии, и хотя он много раз обращался к врачам, никто не мог по-настоящему вылечить его. Согласно журналисту Джейн Броне, которая издавала об экспедициях «Горного безумия» статьи для веб-сайта журнала «Аутсайд», у Скотта недавно также случилось несколько приступов, иногда по одному каждый день.

Лучший шерп Скотта, Лопсанг Янгбу, также очень устал. Вчера он тащил тяжёлый спутниковый телефон Сэнди Питтман в четвёртый лагерь, а теперь при восхождении, он привязал себя к её обвязке и потащил её в гору. Этот инцидент позже будет иметь огласку в нью-йоркских газетах. Сэнди заявит, что она не желала, чтобы её тащили против её воли, словно плуг за быком, и что это продолжалось около полутора часов, другие же заявляли, что это длилось около шести часов.

Лопсанг Янгбу, который любил Скотта, и почитал его, словно отца, знал, насколько важна была Сэнди Питтман для гида-американца. Она приносила ему известность и деньги, и поэтому, когда Лопсанг увидел, что эта светская львица начинает отставать, то он решил во что бы то ни стало затащить её на вершину. Лопсанг был очень сильным шерпой, но то, что он делал, никому было бы не под силу делать достаточно долгое время. Поэтому, его оказание помощи Сэнди Питтман ещё существенно повлияет на ход событий в этот день, даже после того, когда они перестанут быть связанными одной верёвкой.

Время шло, и оно неумолимо начинало заканчиваться. Некоторые альпинисты считали, что на горе находится слишком много народа, так как на стандартном маршруте Хиллари-Тенцинга вскоре неизбежно начали собираться заторы. Когда альпинисты движутся по закреплённым стационарным верёвкам, на одной верёвке может находиться только один человек из соображений безопасности, поэтому в это время остальным, кто идёт следом, приходится стоять и ждать. В этот день задержек добавляли ещё и неопытные тайваньцы, и вдобавок прошлогодняя неудача Роба также оказывала моральное давление на гидов.

Поскольку никого на горе в этом сезоне еще не было, никто заранее не провешивал перильные веревки, которые нужны здесь для безопасного прохождения некоторых сложных участков, в особенности от Южной вершины до 12-метровой ступени Хиллари и на неё. Изначальный план был такой, что эти веревки провешают шерпы Анг Дордже из команды Роба и Лопсанг из команды Скотта, но, как уже известно, у Лопсанга было другое занятие, а Анг Дордже считал, что он уже и так немало потрудился.

Приближался полдень. Группа альпинистов сидела неподалёку от подножия ступени Хиллари, последней вертикальной стенки на пути к вершине. Некоторые из них сидят здесь уже около полутора часов. На всех надеты кислородные маски, сложно отличить одного участника от другого. Завывал ветер. Среди ожидавших находился Джон Кракауэр, чувствовавший себя абсолютно разбитым. Он услышал, как Нил Бейлдман, один из гидов-помощников Скотта, спросил у Анга Дордже:

«Эй, Анг Дордже, ты собираешься провешивать верёвки, или как?»

Анг Дордже еще ждал своего коллегу Лопсанга. Он выглядел расстроенным, и его ответ прозвучал, как удар хлыстом: «Нет!»

Бейлдман был немного озадачен этим заявлением, но он принял быстрое и верное решение – совместно с другими людьми из этой группы, Джоном Кракауэром и Майком Грумом из команды Роба и русским проводником Анатолием Букреевым из команды Скотта они принялись провешивать верёвки самостоятельно.

Внизу, в Базовом лагере, все начали понемногу волноваться, почему никто еще не поднялся на вершину.

«Уже слишком поздно, слишком поздно», – прозвучал голос опытного Анга Риты.

Будучи единственным альпинистом, находящимся в Базовом лагере, я был единственным, кто находился в депрессии. Все остальные были на горе, и мне было грустно думать, что вскоре все они поднимутся на вершину. Но после полудня, моя депрессия отошла на второй план, и я больше стал переживать за Скотта и остальных. Было уже два часа дня, но как мы знали,

никто ещё до сих пор не был на вершине. Мы постоянно слушали радиоэфир и ожидали, что вот-вот Роб даст команду на поворот вниз. Все знали, как строго он соблюдал временные интервалы при штурме, и я помнил, как он похвалил меня за то, что я повернул назад на Южной вершине неделей ранее.

«Это было чертовски мудрое решение со стороны Йёрана, – говорил он людям в Базовом лагере. – Любой идиот может подняться на этот холм. Главная задача – спуститься обратно живым».

Но время шло, а новостей сверху всё ещё не было. Когда мы встретили менеджера Роба Холла в Базовом лагере Хелен Уилтон, она выглядела отчаявшейся. А не так давно она танцевала на столе.

Мы с Ренатой переглянулись, и я первый раз подумал про себя: «Это всё катится к чертям».

Тем временем большинство альпинистов всё ещё находилось в верхней части юго-восточного хребта Эвереста. Роб Холл поднялся на вершину в 14:10, а это было слишком поздно. Тем не менее, он всё ещё находился там, ожидая Дага Хансена. Скорее всего, Роб думал о прошлогодней драме, когда он сказал Хансену повернуть незадолго до вершины, и возможно, он не мог допустить повторения этого, даже если ему и следовало сделать так из-за соображений безопасности. Но Даг не только работал день и ночь, чтобы достать деньги на экспедицию, ему также пришлось влезть в долги. Уже стоя на вершине, Роб был раздосадован тем, что большинство его клиентов – Джон Таске из Австралии, Фишбек, Уэзерс, американец Лу Касишке и Хатчинсон – все они повернули назад, не достигнув вершины. Его статистика успешных подъёмов сильно ухудшилась.

«Я всего лишь хотел, чтобы как можно больше моих клиентов достигли вершины», – сказал он Джону Кракауэру, который уже спускался вниз.

Небо всё ещё было ясное, но после полудня слали быстро набегать облака, и вскоре над Пумори и Ама Даблам небо начало темнеть, приближался шторм. Джон пожал руку Робу, и притворился, что у него всё в порядке, хотя на самом деле это было не так. По его мнению, проявление слабости было равно выказыванию неблагодарности по отношению к своему гиду. На самом деле, Кракауэр испытывал приступ нарастающей паники. Он

стоял на вершине Эвереста, одной ногой в Непале, другой – в Тибете, и там он понял, что, как позже он напишет, «пейзаж, простирающийся у меня под ногами, был совершенно неотразим». Он мечтал об этом моменте уже несколько лет, но теперь, стоя на вершине Эвереста, он не мог полностью насладиться этими положительными эмоциями.

Это могло быть из-за того, что Джон Кракауэр не спал уже в течение пятидесяти семи часов, и за это время он съел только несколько драже M&M's и одну чашку супа. А теперь ко всему прочему у него закончился кислород в баллоне. Он начал быстро слабеть. Когда на спуске он добрался до Южной вершины, то встретил там Энди Харриса, помощника Роба Холла, который проверял оставшиеся здесь кислородные баллоны. Джон крикнул Харрису, чтобы тот принёс ему новый баллон с кислородом.

«Тут нет кислорода! Все эти баллоны пусты!» – крикнул Харрис в ответ.

Когда Кракауэр добрался до Южной вершины, то он обнаружил, что, по меньшей мере, в шести баллонах ещё был кислород. Харрис отказывался поверить в это. Ничто, из того, что ему сообщил Джон, не могло поколебать его уверенности в обратном.

Сначала ты сходишь с ума, потом ты погибаешь – вот что обычно происходит на горе.

Незадолго до трёх часов дня поднимающиеся альпинисты собрались у подножия ступени Хиллари. «Там было много народа, словно очередь в супермаркете», рассказывал позже тайванец Макалу Го в интервью «Newsweek». Правда была в том, что много людей находилось в месте, совершенно не предназначенном для пребывания человека, и в особенности в это время дня. Шторм загнал Макалу Го на вершину, и, когда он добрался туда, то он ничего не смог разглядеть, кроме молитвенных флажков и снега под ногами. Всё кругом уже было скрыто облаками.

Нил Бейлдман достиг вершины вместе с группой альпинистов, среди которых была Сэнди Питтман. Они обменялись несколькими жестами триумфа по поводу восхождения, и потом после фотографирования, направились вниз. Никто из них впоследствии не помнил, были ли у Сэнди силы зарыть на вершине её драгоценное ожерелье. Все чувствовали, что

Сэнди совершенно вымотана. На пути вниз, группа встретила Скотта Фишера, который упорно шёл вверх. Он вскинул руку, слабо поприветствовав их.

Гид-звезда выглядел как будто озверевшим, и Бейлдман был удивлён, что Скотт продолжал идти вверх в столь поздний час, что было начисто лишено логики. Если бы это был кто-то другой, Бейлдман был бы взволнован, «но это был Скотт, и я не сильно о нём беспокоился», рассказывал Бейлдман «Outside Online». Он подумал, что Скотт скоро поднимется, а затем будет помогать спускать отстающих клиентов.

Скотт поднялся на вершину в 15:30, спустя полтора часа, когда следовало прекратить дальнейшие попытки восхождения. Наверху он встретил Лопсанга Янгбу, который уже долгое время ожидал его там. Ранее этим днём Лопсанг вырвало в результате полного истощения. Он немного восстановился, и мог двигаться, когда повстречал своего наставника Скотта Фишера.

Лопсангу было двадцать три года, но он уже был опытным альпинистом. Он впервые поднялся на Эверест в 1993 году, а годом позже он восходил вместе с Фишером в рамках экспедиции «Sagarmatha Environmental Expedition». Тогда они не поднялись на вершину, но вынесли с горы много тонн различного мусора. Это было начало поистине семейных отношений уровня отец-сын.

«Life» писал, что Лопсанг получил в подарок от Скотта серёжку на вершине Бруд-пика, и что Лопсанг начал отращивать волосы и заплетать их в косичку так же, как это делал Скотт. Позже Лопсанг посетит офис Скотта в Сиэтле и подарит его детям камень с вершины Эвереста. Многие люди говорили, что Лопсанг и Скотт были похожи друг на друга, и это льстило Лопсангу. Они оба были сильными альпинистами с ярко выраженной харизмой и пользовались популярностью у женщин. Лопсанг верил, что благодаря американцу он станет знаменитостью.

Теперь он в очередной раз стоял на вершине мира вместе со своим героем. В этот раз здесь было многолюдно. Тут же сидел Роб, ожидая Дага Хансена, на подходе был Макалу Гау вместе с двумя шерпами.

«Мы сделали это!» – сказал Скотт по радиации перед признанием своей усталости. Лопсанг почувствовал, что со Скоттом творится что-то странное. Он жаловался на свою усталость, чего никогда прежде не было, особенно в присутствии Лопсанга. Вдобавок Скотт заявил ему, что он болен и нуждается в лекарствах.

Чуть позже, Дженни Прайс, жена Скотта вот уже 15 лет, приняла звонок у себя дома, в Сиэтле. Пара переживала в этот момент нелёгкие времена. Не очень просто жить вместе с человеком вроде Скотта, который всё время находится в путешествиях. Тем не менее, они всё ещё были вместе, и если бы кто и знал, насколько важной для Скотта была эта экспедиция, так это была Дженни. Это дело принесёт им много денег, Скотт будет не зависеть больше от её зарплаты пилота, а это будет много значить для него в плане финансовой самостоятельности.

«Они все поднялись, у них всё в порядке», – сказали Дженни по телефону.

Уже много лет она получала подобные звонки, но сейчас впервые Скотт вёл свою собственную группу на Эверест. Дженни немедленно побежала к детям, Энди и Кэти Роуз и всё им рассказала.

Партнёр Скотта по бизнесу, Карен Дикинсон, открыла бутылку шампанского в офисе «Горного безумия». Согласно «Life», в тот день она поливала цветы, потому что Скотт всегда обвинял её, что цветы постоянно увядают, пока он находится в экспедиции. Она ещё не знала, что на Эвересте разразился шторм.

Задул ураганный ветер. Температура опустилась до -40 градусов, и в непрекращающемся снегопаде видимость была близка к нулю. Сэнди Питтман оставалась на Южной вершине, совершенно без сил. Она лежала, уткнувшись лицом в снег, и кричала Шарлотте Фокс, чтобы та вколола ей инъекцию дексаметазона прямо через одежду. Нил Бейлдман подошёл к Сэнди, и убедился, что она подключила новый баллон с кислородом взамен использованного. Сэнди же хотела лишь остаться, там, где она была, поэтому Бейлдман принялся тащить её за обвязку, заставляя её подняться на ноги и

идти самостоятельно. К счастью вскоре подействовала инъекция, и Сэнди побрела сама вниз сквозь белую пелену.

Скотт Фишер и Лопсанг также шли вниз. У гида начались проблемы, он не мог стоять, у него дрожали ноги. Каждые два шага он останавливался и садился в снег, чтобы отдохнуть. Вскоре он вообще не смог встать.

– Спускайся, – сказал он Лопсангу. – Я остаюсь, я слишком болен.

– Скотт, я тебя не могу оставить здесь, ты же знаешь.

– Спускайся, это приказ!

– Никогда!

Они находились на высоте 8700 метров, застигнутые штормом, и Лопсангу не надо было объяснять, что случится со Скоттом, если он останется один. Сам Лопсанг был в хорошей физической форме, но от гида осталась лишь тень того человека, которого Лопсанг любил годами.

В альпинизме существует несколько неписаных правил. Первое заключается в том, что если твой напарник как-то пострадал, то тебе необходимо сделать всё возможное, чтобы спасти его. Второе – тебе никогда не следует оставлять раненого или больного человека одного. И третье, только лишь при угрозе смерти самому себе, следует спастись. Вот о чём Скотт говорил Лопсангу, подумать о своей собственной жизни. Но нет же, Лопсанг не желал покинуть Скотта, и пока он обдумывал свои дальнейшие действия, Скотт сделал широкий жест рукой.

– Я спрыгну отсюда во второй лагерь, – сказал Скотт.

– Что?! – воскликнул Лопсанг.

– Я хочу спрыгнуть, никаких проблем!

Тем временем кругом грохотало, бушевал снежный шторм, и неподалёку били молнии. Раздался оглушающий грохот, и сверкнула яркая вспышка. У Скотта на лице больше не была надета кислородная маска, и казалось, что ураганный ветер вот-вот сдует его с обрыва, даже если он не спрыгнет сам,

как он говорил в своём помешательстве. Лопсанг привязал верёвку к американцу, который был тяжелее его на 30 килограмм, и стал тащить его вниз, навстречу надвигающейся темноте. Это было невероятное испытание. Лопсанг и так сегодня слишком долго тащил одного человека вверх на гору. Он продолжал спускать Скотта, пока в конец не выбился из сил. Затем он прикрепил Скотта верёвкой к скале, нагнулся и сказал «прощай». Скотт что-то пробормотал в ответ.

В этот момент двое других шерпов спускались вниз. Они тащили на себе тайваньского альпиниста Макалу Го, который был сильно измотан, и находился в тяжёлом состоянии, как и Скотт. После короткого диалога, шерпы привязали Го к Скотту.

Лопсанг немного постоял с ними, а затем двинулся вниз за помощью сквозь тьму и бурю.

Нил Бейлдман вспоминал, как неделей раньше он со Скоттом смотрел в небо, отыскивая Полярную звезду.

«Смотрите вверх!» – кричал он сейчас людям из своей группы, когда в разрыве облаков на небе показались звёзды. Он заставлял их продолжать двигаться и не заснуть во время сильного снегопада.

Альпинистам нужны были хоть какие-нибудь ориентиры, чтобы добраться до Лагеря 4 на обширном плато Южного седла. Снежная метель так сильно ослепляла, что порой было сложно отличить, где верх, а где низ. Более того, у них закончилась жидкость для восполнения водного баланса в организме, а еда замёрзла и стала несъедобной. Бек Уэзерс и японка Ясуко Намба уже упали, а теперь Шарлотта Фокс и Сэнди Питтман были готовы последовать их примеру.

«Мы хотели только свернуться клубочком и умереть», – рассказывала позже Шарлотта Фокс «Vanity Fair».

Русский, крепкий, словно гвоздь, Анатолий Букреев, в прошлом тренер сборной Казахстана по лыжным гонкам, уже вернулся в Лагерь 4. Он вместе с Бейлдманом был гидом-помощником у Фишера. Отношения между Букреевым и Фишером последнее время были натянутыми, и во время

последнего звонка Скотта в офис в Сиэтл Карен Дикинсон он высказался в суровом тоне, насколько он разочарован работой русского помощника. По его мнению, Анатолий мало работал. Сперва он утешал скорбящую вдову, потом зарабатывал известность, проходя скальные участки на Эвересте в обычных кроссовках. Но Букреев при всём этом был первоклассным альпинистом, и пока Скотт Фишер сидел на горе, Букрееву и Бейлдману пришлось выполнять его обязанности.

После того, как Анатолий поднялся на вершину, он тут же повернул обратно на Южное седло. В пять часов вечера, когда его клиенты боролись со штормом на спуске, Анатолий сидел в лагере и пил чай. Позже многим это не понравится, но Анатолий заявлял, что он понимал, что шторм застигнет медленных участников группы, поэтому он договорился со Скоттом, что он заранее спустится на седло за новыми кислородными баллонами и термосами с горячим чаем и отнесёт их наверх. Теперь Анатолий покинул безопасный Лагерь 4 и показал всю свою героическую сущность.

Он пытался позвать других людей присоединиться к нему в спасательной операции, но те, кто уже вернулся в свои палатки, были настолько слабы, что даже не могли ответить ему. Шерпы также отказались помочь ему. Поэтому Анатолий решил пойти в шторм в одиночку, чтобы попытаться спасти хотя бы кого-нибудь.

Мела метель, дул ураганный ветер, но всё было словно в непроницаемом тумане. Он ничего не видел вокруг себя, пока не заметил слабый блеск налобного фонаря. Затем он услышал чей-то крик и увидел несколько тел, лежащих на льду. Он распознал среди них Тима Мадсена из группы Скотта. Тим взглянул на него. Рядом с ним лежали Сэнди Питтман и Шарлотта Фокс, обе были без сознания. Бек Уэзерс выглядел безнадежным, а Ясуко Намба, казалось, уже умерла.

«Кого мне взять первым? – спросил русский сам себя. – Не того, кто сможет ещё немного протянуть, но и не того, кто и без этого умрёт».

При помощи Мадсена Анатолий прикрепил кислородный баллон, взятый с собой, к маске Сэнди Питтман. Затем он повёл Шарлотту Фокс, и через час они вернулись в Лагерь 4. И вновь Анатолий пытался найти кого-нибудь, кто

пойдёт помогать ему, но также безрезультатно. Второй он вытащил Питтман. Она была наполовину без сознания, поэтому Анатолию пришлось половину пути нести её на себе. Тем не менее, все его мысли были о Скотте, как он позже говорил в интервью «Life»: «я знаю, что Скотт в тот момент думал: «Анатолий поможет мне». Я знал, что он ждёт меня. Скотт очень сильный, он может пережить эту ночь, но ему нужна помощь – кислород и какой-нибудь напиток».

Когда Анатолий снова вернулся в Лагерь 4, то он уже был обессилен. У него не было больше никакой энергии, и он провалился в палатке в глубокий сон, всё ещё думая о Скотте.

Когда Анатолий проснулся на следующий день, то он был уверен, что Бек Уэзерс и Ясуко Намба уже мертвы. Он видел их лежащими рядом с Питтман, Фокс и Мадсенom, и после беглого осмотра решил, что этим двоим уже не помочь. Когда Нил Бейлдман узнал, что Ясуко Намба мертва, он сел и заплакал. Бейлдман никогда не забудет, как он пытался увести Намбу в безопасное место этой ночью. Позже он расскажет «Esquire», что люди кричали, чтобы их спасли, и он пытался поднять Намбу на ноги. Она схватила его за руку, но смогла подняться только на колени, а у него не было силы, кроме как пронести её лишь несколько шагов.

«Она была такой маленькой, – сказал он потом Кракауэру, – и я до сих пор чувствую её пальцы, скользящие по моим бицепсам, а затем опадающие без сил. Я даже не смог потом оглянуться и посмотреть на неё».

Анатолий решил снова отправиться в Зону Смерти. Он собрался идти спасать Скотта. Только лишь в семь часов вечера он нашёл гида на горе. Скотт был один. Шерпы были здесь несколько часов назад и спасли тайваньца Макалу Го. Анатолий проверил у Скотта признаки жизни. Их не было. Скотт ушёл. Американец потерял одну перчатку, и его куртка была растёгнута, как будто ему ночью стало жарко. У него в ухе была серёжка, как у Лопсанга, на шее у него был амулет с травами с его двора в Сиэтле и с прядью волос жены и детей. Руки Скотта находились в странном положении, как будто он хотел сделать что-то, возможно отряхнуть снег, но так и замёрз на полпути.

Анатолий накрыл лицо Скотта рюкзаком, затем забрал его ледоруб, карманный нож и фотоаппарат. Фотографии Скотта позже будут опубликованы в «Life». Затем Анатолий стал спускаться, поскольку снова приближалась ночь, и усилился ветер. Он сказал, что нашёл путь обратно в лагерь 4 благодаря странным крикам, которые он слышал в отдалении. Ему казалось, что кто-то шёл впереди него и вопил от боли.

Рано утром 11 мая мы услышали шаги около нашей палатки. Мы расстегнули молнию и увидели нашего офицера связи – непальского чиновника, который наблюдал здесь за нашим поведением.

– Мы полагаем, что на горе погибло 20 человек, – сказал он.

– Что? – воскликнул я.

– Никому ни слова по спутниковому телефону. Не передавать никакой информации.

Базовый лагерь находился в полнейшем замешательстве. Одни слухи быстро сменялись другими. Внезапно оказалось, что пропало десять человек, потом эта цифра возросла, чтобы скоро снова упасть. Почти сразу стало известно, что Роб Холл вместе со своим клиентом Дагом Хансеном были застигнуты штормом неподалёку от вершины. Также исчезли Скотт и Макалу Го, но о них проходила также информация, что они сидят где-то высоко на горе, привязанные друг к другу. Для меня это звучало абсолютно невероятно. О чём думал Скотт, поднимаясь вместе с дилетантом, подобному Го?

Ясуко Намба, с которой Рената успела несколько подружиться, по всей вероятности была мертва, так же, как и Бек Уэзерс. Также пропал помощник Роба Энди Харрис, а ещё трём индийским альпинистам, которые поднимались с противоположной стороны Эвереста через Северо-восточный хребет, также угрожала смертельная опасность. Поскольку в Базовом лагере почти не было альпинистов, мне надо было что-то предпринять.

«Ты можешь подняться наверх с лекарствами?» – спросили у меня.

Анг Риту и Ками Шерпу тоже просили выйти на гору, но они отказались. Они не хотели сопротивляться богу горы.

«Гора злится, – повторяли они вновь и вновь. – Люди не относятся к ней с почтением».

Было около полудня, наиболее опасное время для прохождения через Ледопад, поэтому моё участие в спасательной операции предстояло рискованным действием. Я увидел, как потемнели глаза Ренаты.

«А если ты тоже погибнешь? Неужто все остальные запаниковали?»

Нас всех трясло, и когда я вернулся назад после заброски наверх лекарств – мой поход прошёл без происшествий – я просто сел в нашей кают-компании. Ни у кого не было аппетита. Мы просто сидели там, и слушали голоса, доносящиеся снаружи.

Где-то неподалёку пролетел вертолёт. Позже я узнал, что это было японское телевидение. Кричали шерпы, люди бегали туда-сюда, пытаются узнать последние новости, и в этот момент я больше не мог сдерживать мысли, роящиеся у меня в голове. Это было как предательство по отношению к тем, кто погибал сейчас на горе, но я ничем не мог им помочь.

«Что мне делать теперь? Неужели мой собственный проект полностью провалился?»

Я подружился с теми людьми, которые остались там наверху, и это было ужасным мучением сидеть здесь без возможности оказать им какую-нибудь помощь. С другой стороны, я потратил много лет на подготовку этой экспедиции. Это было приключение всей моей жизни, и я не мог смириться с мыслью, что оно подошло к концу. С другой стороны, смогу ли я подняться снова наверх, после того, как эта шумиха утихнет? Что скажут обо мне люди, когда я буду проходить мимо тех, кто замёрз насмерть на склонах Эвереста?

Стюарт Хатчинсон, терапевт из Канады, который был в составе группы Роба Холла, утром 11 мая вышел из Лагеря 4, находящегося на Южном седле, вместе с четырьмя шерпами на поиски своих товарищей. Довольно быстро, следуя указаниям Анатолия, шерпы нашли два тела, безжизненно лежащих на снегу, близко к краю стены Кангшунг. У первого тела, что поменьше, лицо было покрыто толстой коркой льда. Когда Хатчинсон нагнулся над ним и на пронизывающем ветру очистил лицо ото льда, то он увидел, что это была Ясуко Намба. Она потеряла обе перчатки, а её руки были тверды, словно у манекена. Её зрачки были расширены, а кожа была цвета белого фарфора. К своему ужасу, Хатчинсон увидел, что она ещё дышит.

«Я был просто ошеломлён, – сказал он позже Кракауэру. – Я не знал, что мне делать».

Затем он повернулся к Уэзерсу. Лицо Бека было также покрыто толстой коркой льда, а его веки были запорошены снегом. Хатчинсон отряхнул снег, я в это время Уэзерс что-то пробормотал. Это прозвучало, словно голос, доносящийся из гроба.

«Он был так близок к смерти, насколько это было возможно, но всё ещё дышал», – рассказывал Хатчинсон Кракауэру.

Стюарт Хатчинсон обратился к шерпам за советом. Лхакпа Чирри призывал Хатчинсона оставить Уэзерса и Намбу лежать на месте. Он был очень уважаемым ветераном своего дела, и его ответ не значил, что он был слишком жестоким. В альпинизме надо в первую очередь сконцентрировать своё внимание на тех, кого ещё можно спасти. Крайне неразумно тратить энергию на безнадёжные случаи. Даже если бы они доставили бы Уэзерса и Намбу в Лагерь 4, то шерпа был уверен, что они всё равно умрут, не дойдя до Базового лагеря.

Чего Хатчинсон не знал, так это того, что происходило в тот момент у Уэзерса в голове. В прошлый день около пяти часов вечера Уэзерс встретил Джона Кракауэра, который в тот момент спускался с вершины. Уэзерс, дрожа от холода, сказал Джону, что ожидает Роба Холла, чтобы вместе с ним спуститься вниз.

Джон сказал ему, что Роба ждать ещё очень долго, и предложил начать спуск с ним. Уэзерс отказался, и решил дожидаться хотя бы Майка Грума, помощника Роба. Грум добрался до Бека спустя двадцать минут, но к тому времени небо уже потемнело, и видимость опустилась до нуля из-за густо падающего снега, хотя это было безразлично для Уэзерса, который всё равно ничего не видел. Уэзерс присоединился к группе Грума, но затем всё превратилось в какой-то невообразимый хаос. Люди кричали и хлопали друг друга по спине, чтобы не заснуть на этом ужасном холоде. Уэзерс постепенно перестал чувствовать свою правую руку. Он снял свою перчатку, чтобы спрятать руку под курткой, но внезапно налетевший порыв ветра сорвал вторую перчатку и унёс в пустоту.

Вскоре голоса вокруг него стали какими-то расплывчатыми и странными, и после этого Бек уже ничего не помнил. Ни то, как Хатчинсон нашёл его, ни то, что он что-то бормотал ему. Он помнил только внезапное пробуждение, не зная, происходило это во сне, или наяву.

«Я лежал на спине, скованный льдом, – вспоминал он позже Newsweek. – Это было холоднее всего, что вы можете себе представить. Моя правая перчатка исчезла, моя рука выглядела, будто из пластика... Я отчётливо видел перед собой лица жены и детей. Я понял, что мне осталось жить три или четыре часа, поэтому я собрал все силы и поднялся на ноги».

В Далласе, жена Бека Уэзерса, Пич, уже получила звонок от Мэделин Дэвид, помощника Роба Холла. Она сказала, что у неё ужасные известия. Пич Уэзерс сначала ничего не поняла, и спросила, неужто Бек пропал. Мэделин сказала ей, что он умер.

Три часа спустя телефон зазвонил вновь. На этот раз Пич узнала, что Бек жив, но находится в критическом состоянии.

Немного позднее раздался звонок у входной двери дома Скотта Фишера. Время было 5 утра, и жена Скотта, Дженни Прайс, спала, зная, что Скотт поднялся на вершину и у него всё в порядке. Но теперь ранним утром, у её дверей стояло несколько человек – её сестра, муж сестры, и лучший друг Скотта.

«Это Скотт... он ранен при спуске», – сказала сестра.

Вскоре её дети были разбужены её плачем.

Бэк Уэзерс брёл сквозь метель через каменные пустоши Южного седла. Он почти ничего не различал, всё было для него, словно в тумане, а ещё он, не переставая, кричал от боли – его тело буквально умирало от переохлаждения. Именно эти крики указывали Анатолию путь в Лагерь 4. Вскоре Уэзерс увидел перед собой странный камень. Тот выглядел гладким, но когда Бек буквально врезался в него, камень как будто подскочил.

«Камни не ведут себя таким образом», – подумал Уэзерс.

В 16:35 известные проводники из США Питер Этанс и Тодд Бурлесон, будучи на острие спасательной операции, разбили лагерь на Южном седле на высоте 8 тысяч метров. Бурлесон собирался вылезти из своей палатки, как вдруг увидел кого-то, идущего к нему навстречу. Он не поверил своим глазам, и позвал Этанса скорее подойти к нему. Пришелец поднял свою правую руку, словно салютуя спасателю, что своим видом напомнило Этансу какую-то мумию из дешёвого фильма ужасов. Бурлесон распознал в этой мумии Уэзерса, они уложили его в палатку, и дали ему воды и кислородный баллон. У Уэзерса были обморожены руки в нескольких местах, и появились чёрные пятна на лице. Его одежда так сильно задубела, что Бурлесону и Этансу пришлось буквально разрезать её, чтобы снять.

Час проходил за часом. Наступил вечер, а затем и ночь; людям в лагере 4 было некогда ухаживать за замороженным Бекком Уэзерсом. Утром 12 мая многие люди в лагере решили, что Уэзерс должен был умереть прошлой ночью. Его палатка была разорвана ветром, и никто уже не слышал от него ни звука в течение долгого времени. На самом деле Бек не спал, а просто лежал, непрерывно дрожа от холода. Ночью с него слез спальник, и он не мог залезть в него самостоятельно. Вместо этого он пытался кричать, но ураганный ветер постоянно заглушал его голос.

«Помимо всего прочего, моя правая рука сильно распухла. У меня были надеты наручные часы, и на морозе моя рука начала распухать, а ремешок от часов затягивался всё сильнее и сильнее, пока почти не прекратил приток крови к моим пальцам», – рассказывал Уэзерс в книге Кракауэра «В разряжённом воздухе».

В тот день ему помогли спуститься с Южного седла в Лагерь 2. В компании помощников оказались, помимо Этанса и Бурлесона, Дэвид Бришерс, Эд Вистурс и Вейкка Густафссон. Это мероприятие закончилось успехом, и по достижению Лагеря 2, Бек был помещён в палатку к сильно обмороженному Макалу Го.

Были предприняты попытки вызвать вертолёт во второй лагерь, чтобы забрать пострадавших в больницу, но лагерь 2 находился на высоте 6300 метров, куда не ранее не поднимался ни один спасательный вертолёт. Наконец американское посольство сделало запрос к армии Непала в помощи.

Подполковник Мадан Кхатри Чхетри из Катманду, вылетел к пострадавшим на вертолёт, который был максимально облегчён для подъёма на такую высоту. Из вертолёта было убрано абсолютно всё лишнее, и даже топлива было залито ровно на один полёт. Чхетри совершил два героических вылета в Лагерь 2 из Базового лагеря, сперва подобрав Го, а затем Уэзерса, после чего доставил обоих в больницу в Катманду.

Пилот рассказывал позже в интервью Newsweek, что Макалу Го смеялся во время всего полёта с мыслями, что ему удалось обмануть саму смерть.

Поздно вечером 11 мая Роб Холл находился всё ещё на горе, всего лишь в паре сотен метров ниже вершины. Было невероятно, что он ещё был жив. Роб поднялся на вершину в 14:10 10 мая, затем прождал там почти два часа 47-летнего Дага Хансена. Кажется необъяснимым тот факт, что Роб позволил Дагу подняться на вершину так поздно в тот день, потому, что он должен был понимать, что по какой-то причине Даг не мог идти в нормальном темпе. Обычно Роб мыслил логично, но в тот день его эмоции взяли верх. Когда Даг уже подходил к вершине, Роб немного спустился вниз, чтобы встретить его, положил его руку к себе на плечо и повёл его наверх.

В 16:30 10 мая Роб вызвал по радиации Базовый лагерь, и сказал, что они находятся на вершине Ступени Хиллари, и что им требуется кислород. Ему было сказано, на Южной вершине их ждут два баллона с кислородом.

Было чертовским невезением, что Энди Харрис, помощник Роба, также слышал это сообщение из Базового лагеря. В то время он уже серьёзно повредил себе рассудок, даже если его голос звучал чётким и ясным. Немного ранее он сказал Джону Кракауэру, что «полные» баллоны с кислородом на Южной вершине были на самом деле пустыми, а теперь он повторил то же самое и Робу.

Именно из-за этого Роб не стал спускаться дальше, чтобы попробовать забрать эти баллоны. Вместо этого он попытался спустить Дага Хансена вниз, хотя ни у кого из них уже не оставалось кислорода в баллонах. Совершить задуманное казалось почти невозможным. Даг находился в состоянии полного истощения, и двое альпинистов оказались застигнутыми врасплох в

сгущающейся темноте на краю земли. В 17:36 Роб говорил по рации с гидом из Новой Зеландии Гаем Коттером, который возглавлял экспедицию на соседнюю гору Пумори.

Коттер был хорошим другом Роба. Он говорил Робу оставить Дага и продолжить спуск в одиночку. «Я знаю, что это звучало по-дурацки, просить Роба оставить своего клиента», – говорил Коттер Кракауэру, «но тогда было очевидно, что это был единственный шанс для него на спасение».

Возможно, Роб и мог спуститься в одиночку, но его обещание Дагу было священным: он не уйдёт с горы один. Точно не известно, что происходило с Робом в следующие несколько часов, на последующих сеансах радиосвязи Роб выражал обеспокоенность об остальных клиентах. Затем переговоры прекратились. Около 3 часов утра Гай Коттер проснулся в своей палатке в паре миль от Базового лагеря Эвереста из-за голоса, доносившегося из его рации: «Продолжай двигаться!», звучавшего на фоне завывающего ураганного ветра.

Гай Коттер подумал, что это мог быть голос Роба. Он не мог сказать этого с уверенностью, но скорее всего он был прав. Микрофон от рации Роба был прикреплен к его плечу, и иногда он включался самостоятельно. Наверное, тогда Коттер услышал последние попытки Роба спустить Дага. Он уже пытался сделать это последние 11 часов, но они смогли преодолеть лишь очень небольшое расстояние.

Когда рано утром 11 мая Роб вызвал по рации Базовый лагерь, он находился ниже ступени Хиллари на Южной вершине. Его голос звучал очень сконфуженно. С ним поговорила врач группы Кэролайн МакКензи.

Он сообщил ей, что у него замёрзли ноги и добавил: «я стал слишком неуклюж, чтобы продолжать спуск».

– Как там Даг? – спросила Кэролайн.

– Дага нет, – ответил Роб и прервал радиосвязь.

Роб так и не объяснил, что произошло с Дагом. В переговорах он больше не вспоминал о почтальоне, а люди в Базовом лагере не хотели оказывать на

него давления. Они всё время пытались подбодрить его, заставить снова спускаться, и не беспокоиться о клиентах, но Роб продолжал спрашивать, как у них дела, как там Бек, Энди и Ясуко?

Когда он снова вышел в эфир, то сказал, что у него ужасный озноб, но вскоре над горами вошло солнце, которое принесёт тепло на Южную вершину. В базовом лагере появилась слабая надежда на спасение Роба. «Может быть, кто-нибудь сможет туда подняться и спасти его», – думали люди. Но остальные знали, что это почти не возможно. Это знала и жена Роба, Йен Арнольд, живущая в Крайстчёрче в Новой Зеландии.

Йен Арнольд была терапевтом. Она познакомилась с Робом во время работы в Периче в Непале, больнице по болезням, связанным с нахождением на высоте. На их первом свидании Роб предложил совершить совместное восхождение. Вскоре после этого они взойшли на Чо-Ойю, затем на массив Винсон, высшую точку Антарктиды. В мае 1993 года они стояли рука об руку на вершине Эвереста, а когда Роб вернулся к горе в 1994 и 1995 годах, Йен Арнольд была в составе его экспедиции в качестве врача. Она хотела пойти и в этот раз, но теперь она была на седьмом месяце беременности их первым ребёнком, поэтому Кэрлайн МакКензи заняла её место.

В тот момент Йен Арнольд находилась дома, в Крайстчёрче. С ней связались по спутниковому телефону и положили рядом с рацией, чтобы она могла поговорить с Робом. Она попыталась представить себе шторм на высоте 8800 метров, она знала, как выглядит вершина, поскольку сама была там раньше. Ей было очевидно, что невозможно спастись из такого места, особенно после 12-часового отсутствия кислорода. В пять утра по непальскому времени она первый раз поговорила с Робом. Его речь была невнятной. Йен сказала, что он нёс какую-то чушь.

Позже тем же утром шерпы Анг Дордже и Лхакпа Чхири совершили героическую, но неудачную попытку по спасению Роба. Тем временем Роб нашёл кислородные баллоны на Южной вершине, которые, по утверждению Энди Харриса, были пустыми. Роб счистил наледь со своей кислородной маски, вдохнул кислорода из баллона и почувствовал, как к нему возвращаются силы.

«Я спускаюсь», – повторил он несколько раз, но так и не начал движение.

Его сознание было вполне ясным, но его тело уже не выполняло команд. Его коллеги в Базовом лагере пытались уговорить его начать спуск, что сильно разозлило его. Кракауэр вспоминал слова Роба: «Если бы я мог завязывать узлы на верёвке своими обмороженными пальцами, то я бы спустился уже шесть часов назад. Просто пошлите ко мне пару человек с термосом чего-нибудь горячего, и я буду в порядке».

Мы с Ренатой слушали эти переговоры, сидя в тёмно-зелёной палатке около хорошо оборудованной кают-компания экспедиции Роба Холла. У них был факс, различное компьютерное оборудование и спутниковый телефон. Там собралось много народа – это место стало первоисточником данных о событиях, происходящих на горе.

Несколько керосиновых ламп освещали эту палатку, создавая особую атмосферу. Или же это были лампы, заряжающиеся от солнечных панелей? Я уже не помню. Люди, сидящие по углам, выглядели словно тени, и иногда свет от ламп давал отблески на их лицах. В помещении было тихо и торжественно, словно в церкви. Люди сидели в обнимку на надувных матрасах, время от времени кто-то перешёптывался и бормотал что-то про себя. Так происходило целый день.

Мы с Ренатой то выходили из палатки, то заходили обратно. Порой у нас было ощущение, что мы являемся свидетелями чего-то жуткого, но в то же время личного, но мы не могли оставаться в стороне. Нам надо было знать, что происходит. Я сделал набросок горы и отметил на нём местоположение альпинистов. Другие тоже сделали подобные планы, поэтому мой вклад в общее дело был незначительным, но что мне ещё оставалось делать?

Вскоре характер переговоров с Робом изменился. Люди стали давать ему меньше советов по поводу спуска, вместо этого они пытались отвлечь его, и хотя бы немного облегчить его муки.

«Подумай о своём малыше. Ты можешь увидеть его личико через пару месяцев, поэтому продолжай двигаться», – сказала ему Хелен Уилтон.

Другие уговаривали Роба больше шевелиться или делать себе массаж, чтобы восстановить кровообращение.

«Ты помнишь, как мы весело проводили время в Индонезии?» – спрашивал кто-то, и мы почувствовали, как дружеское тепло влилось в наш разговор.

Позже, когда Роб не ответил, все сильно забеспокоились.

Мы сразу поняли, что пальцы Роба окончательно потеряли всякую чувствительность. Он больше не мог нажимать кнопку вызова на своей рации. В 18:20 был его последний сеанс связи с нами. Некоторые утверждают, что какие-то радиостанции поймали этот разговор. В тот раз с Робом говорил Гай Коттер, и сообщил ему, что на связь снова вышла Йен Арнольд.

– Дайте мне минутку, – сказал Роб. – У меня пересохло во рту. Я хочу поесть немного снега перед разговором с ней.

Затем он услышал её.

– Я не могу передать, как сильно я скучаю по тебе, – сказала она. – Дорогой, тебе тепло?

– Мне достаточно комфортно, если принять во внимание то место, где я нахожусь, – ответил он.

– Как твои ноги?

– Я не снимал свои ботинки, но полагаю, что ноги несколько обморожены...

– Я надеюсь, что тебе станет гораздо лучше, когда ты вернёшься домой.

– А я надеюсь, что сейчас ты лежишь в уютной тёплой кровати.

Они еще говорили какое-то время о том, как назвать их младенца, затем Йен сказала:

– Не чувствуй себя одиноким. Я посылаю тебе всю свою позитивную энергию.

– Я люблю тебя, – ответил Роб. – Спи спокойно, золотце. Пожалуйста, не беспокойся так сильно обо мне.

– До скорой встречи.

Пережившие трагедию альпинисты возвращались домой. Базовый лагерь разъезжался. Казалось, что нас одних оставили здесь. У меня самого оставалось совсем немного времени. Скоро наступит муссон, и мои шансы восхождения на Эверест исчезнут с приближающейся непогодой. Однажды к нашей палатке подошла Хелен Уилтон, она выглядела встревоженной и смущённой.

– Вам что-нибудь надо? – спросила она, словно беда коснулась нас, а не её.

– Нет, – ответили мы. Она какое-то время постояла около нас, говоря обо всём, что помнила, затем внезапно побледнела и вышла. Когда она вернулась снова, у неё было заплаканное лицо.

«Это всё неправда, этого не могло произойти», – сказала она.

Когда мы попытались успокоить её, она рассказала нам, что в тот день у неё был день рождения.

«Теперь я никогда не смогу отмечать свой день рождения. Это так ужасно. Я ещё даже не звонила своим детям. Я очень хочу это сделать, но как мне это рассказать им?»

Теперь Хелен возвращалась домой, оставляя нам своё ощущение пустоты и отчаяния. Это было, словно остаться на вечеринке, когда остальные гости уже разошлись по домам. Исчезла вся радость, а осталось чувство слишком быстро летящих дней. Магнус и Фредерик также покинули нас, и мне казалось, что Рената тоже хочет уехать, хотя на самом деле она и не хотела этого. Мы оба знали, что для меня возвращение домой без второй попытки восхождения будет непереносимым событием. Но теперь никто не верил, что мне удастся задуманное, я чувствовал это. Я уже привык к этому, и это придавало мне сил. Здесь я прослыл неудачником.

Мне стали часто названивать журналисты. Жаннет Конан – жена ведущего из “60 Minutes” Стива Крофта, представляющая журнал Vanity Fair, расспрашивала меня о судьбе Сэнди Питтман.

Многие люди рассказывали об её хорошем характере, включая Дэвида Бришера, который снова и снова защищал её стиль восхождений. Бесспорным фактом является то, что Сэнди была в прекрасной физической форме, как и то, что она была самым малоопытным участником экспедиции. С другой стороны, высокомерия у неё тоже хватало. В деревне Периче она наняла вертолёт за две тысячи долларов, чтобы добраться до Катманду как можно быстрее, и пригласила с собой Тима Мэдсена и Ингрид Хант. За ту же сумму она могла бы нанять русский вертолёт, чтобы вывезти всю экспедицию, в особенности тех, кто спас её жизнь.

Смерть Скотта Фишера была отчасти обусловлена тем, что он буквально сжигал себя, помогая на горе неопытным альпинистам вроде Питтман. Сэнди удалось выжить только потому, что её буквально на руках вынесли с горы Анатолий Букреев и Нил Бейлдман. Однако, в своих интервью Newsweek и NBC, она ни словом не обмолвилась о своих спасателях. Когда позже в очередном интервью её спросили напрямую, почему она не благодарит людей, спасших её, то, согласно Vanity Fair, она переспросила, о каких именно джентльменах идёт речь.

Это звучит грустно, но Роб и Скотт погибли, потому что очень сильно были связаны с теми любителями гор, которых они сами вызвались сопровождать. Поэтому Сэнди считала, что в её ситуации не было никаких героев.

Некоторые из клиентов выбрали Эверест своим первым объектом восхождения, некоторые лишь тренировались у себя дома на невысоких скалах. Что касается меня, то я долго шёл к своему первому восьмитысячнику. Все свои ошибки я проделал в более низких горах. Перед тем как прийти сюда, я взошёл на пик Ленина, Музтаг Тауэр, пик Победы, Чо-Ойю, К2 и Брод-пик. Я жил в гравийном карьере, многому учился и тренировался, словно сумасшедший. И при этом я всё ещё не застрахован от опасностей. Ни один альпинист не может быть в безопасности на Эвересте. Сагарматху, Джомолунгму нельзя просто так покорить.

Многие люди наивно верят, что они находятся в безопасности, будучи на попечении у горных гидов. При этом они перекладывают свою ответственность на гидов, не осознавая, что соло-восхождения или

восхождения с другом или напарником – и восхождения с «нянькой» в горах – это две совершенно разные вещи.

Многие люди занимаются альпинизмом больше с целью саморекламы, нежели просто с целью получения удовольствия от самого процесса восхождения. Мне тоже нужна известность, я живу за счёт неё, но в первую очередь, меня влечёт любовь к горам и к путешествиям. Мне больно смотреть на то, как Эверест и остальные вершины становятся всего лишь трофеями в различных офисах. Я считаю, что «коллекционирование» этих священных гор портит здешнюю атмосферу.

Коммерциализация Эвереста всё возрастает, и это увеличивает риски восхождения. Дэвид Бришерс был первым профессиональным альпинистом, который привел клиента, своего друга мультимиллионера Дика Басса, на вершину Эвереста в 1985 году. Бассу тогда было 55 лет, и он стал самым старым человеком, достигнувшим вершины. Как я сказал ранее, Дик Басс, вместе с норвежцем Арне Нессом, были первыми богачами, отправившимися на вершину мира. Но тогда, 11 лет назад, весь Эверест был в распоряжении Бришерса и Басса. Они вдвоём стояли на вершине, разглядывая обширные пространства вокруг них. Нынче же на горе очень оживлённое движение. По мнению многих, кто был там 10 мая, основная причина произошедшей трагедии заключалась в том, что на горе было слишком много людей в тот день, идущих на вершину одним путём.

Даже не смотря на то, что Роб Холл и Скотт Фишер по-своему заслуживают уважения, они сами отчасти были виноваты в создании подобного «спектакля» на Эвересте. Именно из-за денег, выплачиваемых гидам богатыми клиентами, сами гиды, которые обычно в начале карьеры сильно ограничены в финансах, порой не могут заставить себя отказать клиенту, которому на самом деле не следует идти на гору. В одном интервью Life Эдмунд Хиллари говорил, что он однажды встретил одного из клиентов Роба Холла, человека, который вообще не имел никакого опыта восхождений. Этот человек просто имел в наличии несколько лишних десятков тысяч долларов, и Роб взял его в команду. Спрашивается, зачем? Из-за денег? Из-за самоуверенности Роба, как горного гида?

Эдмунд Хиллари сказал также, что возрастающая коммерциализация Эвереста заставляет людей более снисходительно относиться к горе, а это может быть очень опасно. Тебе надо бояться Эвереста, чтобы выжить на Эвересте, и никто не может гарантировать тебе безопасность, даже за 65 тысяч долларов. Деньги заставляют людей идти на неоправданный риск. Что же произошло в тот день на горе? Два лучших гида в мире нарушили правило не восходить на вершину после двух часов дня. Заставил бы Роб Холл подняться на вершину Дага Хансена в столь позднее время, если бы Хансен не заплатил бы ему крупную сумму денег? Я не знаю. Роб часто говорил, что на восхождении тебе надо проявлять уважение ко времени, так же как и к горе.

«Я не собираюсь рассуждать о толерантности на горе, – цитировал Кракауэр слова Роба Холла перед началом восхождения. – Моё слово является непреложным, а если у вас имеется другое мнение, то я рад буду выслушать его по возвращении назад, но не наверху».

Тем более странно, что он не дал распоряжений своим клиентам повернуть назад. Вместо этого он сидел на вершине мира до четырёх часов дня в ожидании клиента, который мечтал подняться на Эверест. Это может звучать прекрасно, но, со всем уважением к Робу, это было чистой воды безумство.

Возможно, также между двумя гидами велось некое соревнование, в конечном счёте сыгравшее свою роль. Роб привёл на вершину уже 39 клиентов и был королём этого бизнеса, но в этом году ему бросил вызов человек, которых запрашивал со своих клиентов такую же сумму, и который жил в США, где живёт большинство богатых людей. Кроме этого, у Скотта была яркая внешность, позволяющая ему без проблем выступать на телевидении и давать рекламу. Роб видел, что все клиенты Скотта поднялись на вершину, включая Сэнди Питтман, в то время как многие из его группы сдались и повернули назад. Возможно отчасти это было причиной того, что Роб ожидал на вершине Дага Хансена.

Тогда появилась реклама, в которой прямо заявлялось о 100-процентном успехе в восхождении на Эверест. Я не понимаю, как можно было писать такое, зная, что к тому времени на горе погибло уже более ста пятидесяти

человек? Йен Макнот-Дэвис – президент международной федерации скалолазания и альпинизма – предполагает, что нынче надо вселять в сердца новичков горвосхождений боязнь и трусость, нежели отвагу и безрассудство. Он также считает, что тот, кто ни разу не был ни на одном из восьмитысячников, не имеет права совершать восхождение на Эверест, и он прав.

Возможно, многие люди смеются над мировоззрением шерпов, которые видят в каждой буре на горе возмездие Эвереста или ярость богов. Можно сколько угодно отрицать их верования, но я чувствую себя как-то иначе, находясь высоко в горах Гималаев, и мне кажется, что в этом месте проще говорить об Эвересте, как о живом существе. Таким образом у человека меняется его отношение к горе, возрастает уважение к природе, что повышает шансы на безопасное восхождение.

Многим может показаться, что я хочу выглядеть каким-то умником. Я знаю, что у меня есть свои недостатки, и что я много раз сам балансировал на грани жизни и смерти. Можно сколько угодно рассуждать задним числом, всё могло произойти и иначе: меня могло занести снегом на горе, а Роба и Скотта чествовали бы, как героев. Возможно, тогда бы они критиковали меня.

Я всё ещё хочу противопоставлять себя по отношению к Сэнди Питтман и людям, подобным ей. Я всегда хотел совершать восхождения только на своих собственных силах, не используя дополнительный кислород. Я не хочу засорять гору пустыми кислородными баллонами. Более того, я не хочу ничего скрывать, наоборот, теперь, после случившейся трагедии, я открыто заявил об изменении моих принципов. Я начал питаться едой, приготовленной нашим поваром в Базовом лагере. У меня не было выбора. Я сильно поистрепался, мне надо было привести себя в порядок, чтобы попробовать подняться на вершину ещё раз, даже если у меня были сомнения. Эверест, казалось, ещё был в гневе, мы постоянно слышали завывания ураганных ветров. Неужто в этом сезоне больше не будет хорошей погоды?

Многие шерпы уже потеряли всякую надежду на продолжение сезона. Они были подавлены, расстроены и очень хотели домой. Возможно, они размышляли, на ком Джомолунгма выместит свой гнев в следующий раз. Я

понимал их. 9 мая на горе погиб тайванец Чен Ю Нан. 10 и 11 числа погибли Энди Харрис, Роб Холл, Даг Хансен, Скотт Фишер, Ясуко Намба и альпинисты из Индии Тсеванг Сманла, Тсеванг Палджор, и Дордже Морап. По возвращении домой в Даллас, Бэку Уэзерсу ампутировали правую руку, а также все пальцы на левой руке. Также доктора отрезали ему нос и заменили новым. Как я слышал, его лицо осталось покрыто чёрными пятнами – своеобразными отметинами после визита в царство смерти. Кроме того, его стали постоянно мучить кошмары. Тем не менее, он испытал некоторое чувство эйфории в результате его необыкновенного спасения, и считал, что он просто чудом избежал гибели.

Я, как и остальные альпинисты с Запада, всё ещё остававшиеся в Базовом лагере, долго рассуждали на тему того, сможем ли мы предпринять новые попытки восхождений после всего случившегося. Даже некоторые участники проекта IMAH, имевшего бюджет в пять с половиной миллионов долларов, считали, что настало время отправляться домой. Однако в итоге все остались здесь. Следующие несколько дней мы наблюдали за погодой, узнавали репортажи различных метеорологических институтов и сравнивали их результаты. Мы знали, что сезон восхождения подходит к концу, и нам надо было успеть взойти на гору в очередной период некоторого затишья, пока наступающий муссон окончательно не принёс метели и ураганные ветры на Эверест.

17 мая, когда я вышел из Базового лагеря и направился в сторону ледопада, произошла ещё одна трагедия, как будто их было недостаточно в прошедшее время. Австрийский альпинист, Рейнхард Власич, восходивший без дополнительного кислорода, достиг штурмового лагеря на Тибетской стороне, где, уже находясь в палатке, почувствовал недомогание. Вскоре он потерял сознание и умер, возможно, одновременно от отёка мозга и лёгких.

Хесус, я и несколько других альпинистов, среди которых были члены группы IMAH и участники экспедиции из ЮАР, уже были на пути в Лагерь 4. Напряжение в Базовом лагере нарастало. Рената, наш повар-шерп и все наши носильщики были раздражёнными и беспокойными.

Однажды, сидя в палатке, Рената услышала жуткий треск, доносящийся снаружи. Она тут же выскочила наружу, и к своему ужасу увидела, что

обрушился деревянный шест на алтаре Базового лагеря! Для шерпов сложно было представить худшего знака судьбы, предвещающего очередные неудачи и трагические случаи.

«Теперь всё будет только ухудшаться», – подумала Рената. Даже такая чувствительная женщина, как она, быстро стала суеверной, побывав в Базовом лагере всего пять недель. Местные жители сказали ей, что надо сжечь одно растение, чтобы задобрить богов, но ничего такого здесь поблизости не росло. Вместо этого Рената и шерпы стали сжигать всё, что попадалось им под руку. К счастью, тогда я этого ничего не знал, она не рассказывала мне об этом событии. Зловещего завывания с вершины мне было достаточно.

Ураганный ветер ревел, словно турбина истребителя. Мы с Хесусом сидели в Лагере 4 в палатке, оставленной тайваньцами. Моя собственная палатка, поставленная на 100 метров ниже, была унесена штормом, разразившимся здесь 10 мая, поэтому нам пришлось разместиться в палатке тайваньцев. На потолке палатки находилось изображение носорога, и под ударами ветра по его туловищу каждый раз проходили спазмы. Хесус сидел, закутанный в куртку с капюшоном, с ровным загаром на лице и подстриженной бородкой. Я, в свою очередь, довольно сильно обгорел. Кожа облезала с моего красного распухшего оса, из-за чего я был похож на какого-то алкаша. Вдобавок я начал страдать от сухого кашля, буквально разрывавшего меня изнутри. Я чувствовал себя очень уставшим, и, честно говоря, я начал терять надежду на успешное восхождение. Хесус также в сомнениях качал головой.

– Very many windows (очень много окон), – произнёс он. Мне потребовалось время, чтобы понять, что он сказал.

– А, – наконец ответил я, – ты имеешь в виду «very many winds (очень много ветра)», как будто единственной его ошибкой было добавление лишней гласной в слове. Мой испанский язык был безобразен, английский у Хесуса был и того хуже, и иногда мы не могли чётко объяснить друг другу, что хотели сказать. Но мы были опытными альпинистами, отлично понимавшими друг друга без разговоров. Вот и сейчас, нам не нужно было говорить друг с другом, чтобы понять, что ветер всё никак не утихает.

«Я не вполне уверен в том, что завтра окажусь на вершине», – произнёс я на свою камеру, хотя именно сейчас стояла наиболее подходящая погода для восхождения. «Я надеюсь, что ураган не ударит по нам, ибо тогда нашу палатку просто сметёт отсюда и нас вместе с ней, – пошутил я и затем добавил в слегка безумном ключе – но ведь будет всё в порядке!» – и подмигнул камере.

Это выглядело очень комично. Выглядев абсолютно разбитым, с голосом как у призрака, я сильно переживал за своё состояние. Тем не менее, у меня были силы шутить и подмигивать, притворяясь, будто я нахожусь в

хорошем расположении духа. Я открыл дверь палатки и сделал серию кадров Южной вершины, выделявшейся прямо над нами на фоне синего неба, затем направил камеру на окружающий нас пейзаж, где кругом на камнях валялись зелёные кислородные баллоны, пара мешков для тел и серая палатка, готовая вот-вот сорваться и улететь в бездну. Адское это было местечко, Южное седло Эвереста!

«Я никогда не видел ничего подобного», – произнёс я на камеру. Мой голос звучал безнадежно.

Эверест не желал меня видеть. После двух жутких дней, проведённых в Лагере 4, мы вернулись в Лагерь 2 на высоте 6300 метров, где встретили Анг Риту, команду IMAH и француза Тьерри Ренара. Тьерри был бородатым мужчиной с длинными волосами, который ранее много путешествовал в Южной Америке. По его рассказам, однажды он встретил некое племя индейцев, одна из традиций которого была следующей: при рождении ребёнка отец должен был отрезать его пуповину, после чего взойти на какую-нибудь гору, и оставить пуповину там, чтобы его ребёнку в жизни сопутствовала удача. Тьерри очень понравилась эта традиция, и поэтому он отправился сюда, чтобы оставить пуповину своего собственного ребёнка на вершине Эвереста. Сейчас она находилась у него в рюкзаке в плотно запечатанной банке.

Дэвид Бришерс, лидер группы IMAH, был в Лагере 2 вместе с восемью шерпами. Он сказал, что, по всей видимости, через два дня будет наиболее благоприятная погода для восхождения. Что касается меня, то я чувствовал себя всё более и более уставшим. Мои последние два дня пребывания в Лагере 4 сказались сильнее на моём самочувствии, чем я предполагал. Я понял, что если мне и в этот раз не удастся подняться на вершину, то придётся паковать вещи и уезжать домой. Если же я отправлюсь наверх, то это будет моя третья попытка бескислородного восхождения за трёхнедельный период. Думаю, что немногие люди пытались так повернуть задуманное здесь.

«Возможно, они были умнее меня», – подумал я.

Мы решили попробовать добраться до вершины 23 мая, и я договорился с Анг Ритой, что он понесёт мою видеокамеру. Возможно, это прозвучало, как ещё одно отклонение от моих первоначальных принципов, но видеокамера не являлась предметом первой необходимости на горе, а была лишь всего лишь средством для доказательства того, что мне удалось подняться на вершину.

Анг Рита, Хесус и я разместились в палатке, предназначенной для двоих человек. Кругом валялись чьи-то вещи, и мне пришлось использовать вместо подушки какую-то кастрюлю. Внезапно снаружи разыгралась очередная буря, которая как я знал, должна быть короткой. Она просто обязана была вскоре утихнуть!

Утром 21 мая мы в очередной раз вышли из Лагеря 2.

«Это наш последний шанс, – сказал я на камеру, – и нам нельзя упустить его».

Тем временем у Ренаты впервые в жизни разыгрался ревматизм. Помимо этого она устроилась в Базовом лагере сравнительно неплохо. Вначале своего пребывания здесь она шутила, что скучает по дому. Теперь ей было не до шуток, ей всё здесь порядком надоело, и она отчаянно хотела, чтобы я добрался, наконец, до вершины, и мы могли уже уехать отсюда. Перед тем, как я отправился к Ледопаду, она обняла меня и сказала коротко «Пока!», как будто она не собиралась более откладывать наш отъезд отсюда. Как мне показалось, она боялась, что не сможет отпустить меня. Мы оба знали ставки, и катастрофа 10 и 11 мая разделила нас, словно барьер. Мы не упоминали этого в наших разговорах, но всё же беспокойство обо мне очень сильно давило на неё.

Затем, когда я повернул назад из Лагеря 4 из-за продолжающейся непогоды, шерпы в Базовом лагере бродили около неё, с выражением лиц, как будто говорящим: «Ну что, теперь поняла? Гора сердится. Больше никто не поднимется на неё в этом году»

Теперь я лез на гору вместе с командой IMAH, и Базовый лагерь казался совершенно покинутым. Все понимали, что мы совершаем восхождение в

период «одалживаемого затишья», что сезон восхождений уже закончился. Я знал, что я мог посостязаться с горой в последний раз.

Ночью 22 мая в небе ярко светили звёзды. Рената перенесла свой спальник в нашу кают-компанию. Обычно она не спала там, но сейчас она хотела быть как можно ближе к радиостанции, которая стояла тут на старом ржавом столе. В этой палатке не было освещения, и Рената просто надела налобный фонарик, и, лёжа на спине, вглядывалась в темноту в ожидании звуков из рации.

За время, проведённое в Базовом лагере, она много читала, например трилогию «Властелин колец». Но сейчас она не могла ни спать, ни читать. «Нехорошо спать, пока Йёран находится на горе, – подумала она. – Мои мысли должны быть обращены к нему». Про себя она перечислила все причины, почему в этот раз я должен был преуспеть в своём восхождении.

«Это хорошо, что Анг Рита пошёл вместе с ним. Он уже был на вершине 9 раз, поэтому гора должна принять хотя бы его». Рената знала, что мы должны были выйти на штурм вершины с Южного седла в полночь. Она поглядывала на часы снова и снова, и каждый раз вскакивала, когда в рации раздавался какой-нибудь треск. Пару раз она слышала чужие голоса, но моего – ни разу. Ночь тянется ужасно долго, почти целую вечность. Больше всего Рената боялась наступления утра, того, что солнце взойдёт раньше, чем она услышит мой голос в рации.

В 5 утра рация затрещала снова. Рената подпрыгнула, при этом ударившись коленом о стул, но быстро схватила рацию и буквально крикнула: «Йёран, прием!»

- Я на высоте 8400.
- Как идётся?
- Холодно, тяжело!
- Ты идёшь на вершину?
- Я продолжаю восхождение.

Тут разговор прервался, и у Ренаты внезапно заболел живот. Она настолько разнервничалась, что ей казалось, что она заболела. Она ходила туда-сюда в ожидании новых известий от меня. Шли минуты. Однажды она замерла, будто услышав шаги снаружи палатки. Или это её воображение начало играть с ней? Она прогнала эту мысль. Затем она вспомнила о той японке невысокого роста, Ясуко Намбе, которая сидела рядом с ней на вечеринке у Роба Холла. А вот теперь она лежит там наверху, мёртвая, её тело замечено снегом где-то в районе Южного седла. Всё это выглядело для Ренаты абсолютно нереальным.

– Йёран, Йёран! Как у тебя дела?

В радиии что-то протрещало в ответ. Она что-то услышала, как будто чьё-то тяжёлое дыхание, но она не была уверена, что это был я. Возможно, кто-то ещё включил свою радию и случайно вышел на нашу частоту.

– Йёран, если это ты, то не думай о радиии, не трать свои силы на неё, просто иди дальше!

Затем наступила тишина. В шесть часов утра Рената впала в отчаяние. Неужели с нами что-то случилось? Тем не менее, она побоялась будить кого-нибудь в Базовом лагере. В семь утра над Базовым лагерем и Ледопадом взошло солнце. Наконец в 8:30 Рената не выдержала и отправилась в одну из палаток экспедиции из ЮАР.

–Я уже несколько часов не слышала никаких новостей от Йёрана. Как вы думаете, с ним что-то случилось?

– А...? – Мужчина в палатке выглядел разбитым. Лёжа в своём спальнике, он повернулся и посмотрел на неё. Страх в глазах Ренаты никак не отразился на нём.

– Я немного торможу по утрам, – ответил он. – Не могла бы ты зайти минут через двадцать?

– Хорошо, извините.

Она вышла. Сначала она медленно брела, затем внезапно сорвалась и побежала через камни и морену к палаткам команды IMAH, не вполне

понимая, что она делает. Менеджер группы IМАХ в Базовом лагере, Паула Бартон Вистурс, уже давно проснулась. Она наливала себе чашку чая, когда Рената подбежала к ней.

– Не желаешь чашку чая? – спросила Паула доброжелательным тоном. Рената покачала головой и спросила:

– Как там у них дела?

– Хорошо! Они на пути к вершине.

– Вы слышали что-нибудь о Йёране? У меня нет от него вестей уже четыре часа, – сказала Рената, пытаясь подавить свою нервозность.

Она не очень преуспела в этом деле. По ней было видно, как сильно она переживает из-за меня. Паула была с ней вежлива настолько, насколько это было возможно, и понимала её состояние.

– Тебе не стоит беспокоиться, – ответила она, но это не погасило беспокойства Ренаты. Какой-то липкий страх словно схватил её изнутри и старался не отпустить. Обстановка в Базовом лагере сильно изменилась после моей первой попытки восхождения. Рената подумала, что Паула была тоже обеспокоена тем, что сегодня очередной альпинист может попасть в неприятную ситуацию, и что команде IМАХ вновь придётся проводить спасательную операцию. «Неужели мы спасли недостаточно людей?», казалось, думала Паула.

Рената покраснела, но ответила так спокойно, как смогла:

– Наверное, ты права. Возможно, он просто выключил свою рацию и сконцентрировался на восхождении.

Она вышла из палатки IМАХ. В десять утра она узнала, что на вершину поднялся француз Тьерри с пуповиной своего ребёнка. Спустя два часа сообщили, что команда IМАХ также побывала на вершине. «А где же Йёран?» – недоумевала она.

В час дня она разговаривала по рации с Джамлингом Тенцингом Норгеом.

Джамлинг Норгей – это средний сын Тенцинга Норгея, партнёра Хиллари на первом восхождении на Эверест. Джамлинг вырос в Даржилинге, где поселился его отец, и обучался скалолазанию под присмотром своего отца. Сейчас он был одной из приглашённых звёзд в IMAX-проекте Дэвида Бришера. Будучи сыном своего отца, национального героя в Непале и Индии, Джамлинг во многом был обязан именно ему.

Джамлинг Норгей в тот момент находился на спуске с вершины после восхождения, когда он сообщил Ренате едва ли не самую худшую информацию, какую только она могла услышать.

– Я думаю, что Йёран повернул назад, не дойдя до вершины, – сказал он немного неуверенным голосом.

Возможность моей неудачи вихрем пронеслась у Ренаты в голове.

«Нет, нет, нет! – подумала она. – Что я скажу людям, когда мы вернёмся домой? Как это им объяснить?»

Я добрался до Лагеря 4 очень поздно – около семи часов вечера. Тут мы вместе с Хесусом и Анг Ритой снова разместились в палатке тайваньской экспедиции. Я предположил, что здесь же сидел и Макалу Го ночью 10 мая, когда на следующий день он поднялся на вершину, а потом вскоре умер. Что же для нас приготовил завтрашний день?

Ни у кого из нас не было сил на разговоры. Мы молча сидели и готовили еду. Каждое движение давалось с большим трудом и требовало значительных усилий. Из всех нас только Анг Рита чувствовал себя сравнительно неплохо. У меня же прошлой ночью произошёл приступ диареи, и я потерял много жидкости.

Я включил свою видеокамеру. Сначала на экране была сплошная темнота, затем в камеру попал Хесус и сказал «Ола» подавленным голосом. Анг Рита безразлично смотрел на камеру, словно для него это была очередная игрушка из западного мира. Я приподнял свою балаклаву так, чтобы из-под

неё торчали волосы. У меня выросла густая борода, которая к тому же на удивление порыжела.

«Я абсолютно вымотан, мне немного осталось», – сказал я на камеру, после чего продолжил: «через пять часов я собираюсь взять штурмовой рюкзак со всем необходимым и подняться на полтора километра вверх. Это должно быть очень увлекательное занятие, требующее огромной силы воли».

Затем я выключил камеру и из последних сил стащил с себя свитер и несколько слоёв нижнего белья. Это может выглядеть странным, так как в палатке было ужасно холодно, но если ты слишком тепло одет, находясь в спальном мешке, то ты гораздо сильнее потеешь, и можешь получить сильное обморожение на следующий день. Самое главное, как я узнал, это почаще менять носки и всё время держать их в тепле. Когда я пытался подняться на Эверест третьего мая и повернул назад на Южной вершине, у меня были проблемы с пальцами на ногах. Теперь я заботился о них, словно о младенцах и часто массировал их.

После всех приготовлений, наконец, я лёг, застегнул спальник и закрыл глаза. Я слушал дыхание Хесуса и Анг Риты, завывание ветра, а затем всё куда-то пропало. Я заснул и спал сравнительно неплохо, хотя иногда и просыпался, словно задыхаясь в разрежённом воздухе. Когда незадолго до полуночи прозвенел будильник, мне казалось, что я спал всего пару минут. Я сел и огляделся вокруг. «Что за беспорядок», – подумал я.

По всей палатке была разбросана одежда, бутылки и кислородные баллоны, которые мы затащили накануне в палатку, чтобы её не унесло ветром. Роясь в этом нагромождении вещей, я пытался найти свою одежду. Было очень холодно, и я начал уже дрожать. Анг Рита уже был снаружи. Он уже набрал немного снега и теперь сидел в тамбуре, растапливая снег в котелке на горелке. Когда всё было готово, я размешал в воде немного абрикосового и черничного варенья. Я съел всего несколько орехов, больше я ничего не смог заставить себя проглотить, но жажда у меня была такой, словно мой желудок стал бездонной бочкой. Я увидел, что Анг Рита становится всё более и более нетерпеливым.

– Нам надо идти, – сказал он твёрдым голосом.

– Одну минуту, – ответил я. – Мне надо ещё выпить. Я знал, что если я хочу пережить сегодняшний день, мне следовало восполнить свой водный баланс в организме, и я буквально влил в себя черничный компот.

Мы покинули лагерь в 0:54 ночи. Поначалу мы шли в сплошной темноте, такой темноте с синеватым отливом, а где-то далеко впереди маячили огоньки налобных фонарей команды IMAH. Кругом была полнейшая тишина, ни единого завывания ветра, лишь слышен скрип снега под моими кошками. При такой монотонной ходьбе я стал проваливаться в какой-то свой мир, отдаляясь от окружающих меня людей. Время от времени меня стали посещать сомнения, столь легко привязывающиеся на большой высоте.

«Сработает ли на этот раз? Неужели никто мне не поможет?» – вот какие были у меня мысли.

Я вспомнил, как Рейнхольд Месснер рассказывал, как во время своего одиночного восхождения на Эверест в 1980 году он постоянно ощущал рядом с собой присутствие невидимого компаньона, и я начал думать, что подобные видения посещают всех альпинистов, забирающихся в самые высокие области Эвереста, а также о странных вещах, произошедших со мной на К2.

Идя по склону вверх, я подумал, что наверняка Скотт должен лежать где-то здесь. Я пытался отогнать эту мысль, я не хотел его видеть. Мне не хотелось вспоминать произошедшие события, но внезапно справа от тропы подъёма я увидел его тело, всё опутанное верёвкой, замёрзшее в какой-то непостижимой позе. Его лицо было покрыто снегом, а я только лишь подумал: «Скотт, какого чёрта? Что с тобой случилось?»

Я торопливо поднимался. Вскоре я забрёл в достаточно глубокий снег, восхождение давалось с трудом. Хесус и Анг Рита начали нагонять меня, а группа IMAH уже ушла так далеко вперёд, что их не было видно. Я испугался, что иду слишком медленно.

«Йёран, – пробормотал я сам себе. – Сколько будет трижды три?»

«Девять.»

«Шесть плюс семь?»

«Погоди-ка... Тринадцать, вот!»

«Отлично, с головой у меня всё в порядке. По крайней мере, пока. Или мне это только кажется, словно какому-то бредущему лунатику?» С такими мыслями я шёл всё выше и выше. Я проверял себя различными способами, пытался понять, не начался ли у меня отёк мозга, не появились ли какие-нибудь симптомы, указывающие на это?

Я прошёл ещё мимо нескольких тел, лежащих на склоне. Я почувствовал, что серьёзно начинаю уставать.

Вскоре Хесус и Анг Рита обогнали меня, и я ощутил, что понемногу начинаю задыхаться. «Уставал ли я так сильно раньше?» – спрашивал я себя. Когда я добрался до места, где повернул назад во время первой попытки восхождения, то за один раз я не мог пройти больше шести или семи шагов. Наконец я сел на снег, чтобы немного отдохнуть. Я оперся головой о ледоруб и пробормотал: «Я нахожусь в невероятно плачевном состоянии».

Я взглянул на небо. Это было невероятное зрелище! Кругом сверкали синие, жёлтые и красные звёздочки. Они танцевали вокруг меня, словно на дискотеке! Тут я запаниковал. «Нет, нет – у меня начинается отёк мозга!» Я вспомнил, что случилось с Даниэлем Биднером на К2. Сперва он видел маленькие красные домики и флажки, затем упал в пропасть и погиб.

«Мне надо повернуть назад. Ничего не поделаешь, придётся спускаться, надо только ещё немного отдохнуть.»

Но когда я ещё раз осторожно взглянул на небо и на гору, разноцветные звёзды исчезли! Я видел перед собой абсолютно реальные снежные склоны Эвереста и решил продолжить восхождение.

«Вперёд, вперёд! Соберись!»

Уже далеко внизу жёлтыми точками виднелись палатки Лагеря 4. Я был на высоте 8550 метров, и я поднимался по верхней части юго-восточного

хребта на Южную вершину Эвереста. Я знал, что в любой момент я увижу основную вершину. Я включил видеокамеру, и быстро произнёс:

«Вершина уже скоро. Я боюсь. Мамочка! Позволь мне остаться в живых в следующие десять часов! Окружающий вид просто сводит с ума. Видны Лхотце, Канченджанга, Макалу». Я почти шептал измученным и почти не слышимым голосом. Окружающие меня горы своими вершинами торчали из пелены облаков. Затем я увидел его. Он лежал, почти занесённый снегом. Его правая рука была обнажена и скрючена, будто держала рацию, словно Роб Холл всё ещё разговаривал со своей женой Йен. Вокруг него валялось много кислородных баллонов, и я заметил, что на ногах у него не было кошек.

Хребет был шириной всего два-три метра, и мне надо было перелезть прямо через него. Когда я перелезал, то подумал, что, если ты замерзаешь насмерть, в конце концов ты ощущаешь тепло, потому что кровь из недр организма начинает приливать к коже.

Скоро я добрался до Южной вершины. Тут я встретил участников команды IMAH, которые уже побывали на вершине и теперь возвращались назад. Когда я взглянул на них, то почувствовал себя совершенно жалким. В своих кислородных масках и другим снаряжением они выглядели словно инопланетяне, и на секунду мне показалось, что у меня снова началась галлюцинация. После того, как я увидел в небе разноцветные звёздочки, я уже был ни в чём не уверен. Только представьте себе: вот я ползу, задыхаясь, вверх по хребту, без кислорода и другого вспомогательного оборудования, а там стоят они в чёрных масках и с кислородными баллонами, все выглядят абсолютно одинаково – словно десять неразличимых Дартов Вейдеров. Для полной картины не хватало только парящего космического корабля.

– Не загоняй так себя, – сказал мне один из них.

– Хорошо, я не буду, – прохрипел я в ответ, страдая от истощения.

Я приближался к ступени Хиллари. Я не ощущал никакого волнения, у меня не было никакого позитивного настроения. Теперь я хотел лишь побыстрее подняться на эту проклятую вершину и как можно скорее спуститься вниз, в какое-нибудь безопасное место, к Ренате, и завалиться спать. Передо мной было провешено несколько верёвок. Я очень устал. Я задумался, к какой из

них мне лучше пристегнуться, но потом в моей памяти всплыло одно из непреложных правил моего проекта: достигнуть вершины без чьей-либо помощи. Ещё я вспомнил старые перетёртые верёвки, которые я видел на других вершинах, словно на них была оборвана чья-то жизнь, поэтому я забрался на ступень Хиллари, не притрагиваясь ни к одной из них. Если я сделаю хоть один неверный шаг, то он станет для меня последним. Я шёл очень осторожно, стараясь не поскользнуться. Затем я увидел кого-то медленно бредущего мне навстречу. Это был Хесус, спускающийся с вершины. Он дрожал от холода, словно осиновый лист.

– Далеко ещё? – спросил я.

– Твоим темпом – минут пятнадцать-двадцать, ответил он, и мы разошлись.

Я продолжил идти наверх. «Я должен добраться, я дойду туда!» повторял я снова и снова, и теперь осталось семь, шесть, пять, четыре метра, и вот здесь стоит Анг Рита, на вершине в десятый раз и поздравляет меня. Вот я стою на вершине мира, одной ногой в Непале, другой – в Тибете. Я видел вокруг себя остальных горных гигантов, и все они были ниже меня!

«Я сделал это! – словно обезумев, закричал я странным трескучим голосом. – Я сделал это!» И всё-таки я абсолютно вымотан. Надеюсь, мне удастся без проблем спуститься назад. Забравшись на вершину, я проделал лишь половину пути.

Мои губы были иссиня-чёрные, борода была покрыта коркой льда. Вокруг меня на снегу лежали молитвенные флажки, клочки волос, различные фотографии, ледорубы, самые разнообразные вещи, которые сюда принесли альпинисты, которые оставили здесь напоминание о своём восхождении на вершину Эвереста. Сама вершина была размером не более сугроба. Мы сделали несколько фотографий, и я поговорил что-то на видеокамеру. Даже несмотря на то, что я был счастлив, что добрался сюда, больше всего я боялся тяжёлой обратной дороги.

«Теперь мне ещё предстоит проделать на велосипеде и обратный путь, если я, конечно, доживу до этого дела. Всё, что мне надо в сию минуту – это

спуститься вниз, я не хочу больше оставаться здесь. Надеюсь, что я выживу». С такими мыслями я шёл вниз по склону, следуя за Анг Ритой.

«Сконцентрируйся!» – шёпотом скомандовал я себе, каждый раз делая по одному осторожному шагу. Спуск по ступени Хиллари происходил очень медленно, и внезапно у меня одна из кошек запуталась в провешенной тут верёвке, и я упал, спустя мгновение обнаружив себя висящим вниз головой. Как ни странно, никакой паники у меня не было, мои чувства настолько притупились, что я лишь стал спокойно распутывать затянувшийся узел, после чего продолжил спуск.

Затем я снова увидел Роба Холла. Я сделал несколько фотографий, хотя его лицо было совершенно покрыто льдом. Около его замёрзшей руки лежал ледоруб. Может быть, где-то рядом под снегом погребён и Даг Хансен? Я не знал, да и не хотел этого знать. Не задерживаясь, я пересёк Южную вершину, затем сел на снег и покатился вниз. Постепенно склон становился всё более крутым, и чтобы избежать схода лавины, я затормозил свой спуск и поднялся на ноги.

На высоте 8100 метров я остановился, чтобы сфотографировать Скотта. Потом я упал на снег. Мимо меня прошла команда IMAH. Теперь я отдыхал после каждого шага, и я чувствовал себя более уставшим, чем когда-либо. Внезапно внутри меня что-то словно переключилось. Я отчаянно пытался снять штаны, но у меня началась диарея, которую было невозможно остановить. Затем я оступился и упал в небольшую расщелину прямо в то время, когда фекалии лезли из меня наружу.

Какая жалость.

Рената целый день получала противоречивую информацию, в то время, как ей несколько раз из Швеции звонили журналисты и спрашивали о моём восхождении.

«Я не знаю, – отвечала он им всем, расстраиваясь всё больше и больше. – Я не знаю, поднялся ли Йёран на вершину».

«Волнение, словно на вручении Оскара, – подумала она. – Выиграю я, или нет? Только сейчас всё гораздо серьезнее, тут стоит вопрос о жизни и смерти». Она подозревала, что услышала неправду, когда ей сказали, что я повернул назад, не дойдя до вершины, но она ничего не знала точно, а уже было 4 часа дня. Она надеялась, что к этому времени уже хоть что-то обо мне будет известно! В этот момент она услышала чей-то голос снаружи палатки. Это была Паула Бартон Вистурс из команды IMAH.

– Да, что случилось? – Спросила Рената.

– Мы полагаем, что Йёрану удалось подняться на вершину.

Рената вздрогнула, но не подала виду. Она говорила себе, что она всё еще не знает точно. Она схватила видеокамеру, и вместе с Паулой побежала в палатку команды IMAH, где схватила одну из их раций.

– Добрался ли Йёран до вершины? – спросила она, установив контакт с Дэвидом Бришерсом.

Тишина в эфире. Затем она услышала только «Я не знаю».

– Я что, сошла с ума? Когда я, наконец, узнаю ответ? – вскрикнула она с покрасневшими щеками. Тут к ней подошёл наш связной, Вунгшу Шерпа. Он посмотрел на неё и сказал, откинув со лба длинную прядь волос:

– Йёран и Анг Рита были вместе на вершине.

– Что?

– Йёран сделал это, мои поздравления!

Тут Рената не выдержала и закричала. Это был вопль, исходящий из самой глубины её души, снимающий всё напряжение последних месяцев. Она забегала вокруг, обнимая каждого, кого встречала, словно она хотела сообщить всему миру о случившемся. Первым делом она позвонила по спутниковому телефону моему отцу, Герарду, который находился в то время в Загребе.

– У него получилось! – закричала она.

– Это правда? – спросил Герард.

– Да, это так!

И всё же оставалось много того, о чём Рената и не догадывалась. В её воображении я стоял на вершине, воздев руки к небу, преисполненный гордости за себя, словно выиграв финал чемпионата мира по футболу. Она не знала, что я чуть было не погиб, что я нахожусь будто в вакууме, и к тому же жутко воняю. А ещё у меня посинело лицо, и мне было тяжело дышать. В это время я лежу в палатке в Лагере 4 на Южном хребте, полностью измотанный, выплёвывая из себя мокроту и кусочки лёгкого. Я до сих пор недоумеваю, откуда у меня нашлись силы, чтобы преодолеть последнюю часть пути и добраться сюда? У меня совсем не было сил на разговоры. Когда ко мне подошёл Джамлинг Норгей, словно хотел меня спросить о чём-то, я лишь отмахнулся от него.

«Он сейчас находится в Лагере 4, – сказала Паула Ренате. – Ты можешь поговорить с ним».

Рената расцвела, приготовившись выкрикнуть в рацию поздравления для меня, но на другом конце эфира оказался не я, а Джамлинг Норгей, который сообщил, что «он не хочет с тобой разговаривать».

«Он – не хочет? Он что, всё же не добрался до вершины?» подумала она. «Может, он злится на меня?»

Ночь прошла ужасно. Меня всё ещё мучила диарея, и кашель с чёрно-зелёной мокротой, выходящей наружу. Казалось, что у меня больше нет бронхов. Я не мог произнести ни слова, даже если бы захотел. Я лежал в палатке южноафриканской экспедиции, где оказался кислородный баллон. У меня не было мысли его использовать, но само его нахождение поблизости создавало обстановку более безопасной.

Приближался рассвет. Хесус потряс меня и убедился, что я проснулся. Каремат, одолженный мною у южноамериканцев, был местами покрыт моими испражнениями. Мне стоило больших трудов вычистить его. Перед выходом я выпил огромное количество воды, пытаюсь восполнить свою обезвоженность. Когда я, наконец, вылез из палатки, то у меня заболели глаза

от солнечного света. Я шёл зигзагами мимо брошенных пустых кислородных баллонов, камней и порванных и покинутых палаток, чувствуя себя абсолютно, совершенно раздавленным, что даже не мог идти в темпе Анг Риты и Хесуса. У меня сильно дрожали ноги, они почти отказывались слушаться. Вскоре я встретил Брюса Хэррода, который не знал тогда ещё, что на следующий день он погибнет.

– Мы идём на гору завтра, – сообщил он мне.

– Удачи, – прокашлял я, и побрёл дальше. Было пятнадцать градусов мороза. Немного позже я опустился на колени и преклонил голову на свой ледоруб. Прошло некоторое время, прежде чем я увидел нескольких членов команды IMAH, стоящих неподалёку от меня.

– Я справлюсь сам, – прошептал я и поднялся на ноги. Краем уха я услышал разговор Дэвида Бришера с женщиной в базовом лагере.

«Кажется, он слабеет с каждой минутой. Я останусь с ним, посмотрю, как у него дела», – сказал он по рации.

Тут я понял, что они говорили обо мне, и это взбесило меня. Как-то я поднялся на ноги и побрёл в третий лагерь, где меня уже ожидал Анг Рита с крекерами и нарезанным мясом. Мой желудок отказывался принимать пищу. Я снова двинулся в путь. Около часа дня, когда я подходил к стене Лхотце, то чуть было не угодил здесь в камнепад. Уже двадцать четыре часа назад я начал спускаться с вершины, а до Базового лагеря было ещё очень далеко.

Затем я увидел, как в мою сторону по склону летят два каменных валуна, и мне пришлось резко отпрыгнуть, чтобы не оказаться сбитым с ног. В это время примерно в пятидесяти метрах ниже меня находилась группа шерпов. Склон горы был немного затянут дымкой, и я не мог разглядеть эту группу в точности, но понимал, что они не видят летящих на них камней. Я попытался крикнуть, чтобы предупредить их, но у меня из горла вырвался какой-то непонятный хрип. Через несколько минут я увидел, что с этими шерпами всё в порядке, и поблагодарил богов горы за то, что они отвели камни от этих людей.

Мы остановились на ночлег в Лагере 2 – Анг Рита, Хесус и я. Мне всё еще было тяжело разговаривать. Я просто лежал там в одежде с высыхающими фекалиями. Это было сплошным унижением. Перед тем, как провалиться в сон, я подумал, остались ли у меня силы дойти до Базового лагеря, ведь Ледопад ещё был впереди.

На следующее утро мы разобрали наш лагерь и двинулись к Ледопаду. Я шёл далеко впереди остальных, и подойдя к верхней части Ледопада, увидел, что мои страхи подтвердились. Приближалось лето и из-за тёплой погоды снег начал таять, в результате чего появилось великое множество новых трещин. Перила, закреплённые на Ледопаде, более не были безопасными, потому что ледобуры, на которых они держались, могли вывалиться в любое мгновение, некоторые из них можно было вытащить рукой без малейших усилий. Алюминиевые лестницы, перекинутые через трещины, висели буквально «на соплях», а некоторые и вовсе исчезли в бездне горы. Уже наступила вторая половина дня, а это было наиболее опасное время для перехода через Ледопад, в особенности для такой развалюхи, как я. Поискав свой маршрут, проложенный ранее, я решил пойти обычным путём, не беспокоясь более о своих принципах.

Я шёл через этот ледяной лабиринт. Всё здесь выглядело каким-то необычным. Повсюду с сосуллек капала вода, словно с прогнившей крыши, и отовсюду раздавался пугающий треск льда. Я знал, что мне следует поторопиться, но сил на это у меня было немного. Мне кажется, что я шёл через Ледопад медленнее, чем кто-либо в истории, но у меня уже не было сил, чтобы чего-то здесь бояться. У меня начала развиваться своего рода апатия, и мне стоило буквально заставлять себя идти дальше, а не лечь здесь и не заснуть.

Я проходил под 20-метровой глыбой льда, нависшей надо мной, и казалось, что она только и ждала, чтобы обрушиться на такое жалкое существо, каким был я в тот момент. Мне подумалось, что смерть в таком случае наступит мгновенно. На горе было множество способов погибнуть, и смерть от удушья казалась наиболее безболезненной.

«Прекрати такие мысли, продолжай двигаться!» – буквально разозлился я на себя.

Я подошел к очередной трещине, пересекающей ледник, через которую была переброшена единственная лестница. Когда я вступил на лестницу, подо мной разверзлась пропасть примерно пятидесятиметровой глубины. Когда я почти достиг противоположной стороны, лестница начала уходить у меня из-под ног, и мне чудом удалось в мощном прыжке достигнуть спасительного берега. Немного позже я наконец увидел вдали палатки Базового лагеря.

Он выглядел, словно небольшая заброшенная деревня. За время моего отсутствия исчезло много палаток, и в целом лагерь стал выглядеть менее опрятным, чем когда я уходил на восхождение. Я увидел нашу ступу, молитвенный алтарь, где тлели ветки священного для шерпов можжевельника. Над алтарём вился небольшой белый дымок, возносящий молитвы богам гор. Я вспомнил, что каждый раз, отправляясь на восхождение, я подходил к алтарю и трижды обходил вокруг него, чтобы удача сопутствовала мне на горе. Но теперь, когда на долину Кхумбу в субботу 25 мая 1996 года начинали спускаться сумерки, мне надо было провести иной ритуал.

Я подошёл к нашей ступе и низко поклонился ей.

«Я благодарю тебя, Джомолунгма, Эверест. Я благодарю тебя, что позволила мне подняться наверх, я благодарю тебя, что отпустила меня домой».

Затем на меня нахлынули какие-то непередаваемые эмоции. Странное ощущение удовлетворения начало расползаться по моему телу, это было чувство абсолютного счастья. Я снял с себя каску и кошки, подкинул их в воздух и испустил крик радости. В этот самый момент кто-то подбежал ко мне, затем я увидел её, мы обнялись и она воскликнула: «Йёран! Йёран!». Я попытался поднять её, но был слишком ослаблен. Я попросил шерпов согреть мне воды, и пока я мылся, раздался первый звонок по спутниковому телефону, и, казалось, им не будет конца.

ЭПИЛОГ

За следующие несколько недель обо мне было написано около 670 статей, и они всё ещё продолжали появляться. Когда я прибыл в Катманду, я даже дал интервью в Newsweek и Time, и тут я понял, что совершил нечто, глубоко взволновавшее людей. Некоторые даже считали, что я заслуживаю медали «За великое достижение», присуждаемой шведской газетой Svenska Dagbladet. Журналист Суне Сюльвен сравнил моё восхождение без дополнительного кислорода с ездой на гоночном автомобиле без шлема – странное сравнение, ибо наличие или отсутствие шлема не изменит скорости твоего движения. В основном же все статьи были в положительном ключе.

Я переживал, что трагедия 10-11 мая бросит тень на успех моего проекта. В тот день, когда я вернулся в Базовый лагерь, на горе погиб Брюс Хэррод из южноафриканской экспедиции. Я встретил его в четвёртом лагере двумя днями ранее, и он тогда выглядел в хорошей форме. Незадолго до нашей встречи у него состоялся разговор с Дэвидом Бришерсом, который дал ему хорошее напутствие:

–Будь осторожен. Ты знаешь, что произошло здесь две недели назад. Помни, что у тебя ещё очень мало опыта!

Брюс Хэррод прошёл мимо тел Роба Холла и Скотта Фишера, Но ни их судьба, ни слова Бришерса ничему его не научили. Он поднялся на вершину в одиночку, слишком поздно – около пяти часов вечера 25 мая – и погиб при спуске неподалёку от Ступени Хиллари. Самое грустное в этом то, что многие люди будут повторять его ошибку. Трагедии в горах вовсе не отталкивают людей от восхождений, а скорее, наоборот, дьявольски привлекают их сюда. Уже в следующем, 1997 году на Эверест собралось идти гораздо больше людей, чем годом ранее.

Первой жертвой того сезона стал горный гид Мэл Дафф, который в 1996 году прокладывал маршрут через Ледопад – его нашли мёртвым без видимых причин в своей палатке в Базовом лагере. Затем, спустя две недели, 6 и 7 мая, шестеро альпинистов погибли во время снежной бури – трое русских, один немец и два шерпа. Вдобавок в конце сезона 1996 года, когда муссон уже уходил из Гималаев, 21 сентября на Эвересте погиб в лавине друг Скотта

Фишера и его протеже Лопсанг Янгбу. Ученик всюду следовал за своим учителем.

Для меня самое ужасное во всех этих трагедиях было то, что всё это время я получал многочисленные поздравления со всех концов света. Что было гораздо важнее для меня, я ощутил значимость своего мероприятия, которая была очень важна для большого числа людей и зажгла в них тягу к путешествиям.

Прошло некоторое время, прежде я полностью восстановился. Путь из Базового лагеря был очень труден. У меня начался ужасный кашель, и ещё мои пальцы на руках и ногах временно потеряли чувствительность. Я боялся, как бы мне их не ампутировали.

Я забрал свой велосипед там же, где и оставил его, в городке Джири. Мы с Ренатой остались в Непале до тех пор, пока я не восстановил свои силы, и лишь в начале июля мы отправились в Швецию – на велосипедах. Это было очередное невероятное путешествие, полное удивительных, а порою и абсурдных событий.

Дожди, вызванные муссоном, затапливали окрестные земли и приносили с собой длинных пиявок, которые присасывались ко мне, словно присоски. На дорогах вода омывала туши бродячих собак и буйволов, лежащих здесь в большом количестве. Мне эти дожди совершенно не мешали. Моей главной задачей было подняться на Эверест до наступления муссона, а сейчас я уже был на пути домой, к тому же дожди приносили хоть какую-то прохладу.

В Индии из-за жары у меня началась сыпь по всему телу, и когда дожди прекратились, прыщи превратились в открытые раны, привлекающие мух. В одном месте я купил у местного торговца живого бабуина, всё время скачущего вокруг железной палки и выпустил его на свободу. Бедняга бегал всё время по кругу, словно маньяк, как будто он считал, что, бегая быстрее, он куда-нибудь добежит. Я заплатил торговцу, выставившему на всеобщее обозрение клетки с визжащими попугаями, пятьсот рупий. Бабуин сперва выглядел ошеломлённым, словно не знал, что можно бегать иначе, кроме как по кругу, затем он что-то триумфально прокричал и исчез в ветвях ближайшего дерева. Эта сцена засела у меня в памяти на долгое время. Я

думал об этом событии, пока мы проезжали Дели, ехали мимо Муртала и Амбалы, по дороге в Пакистан, Каракорумскому шоссе и в долине Инда.

В Пакистане дорога проходила прямо через горы, и иногда мы проезжали под нависающими над нами скалами. Вывеска гласила: «Здесь рождаются Гималаи». Мы находились в месте столкновения двух континентов, начавшегося примерно 55 миллионов лет тому назад, в результате чего начал возникать этот гигантский горный массив. Здесь зародилась высочайшая гора в мире. Внизу нёс свои воды Инд, в серые воды которого примешивалась изумрудно-зелёная вода горных ручьёв. Это мог быть прекрасный день... если бы не камни, летящие в нашу сторону. Местные ребята, сидевшие на скалах рядом с дорогой, пытались сбросить на нас целые валуны. Я всё ещё не могу понять, зачем им это было нужно.

Однажды мы ехали по длинному спуску. Я ехал спереди, Рената – за мной. Мы заметили стадо овец, идущих вдоль дороги, и с ним пастухов с длинными посохами. Я подумал, что пастухи использовали свои посохи, чтобы сгонять овец в стадо, но когда мы проезжали мимо них, один из пастухов поднял посох в нашу сторону. На конце его посоха я увидел ужасный крюк, которым пастух пытался зацепить Ренату и сбросить её с велосипеда. Я резко затормозил и спрыгнул с велосипеда. В это время все пастухи побежали прочь от меня, все как один одетые в неряшливые пижамы, и я сдался, добежав за ними до кукурузного поля.

Однако, я получил посох в качестве трофея. Сломав его пополам, я стал держать его под рукой при езде на велосипеде. Каждый раз, когда мы въезжали в очередную деревню, где местные жители хватались за камни, я размахивал посохом и смеялся, словно какой-то маньяк: «ха-ха-ха!» Я не знаю, видели ли те люди какие-нибудь низкобюджетные фильмы ужасов, но я пытался походить на одного из тех сумасшедших убийц, которым доставляло удовольствие быть злодеями, и, как ни странно, здесь это помогало. Люди не бросали в нас камни, они лишь глазели на меня. «Что это за придурок?», наверно думали они.

Иногда я сам себе удивлялся, поскольку я по натуре являюсь вполне миролюбивым человеком. Тем не менее, я слышал, что гораздо более спокойные велосипедисты вооружались булавами и строительными

пистолетами, чтобы обезопасить себя на Каракорумском шоссе. Так что, я был не одинок в своём роде. К тому же мне уже чертовски надоело ездить на велосипеде в альпинистской каске, постоянно ожидая удара по голове.

Каракорумское шоссе, на строительство которого ушло двадцать лет, представляет собой двухполосную асфальтовую дорогу, соединяющую Исламабад в Пакистане с Кашгаром в Китае. Эта дорога вьётся через самый высокий горный массив на Земле, её ещё иногда называют «Восьмым чудом света». В наши дни много людей с Запада ездит здесь на велосипедах, поэтому можно подумать, что враждебные чувства со стороны местных отсутствуют, тем не менее, люди, которые Вам улыбаются и говорят: «Да пребудет с тобой Аллах!», могут напасть на Вас через несколько секунд.

Однажды, когда ехал на велосипеде со своим посохом, то заметил на обочине стоящего парня в белых шароварах. Он держал в руке камень, целясь в Ренате в спину. Я окрикнул его, и парень побежал прочь по жухлой траве. Я побежал следом за ним, держа посох в одной руке, к небольшому каменному дому с ржавой железой дверью, которая заскрипела, когда парень распахнул её. Я почти догнал его, когда он забежал внутрь дома, через небольшую кухню в сад, где росло одинокое дерево. Это выглядело как атриум, небольшой садик посреди дома. В углу стояло несколько сельскохозяйственных орудий, а по двору бегали курицы.

Тут я схватил его, ударил и повалил на землю. В голове у меня промелькнула мысль, что я оказался в непростой ситуации, из которой могут возникнуть осложнения. Внезапно во двор вышли две огромные женщины, изрыгая проклятия и размахивая руками, словно мельницы. Я буквально увидел их злые лица, скрытые чёрной паранджой. Одна из женщин подняла большой камень и бросила мне в спину.

«Ой!» – вскричал я и злобно взглянул на неё. Это был своего рода момент безумия, когда никто из нас не понимал, что происходит. У меня болела спина, мне казалось, что женщины буквально увеличиваются в размерах на жаре, и тут я отбросил всё своё благородство и напал на них. Я ударил кулаком одну из них – 150-килограммовую матрону – со всей силы. В это время вторая женщина метнулась внутрь дома и тут же вернулась, держа в руках нечто, очень похожее на топор. Я стоял на месте, уже готовый ко

всему. Тут собралась целая толпа, люди выглядели так, будто идут в крестовый поход против Йёрана Кроппа. Тут мне пришлось спастись бегством к своему велосипеду, по пути уклоняясь от палок, летевших мне вслед.

Солнце стояло высоко в небе, когда я бежал по полю прямо к дороге. Я понял, что когда я добегу до велосипеда и наберу хоть какую-то скорость, толпа уже успеет наброситься на меня, поэтому я остановился, подобрал горсть камней и бросил их в сторону своих преследователей, чтобы они остановились. «Что за цирк! Это какое-то безумие!» – подумал я.

Через несколько дней мы с Ренатой должны были отправиться во Фридрихсхафен, чтобы принять участие в выставке спортивного снаряжения совместно с одним из моих спонсоров, а тут я еду на велосипеде, уходя от погони, вооружённый камнями и железным посохом. Чудеса, да и только! Окружающий нас пейзаж становился всё более безжизненным и пустынным. Где-то неподалёку находился пик Ультар, одна из самых высоких гор, непокорённых к тому времени. Какое соблазнительное предложение! Однако, тогда мне больше всего на свете хотелось полежать в чистой постели и поесть хорошей еды, а ещё спокойствия и тишины.

Время от времени камни продолжали лететь в нас. Дорога шла то вверх, то вниз, пока мы, наконец, не добрались до белоснежного отеля с террасой, спускающейся напрямик к реке. Это было прекрасное место. Изначально мы планировали в этот день проехать ещё какое-то расстояние, но теперь бы были усталыми и злыми, поэтому мы решили переночевать здесь и поставили велосипеды на парковку. В белоснежном вестибюле с чёрными кожаными креслами нас встретил высокий мужчина в светлой униформе. Он доброжелательно поприветствовал нас, а в ответ мы выплеснули всю нашу злобу, накопившуюся за день:

– Что с нами не так? – буквально вскрикнула Рената

– Ничего! – взволнованно ответил ей мужчина, стоящий за стойкой.

– Почему же тогда все хотят нас убить?!

– Убить, вас? – ошеломлённо спросил мужчина

Вскоре подошёл управляющий отеля и заверил нас, что примет нашу жалобу о нападениях. Мы успокоились и вышли на террасу, где на берегу реки выпили Кока-Колы, обдуваемые лёгким ветерком. На склонах росли пихты и гималайские сосны, а вдалеке можно было разглядеть вершины, покрытые снегом. Я размял свои пальцы на руках и ногах. На пути из Базового лагеря я поначалу боялся, что обморожу их, но теперь с ними всё было в порядке. Также как и прошёл сухой кашель, который я приобрёл, сидя на горе. «В конце концов, жизнь не так уж и плоха, – подумал я, глядя на течение Инда. – Всё же мне достаточно этого безумия и трагедий. Это и так было слишком длинное путешествие.»

Однако для нас ещё не всё было закончено. Иран был для нас закрыт – в этой стране женщинам не разрешалось ездить на велосипеде. Также, к сожалению, мы не могли получить визу в Россию. После долгих переживаний, я нарушил ещё один из моих принципов, мы взяли билеты на поезд из Алма-Аты в Казахстане до Москвы. Можно было бы без проблем проехать это расстояние на велосипеде, но без визы это было бы сделать проблематично. Путь из Москвы до Санкт-Петербурга мы решили всё-таки проделать на велосипеде, но это стоило нам некоторых нервов – у меня с собой были компьютер и спутниковый телефон, и это в то время, когда в России были задержаны двое шведов по подозрению в шпионаже.

Когда мы ещё были в России, то случайно увидели на дороге машину со шведскими номерами, и, конечно же, стали ей неистово махать руками. Автомобиль остановился, и из него вышел Стаффан Скотт, журналист, специализирующийся по Восточной Европе.

«Неужели это ты, сумасшедший бродяга!» – сказал он мне.

Мы сообщили ему, что едем без денег и визы, поскольку побоялись поменять валюту. Тогда Стаффан любезно одолжил нам немного наличности, за что я ему очень благодарен.

В Санкт-Петербурге мы купили российского шампанского. Эту бутылку мы открыли, когда поставили нашу палатку уже в финской Карелии. Затем нам оставалось лишь перебраться через Балтийское море на пароме в

Швецию. 16 октября 1997 года, ровно через год после моего отъезда из города, я поцеловал асфальт в стокгольмской гавани.

Роджер Блюмквист из Informedia встретил нас на пристани. Он заведовал моими контактами с прессой, и заявил, что организует парад и духовой оркестр по поводу моего возвращения.

«Хватит! – сказал я ему. – Я уже устал!»

Однако, когда я ехал по улице Хорнгатан, все машины начали бибикать. Люди приветствовали меня, а в самом конце небольшой улочки Yttersta Tvärgränd, откуда я начинал своё путешествие, меня ожидала толпа журналистов.

Более радушную встречу мне оказали в моём родном городе, Йёнчёпинге. Я получил чёткие указания не появляться дома до 22 октября, пока город не подготовится к празднику, организованному в мою честь.

Когда я подъезжал к Йёнчёпингу, начался небольшой дождь. Я посмотрел на озеро Веттерн и вспомнил свои чудаковатые подростковые годы, певицу Еву Дальгрэн и всё такое, когда вдруг слышал вой сирен. Это был мой полицейский эскорт. Полиция сопровождала меня до центрального городского парка, где собралась толпа людей, несмотря на рабочий день и дождливую погоду. Я получил большое количество подарков и слышал много хвалебных слов, но больше всего мне запомнилось пиво в пластиковом стаканчике.

Мне вручил его какой-то местный алкаш, на вид тридцати пяти лет, в изношенной джинсовой куртке и бандане, повязанной на шее, с щепоткой табака на верхней губе.

«Я не знаю, что подарить тебе, – сказал он немного растерянно, – но ты определённо заслужил вот это!» – и он протянул мне пластиковый стакан, полный пива.

По его глазам было видно, что для него это была очень большая жертва, поэтому я с благодарностью принял его подарок и немедленно выпил. Затем я отправился домой, зажёл свечи, принял ванну и выпил бокал шампанского.

Следующий год стал для меня поистине суматошным. Я произнёс столько речей, как никогда раньше, и всё время меня спрашивали: «Зачем? Для чего ты это сделал?» Я не знаю, смогу ли я дать ответ на этот вопрос в книге, но я, по крайней мере, попытаюсь сделать это. Все люди разные, и у некоторых из нас возникают более бредовые идеи, чем у других. Вот как я это вижу, и я не знаю, почему мои мечты выглядят именно так. А вы знаете?

Когда я пишу эти строки, космический аппарат из США только что приземлился на Марсе. На фотографиях, передаваемых на Землю, изображён холмистый ландшафт. Картина, от которой лично у меня мурашки бегут по коже. Абсолютно неважно, куда бы ты ни пошёл там, на своём пути ты не встретишь ни единого отеля или заправочной станции. Но что ты увидишь там вокруг себя? Неизвестность. А что ты подумаешь об этом пустынном месте? Ты начнёшь его исследовать. Если какая-нибудь страна, международная организация или многонациональная корпорация кинет клич в поисках добровольцев для исследования других планет, то я запишусь в этот отряд одним из первых, можете не сомневаться.

«Я готов!» – крикну я, словно ребёнок.

Я в равной степени завидую грядущим и прошедшим поколениям. В наши дни на Земле не осталось неисследованных мест, «белых пятен», на планете нечего стало исследовать, и Бог знает, когда новые поколения людей отправятся изучать просторы Вселенной. Мне очень хотелось бы жить в те времена.

Весной и в начале лета 1997 года я взойшёл с Ренатой и другими альпинистами на гору Шиша Пангма (8027 метров над уровнем моря) в Тибете. В этот раз все почести воздавались Ренате. Она была на удивление сильной, и стала первой женщиной из Швеции, которая достигла высоты восьми тысяч метров без использования дополнительного кислорода. Это был последний раз, когда я обратил свой взор на высочайшие горы нашей планеты.

С тех пор я стал искать для себя новые вызовы. Рейнхольд Месснер первым в мире поднялся на все восьмитысячники своими силами. Говорят, что он сильно изменился после этого, что он стал, словно старый боксёр,

кому досталось слишком много ударов. Я не собираюсь быть похожим на него, поэтому я начинаю задумываться о путешествии в Антарктиду – словно на другую планету, находящуюся, тем не менее, на нашей Земле.

Южный полюс – вот о чем я мечтаю сейчас.

Кто-то из астронавтов, побывавших на Луне, сказал, что Антарктида – это наиболее запоминающееся место на Земле, если на неё взглянуть со стороны. Площадь Антарктиды приблизительно равна сумме площадей Индии и Китая, и, хотя около девяноста процентов её поверхности покрыто льдом, она очень разнообразна. В середине этого континента находится Южный полюс, через который проходит земная ось.

Антарктида – страна гигантских ледяных гор и невообразимо глубоких расщелин, соседствующих со скальными вершинами, называемыми нунатаками, торчащими из ледников, словно копья. Там, в горах Элсуэрта находится массив Винсон, достигающий высоты 4892 метра, а неподалёку от него – несколько вулканов. На Антарктиде есть пресноводные озёра, долины, совершенно свободные ото льда, покрытые отполированными ветром камнями, песчаные дюны и залежи соли. А ещё там есть районы, в которых совершенно не бывает осадков, ни дождя, ни снега.

Только представьте себе пешую или лыжную прогулку через этот обширный континент!

В Антарктиде нет постоянного населения, а только лишь заброшенные посёлки для охоты за морскими котиками и китами, да несколько научно-исследовательских станций. Тем не менее, не смотря на совершенно бесплодный ландшафт и засушливую почву, Антарктида обладает невероятным разнообразием фауны. Её населяют миллионы пингвинов, образуя своеобразные метрополии. На территории Антарктиды проживает сорок пять видов птиц, среди которых – альбатросы, глупыши, бакланы, чайки, буревестники. В водах, омывающих Антарктиду, обитают киты, дельфины, различные виды морских котиков – морские слоны и морские леопарды.

Антарктида – последний континент на Земле, открытый людьми. Английский исследователь Роберт Скотт решил стать первым человеком,

достигнувшим Южного Полюса. Когда он добрался туда в январе 1912 года, его экспедиция находилась на грани истощения, но это стало для него моментом триумфа: они стали первыми людьми, побывавшими на Южном полюсе! Так, по крайней мере, они считали, пока не увидели там развевающийся на ветру норвежский флаг. Руальд Амундсен, в состав экспедиции которого входило шесть человек, четверо саней и 52 ездовые собаки, опередил британцев всего на один месяц. На обратном пути Роберт Скотт и три его компаньона погибли от голода.

Спустя 84 года, в то время как я ехал на велосипеде через Европу и Азию к Эвересту, англичане и норвежцы снова соревновались в Антарктиде. Норвежский исследователь и лыжник Бьорге Оуслан собирался стать первым, кто пересечёт Антарктиду на лыжах в одиночку. Его главным принципом, как и у меня, было сделать это самостоятельно, без чьей-либо помощи. Он передвигался на лыжах, обутом в камуса, таща за собой сани весом в 170 килограмм со всем необходимым снаряжением. Каждый день он вставал в 5:50 утра, и на маршруте иногда использовал парус для ускорения передвижения по льду. Для поднятия духа он часто слушал Джими Хендрикса на своём плеере.

Где-то за его спиной ещё один путешественник в одиночку покорял эти снежные пространства. Это был англичанин Роджер Мер, собиравшийся первым установить тот же самый рекорд. Оба путешественника утверждали, что это было абсолютной случайностью, что они пытались пересечь Антарктиду в одно и то же время. Оуслан даже говорил, что ничего не знал о планах Мера, пока не забронировал единственный рейс в том сезоне до Антарктиды, и не увидел имя Мера в списке пассажиров. Кроме этих двоих на маршруте через Антарктиду ещё оказалось несколько путешественников, среди которых был Марек Камински, недавно пересёкший в одиночку Северный полюс.

Первым из борьбы выбыл Мер, он сдался через сорок один день после старта. Следующим стал Оуслан, у которого началось воспаление раны на ноге после серьёзного обморожения, когда он был всего в двух днях ходьбы от Южного полюса. Вскоре после Оуслана сдался и Камински.

В отличие от других, Оуслан решил вскоре повторить попытку, и спустя 13 месяцев он вернулся в Антарктиду, где 18 января 1997 года стал первым человеком, в одиночку пересёкшим этот ледяной континент.

Очень жаль, но здесь первым мне уже не бывать. Моя идея заключается в несколько ином – в одиночку доплыть от Швеции до Антарктиды, если удастся, затем бросить якорь где-нибудь там на берегу, добраться до Южного полюса, и так же вернуться домой.

Главная проблема заключается в том, что я никогда не ходил по морю. В водах около побережья Антарктиды меня будет ожидать большое количество опасностей – сильные шторма, ураганы и метели, ведь средняя скорость ветра там достигает 15 метров в секунду. Кроме того в море нередко возникают айсберги и возможен отрыв припая от береговой линии.

Я знаю, что мне следует основательно подготовиться к такому путешествию, возможно на это придётся потратить следующие 5 или 6 лет. Роджер Нильссон, участник парусной регаты Whitbread, рассказывал мне о своём приятеле из Уругвая, который ходил в Антарктику. Мне нужно будет встретиться с этим человеком. А ещё я должен буду прочитать каждую книгу и статью в газете, выходящую по этому поводу. Путешественники тоже должны учиться.

Самое главное, что мне нужно будет научиться ходить под парусом. Это может выглядеть безумством, что, хотя я никогда не занимался этим прежде, но всё же я хочу совершить может быть наиболее опасное путешествие, связанное с водой. Может быть, такова моя натура – окунаться с головой в пучину неизведанного. По мнению моряка Томаса Гросса, обучение следует начать с небольшого судна, вроде «Лазера», чтобы научиться чувствовать ветер. Следует понять, как управляться с парусами при помощи воздушных потоков. После этого я стану всё своё время проводить в море.

Люди ходили на кораблях до Антарктиды, люди в одиночку добирались на лыжах до Южного полюса, но никто не делал и того, и другого вместе. Может быть и я пойму, что совершить мою задумку нереально, но перед этим я сделаю всё возможное, чтобы моё путешествие произошло успешно. В путешествие я планирую отправиться из Швеции примерно в 2004 году.

Ещё одной немаловажной проблемой является разница в нагрузке мышц между хождением под парусом и ездой на лыжах. Будет ли у меня достаточно сил, чтобы проехать 750 миль до Южного полюса после восьмимесячного путешествия по океану при полном отсутствии возможности для тренировок?

Бьорге Оуслан начал свой заезд в Антарктиде с грузом снаряжения и продовольствия общей массой в 170 килограмм. Может быть, я обойдусь и сто пятидесятью килограммами. После поездки на Эверест я стал настоящим профессионалом в деле подбора снаряжения. Самой тяжёлой частью моих вещей, несомненно, будет еда. В день мне потребуется примерно полтора килограмма еды, а так как путь от побережья до полюса и обратно займёт примерно 90 дней, то только лишь еда на старте будет весить около ста килограмм. Однако, из своего опыта я уже знаю, что тащить что-либо гораздо легче, чем нести это на себе. К тому же на полпути я могу оставить часть продовольствия, которым смогу воспользоваться по дороге назад.

Полярная ночь длится около шести месяцев, и в июле, в самом холодном месяце в году температура может опуститься до минус восьмидесяти градусов Цельсия. Я собираюсь начать своё путешествие на лыжах в самом тёплом месяце – январе, но и тогда средняя температура во внутренних областях континента обычно под -30 градусов Цельсия. Дует ураганный ветер, и ни единой живой души вокруг вплоть до научно-исследовательской станции, находящейся на самом полюсе. Несмотря на все эти неудобства, я уже не могу дождаться начала такого путешествия.

Я представляю себе, как ставлю на якорь свою лодку неподалёку от айсберга, выглядящего, словно гигантская рука. Неподалёку плещется горбатый кит, а рядом на лёд выпрыгивает парочка пингинов. Над моей головой кружит альбатрос и облако, белое, словно мел, сливается с белизной снега под ногами. На берегу, покрытом водорослями и гладкими камнями, мирно спит тюлень, а в синем, почти фиолетовом небе видна бледная луна. Я оглядываюсь вокруг, и на горизонте вижу скалистые горы.

Такова моя следующая мечта. Я отправляюсь в необъятную белую пустоту.